

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

ЧЭН ГО

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА В
ОТНОШЕНИИ КНР (2017-2021 ГГ.) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель -
Доктор исторических наук, профессор
Степанов Сергей Александрович

Москва - 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
 ГЛАВА 1. Теоретические основы внешней политики	
США и формирование политики администрации Д.Трампа	
в отношении КНР.....	24
1.1. Теоретические основы внешней политики США.....	24
1.2. Дональд Трамп и «трампизм».....	38
 ГЛАВА 2. Политика администрации Д.Трампа	
в отношении КНР (2017-2021 гг.).....	48
2.1 Формирования основных направлений политики	
в отношении КНР.....	48
2.2. Политика администрации Д. Трампа в отношении КНР	
в политической и культурной перспективе	62
2.3. Торговая война 2018-2021 гг.....	80
2.4. Политика администрации Д. Трампа в отношении КНР	
в военной и технологической сферах.....	101
 ГЛАВА 3. Последствия конфронтационной политики	
и контрстратегия КНР.....	118
3.1. Влияние и последствия конфронтационной	
политики Д. Трампа в отношении КНР.....	118
3.2. Контрстратегия и усилия КНР: от теории к практике.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	160
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения политики США в отношении КНР определяется значимостью американо-китайских отношений в современном мире. Дипломатические отношения между странами были установлены в 1979 г. В последние десятилетия КНР демонстрировала высокие темпы экономического роста и по целому ряду показателей развития догнала, догоняет или даже опережает США. В результате наметилось геополитическое противостояние между двумя сверхдержавами современности, которое стало очевидным в 2017 г. после победы Д.Трампа на президентских выборах в США. Смена внешнеполитического курса в связи с приходом к власти в США республиканцев-«ястребов», которые считали конкуренцию великих держав ядром «большой стратегии» США и рассматривали КНР в качестве геополитического противника, обуславливает особую актуальность данного исследования.

Президентство Д. Трампа привело к некоторой трансформации традиционной американской политике по отношению к КНР, которая проводилась последние четыре десятилетия. Это способствовало резкому ухудшению двусторонних отношений, изменило основной параметр двусторонних отношений и глубоко повлияло на мировую политику. Поражение Трампа от Байдена на выборах 2020 года, его заявления об отказе признать результаты выборов и попытка захвата Капитолийского холма его крайне правыми сторонниками 6 января 2021 года рассматриваются как первый в истории США случай, когда «демократия находится под атакой», Это перекликается с противоречиями, характерными для всего президентства Д. Трампа. Вместе с тем наблюдался общий политический консенсус проигравших республиканцев и победивших демократов в отношении КНР. Несмотря на смену президента, основные политические силы продолжали рассматривать КНР как главного противника. В 2021 - 2025 гг. администрация

президента Дж. Байдена в значительной степени продолжила политику администрации Д. Трампа в отношении КНР.

Победа Трампа на президентских выборах в США 2024 года отражает поляризующуюся реальность американского внутривнутриполитического климата. Возвращение Трампа в Белый дом уже внесло и продолжает вносить неопределенность в мировую политику и внешнюю политику США. Двусторонние отношения снова оказываются на перепутье, китайская политика второй администрации Д. Трампа опять становится стратегическим фокусом не только для обеих сторон, но и для всего мира.

Политика администрации Д. Трампа в отношении КНР создала атмосферу «китайско-американского стратегического соперничества» характеризующуюся всеобъемлющей конкуренцией между двумя крупнейшими экономиками. За этим стратегическим соперничеством стоят четыре фактора: подъем/падение мощи двух стран, изменения в международной обстановке, идеологические разногласия, и внутреннее политическое влияние. Оно формирует как стратегические дебаты, так и реальную политическую, военную и экономическую динамику. С одной стороны, данное соперничество содержит традиционные элементы, например, американское военно-политическое сдерживание КНР, с другой стороны, большое значение имеет экономический фактор, который играет ключевую роль. Одновременно в этом соперничестве также появились некоторые новые элементы, такие как «технологическая конкуренция» и «культурный и идеологический антагонизм».

Таким образом, комплексный анализ китайской политики США в период президентства Д. Трампа представляется актуальным как с политической, так и с научной точки зрения.

Степень изученности темы исследования. При подготовке диссертации были использованы новейшие работы российских, американских и китайских исследователей. Эти работы многочисленны и разноплановы, так как политика администрации Д. Трампа в отношении КНР

поставила перед учеными всего мира совершенно новые задачи академического исследования.

Российские исследования по данной тематике можно разделить на несколько групп. Первая группа исследований затрагивает внешнюю политику администрации Д. Трампа в контексте теории международных отношений, включая внешнюю политику США по отношению к определенным регионам и странам, в частности политики в отношении к Индо-Тихоокеанскому региону (ИТР). Здесь следует отметить труды Гамзы Л. А.,¹ Гарусовой Л.Н.², Гудева П.А.³, Иванова И. С.⁴, Иванова О. П.⁵, Истомина И. А.⁶, Локшина Г.М.⁷, Маматханова Р. С.⁸, Морозова Ю.В.⁹, Райкова Ю. А.¹⁰, Торкунова А.В.¹¹, и др. Кроме того, существует несколько исследований торговой политики администрации Д. Трампа, таких как труды Давыдова А. Ю.¹², Емельянова Е. В.¹³ и др.

Вторая группа трудов посвящена различным аспектам китайской политики администрации Д. Трампа. Так, особой популярностью среди политических и экономических экспертов пользуется изучение «торговых

---

¹ Гамза Л. А. Китай в новой стратегии национальной безопасности США // ИМЭМО РАН. 29.03.2021. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/china-in-the-new-us-national-security-strategy>

² Гарусова Л.Н. Индия и США: формирования Индо-Тихоокеанского геополитического пространства // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. 18. С. 65-84.

³ Гудев П.А. Политико-правовые аспекты морской политики США в АТР // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2019. № 1(1). С. 53.

⁴ Международные отношения: грани настоящего и будущего / [под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой] // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 472 с.

⁵ Иванов О. П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // Обозреватель. 2020. 7. С. 39-52.

⁶ Истомин И. А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: № 49 /2019 // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 44 с.

⁷ Локшин Г.М. Доктрина Трампа — курс на создание нового блока в Азии // Проблемы Дальнего Востока. — 2018. № 3. С. 4-18.

⁸ Маматханов Р. С. Доктринальные основы политики США при администрации Дж. Байдена в отношении Китая и России // Власть. 2023. 31(4). С. 294-298.

⁹ Морозов Ю.В. Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Трампа как угроза национальным интересам Китая и России в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 6. С. 1166 – 1180.

¹⁰ Райков Ю. А. Фактор АСЕАН в политике США в Восточной Азии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. 50 (2). С. 97-113.

¹¹ Торкунов А.В. Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 6 (63). С. 25-37.

¹² Давыдов А. Ю. Торговая политика администрации Трампа // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 10. С. 40-53.

¹³ Емельянов Е. В. Внешнеторговый курс Дональда Трампа: планы и реалии // Международная торговля и торговая политика. 2018. (2). С. 73-82.

войн». К таким трудам относятся работы Астафьевой Е. М.¹⁴, Виноградова А.О.¹⁵, Долгова С. И.¹⁶, Михеева В.¹⁷, Петрова А. А.¹⁸, Погодина С. Н.¹⁹, Портанского А.П.²⁰, Салицкого А.И.²¹, Тимофеева О.А.²², Труша С.М.²³, и др. Проблемы технологической конкуренции рассматриваются в работах Дмитриева С. С.²⁴, Крамаровой Е. Н.²⁵, и других. Военно-политический аспект находится в центре внимания Блохина К.В.²⁶, Парамонова О.²⁷, Холопова О.А.²⁸, Худайкуловой А. В.²⁹ и других.

Третья группа – это исследования стратегического соперничества КНР и США непосредственно в период первого президентства Д. Трампа. Теоретические исследования «китайско-американского соперничества» с точки зрения теории международных отношений рассмотрены в трудах Воскресенского А. Д.³⁰, Дегтерёва Д.А.³¹, и других. Вопросы конфликтологии

---

¹⁴ Астафьева Е. М., Малетин Н. П. Американо-китайская торговая война: реакция Сингапура // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. №1. С.174-186.

¹⁵ Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № XXIV. С. 187-206.

¹⁶ Долгов С. И., Савинов Ю. А. Международная торговля: США на тропе войны // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. 9. С. 7-21.

¹⁷ Михеев В., Луконин С. Китай–США: многовекторность “торговой войны” // Мировая экономика и международные отношения. 2019. 63 (5). Р. 57-66.

¹⁸ Петров А. А. Китай - США: перспективы выхода из торговой войны. Международная жизнь. 2020. № 4. С. 50-57.

¹⁹ Погодин С. Н., Ягья Т. С. О развитии торговых американо-китайских отношений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 26–38.

²⁰ Портанский А.П. Дональд Трамп грозит Китаю новой торговой войной // имэмо. 29.01.2024. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/donald-trump-threatens-china-with-a-new-trade-war>

²¹ Салицкий А. И., Салицкая Е. А. США – Китай: Тупики и парадоксы торговой войны // Вестник Российской академии наук. 2020. № 7 (90). С. 653–663.

²² Тимофеев О.А. Китайско-американский торговый конфликт 2019 года и его перспективы: между пессимизмом и неизвестностью // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24(24). С. 173-186.

²³ Труш С.М. Политика Д. Трампа в отношении Китая: мотивация, эволюция, итоги // Российское китаеведение. 2023. 3(4). С. 69—92.

²⁴ Дмитриев С. С. Американо-китайское технологическое соперничество: от “высокомерия” к бойкоту // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 12 (64). С. 70-77.

²⁵ Крамарова Е. Н. Технологическая политика администрации Д. Трампа: поиск баланса технонационализма и техноглобализации // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). – С. 128-145.

²⁶ Блохин К.В. Военно-стратегическое соперничество США и КНР и проблемы национальной безопасности России // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2019. № 5. С. 46-53.

²⁷ Парамонов О. Об Индо-Тихоокеанском единстве: станет ли QUAD «столпом стабильности в регионе»? // Международная жизнь. 2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29431>

²⁸ Хлопов О.А. Военно-политическая стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: китайский фактор // Мировая политика. 2019. № 3. С. 47 - 59.

²⁹ Худайкулова А. В., Рамич М. С. “Квад 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43.

³⁰ Воскресенский А. Д., Колдунова Е. В., Киреева А. А. Мировое комплексное регионоведение. – Издательство:

в определенных регионах, особенно в регионе Южно-Китайского моря, рассмотрены в трудах Васильева Д. В.³², Графова Д.Б.³³, Королева А. С.³⁴, Локшина Г. М.³⁵ и других.

Четвертая группа работ относится к исследованию политики администрации Д. Трампа и ее влияния и последствия на китайско-американские отношения. Это труды Воробьёва В. Я.³⁶, Кашина В. Б.³⁷, Кузнецова Д.В.³⁸, Лукинского Н. А.³⁹, Тимофеева И. Н.⁴⁰, Труша С. М.⁴¹ и других. Интерес вызывают труды, посвященные влиянию политики администрации Д. Трампа на трёхсторонние отношения между Россией, КНР и США, – это труды Давыдова А. С.⁴², Дегтерева Д.А.⁴³, Морозова Ю. В.⁴⁴, Цветкова И.А.⁴⁵ и других.

Магистр, 2020. 416 с.

³¹ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. № 2 (21). С. 210-231.

³² Васильев Д. В. Южно-Китайское Море в противостоянии КНР и США в Азии // Азия и Африка сегодня. 2020. № 7. Р. 61-66.

³³ Графов Д.Б. Цели, интересы, стратегии КНР и США как главных акторов территориального спора в Южно-Китайском море // Вестник Института востоковедения. 2018. №1. С.149-161.; Графов Д.Б. Отношения Китая и США в связи с территориальным спором в Южно-китайском море // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 9. С. 24-39.;

³⁴ Королев А. С. АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая. // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 13-19.

³⁵ Локшин Г. М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. №2. С.54-73.

³⁶ Воробьев В. Я. Приход администрации Д. Трампа и китайско-американские отношения. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 66 с.

³⁷ Кашин В. Б. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // Российского совета по международным делам. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikano-kitayskie-otnosheniya-k-novoy-kholodnoy-voyne/>

³⁸ Кузнецов Д.В. О взаимоотношениях США КНР в начальный период президентства Д. Трампа // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. С. 32-46.

³⁹ Лукинский Н. А., Савкович Е. В. Развитие отношений КНР и США при администрации Д. Трампа с позиции Соединенных Штатов // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С.11.

⁴⁰ Тимофеева И. Н. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. – Издательство: НП РСМД, 2020. – 454 с.

⁴¹ Труш С. М. Отношения КНР и США в экономической сфере: двусторонние связи и многосторонние экономические проекты // Сравнительная политика. 2017. 8(3). С. 52-71.

⁴² Давыдов А. С. США-Китай-Россия: новые «Треугольные» игры // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017.

⁴³ Дегтерев Д.А., Бадрутдинова К.Р., Степанова А.А. Отношения в треугольнике США - РФ - КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // Вестник международных организаций. 2017. № 1 (12). С. 81-109.

⁴⁴ Морозов Ю. В. Подходы КНР, США и РФ в борьбе в сфере геополитики в регионах мира // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 1.

⁴⁵ Цветков И.А. Соперничество США и Китая как фактор развития современных российско-американских отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 406–421.

В пятую группу входят многочисленные монографии и научные статьи по исследованию концептуальных основ китайской внешней политики, эволюции китайской дипломатии, месту и роли КНР в мировой и региональной политике, китайской контрстратегии и усилий администрации Д. Трампа. Эта тематика представлена работами Воскресенского А. Д.⁴⁶, Зверевой В.С.⁴⁷, Карнеева А.Н.⁴⁸, Кузнецовой Г.В.⁴⁹, Михневича С.В.⁵⁰, Мосякова Д.В.⁵¹, Семенова А.В.⁵² и других. Военно-политический аспект представлен в работах Кашина В. Б.⁵³, Полончука Р. А.⁵⁴ и др. Вопросы китайской инициативы «Один пояс, один путь» рассматриваются в работах Киреевой А.А.⁵⁵, Лузянина С.Г.⁵⁶ и других исследователей. В работах Соколышкина Л. М.⁵⁷ и других авторов рассматриваются стратегические последствия, которые имеет китайская политика США для России.

Американские исследования, которые автор использовал в диссертации, условно можно разделить на несколько групп. Первая группа состоит из трудов по изучению китайской политики администрации Д. Трампа, её влияния и последствия на двусторонние и международные

---

⁴⁶ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: Стратегические изыскания, 2019. – 736 с.

⁴⁷ Зверева В. С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 171–183.

⁴⁸ Карнеев А.Н., Пятачкова А.С. Анализ дискуссий внутри китайского общества о положении Китая в мире на фоне обострения отношений с США в период пандемии. Сравнительная политика. 2020. № 11(4). С.135-147.

⁴⁹ Кузнецова Г. В. Путь Китая к цифровому лидерству // Международная торговля и торговая политика. – 2021. Том 7. № 2 (26). С. 17-29.

⁵⁰ Михневич С.В. «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. №4. С. 237-255.

⁵¹ Мосяков Д.В., Шпаковская М.А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. №3 (40). С. 5-11.

⁵² Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 8(63). С. 72-81.

⁵³ Кашин В. Б., Крашенинникова Л., Пятачкова А. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7(64). С. 49-59.

⁵⁴ Полончук Р. А. Особенности военной политики КНР на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2021. №1 С. 89-105.

⁵⁵ Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение / А.А.Киреева // Сравнительная политика. 2018. №3(9). С. 61-74.

⁵⁶ Лузянин С.Г. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения. // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 5-14.

⁵⁷ Перспективы внешней политики США в отношении Китая: значение для России: доклад № 83 / 2022 / [под ред. Е. О. Карпинской, Ю. С. Соколышкин, С. М. Гавриловой] // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2022. – 56 с

отношения. Это исследования таких авторов, как Дж. Най⁵⁸, А. Фридберг⁵⁹; Р. Хасс⁶⁰; Р. Саттер⁶¹; А. Кордесман⁶²; Б. Лоузен⁶³; Э. Эшби⁶⁴ и других.

Вторая группа состоит из трудов американских экспертов по изучению «китайско-американского соперничества» как элемента в меняющихся китайско-американских отношений в эпоху Д. Трампа. К ним можно отнести работы уже упоминавшихся Дж. Ная⁶⁵ и А. Фридберга⁶⁶, а также Г. Эллисона⁶⁷, Дж. Бадера⁶⁸, Р. Росса⁶⁹, Д. Доллара⁷⁰, Р. Фута⁷¹, Э. Экономи⁷² и других.

Третья группа состоит из трудов американских экспертов по изучению аспектов китайской политики администрации Д. Трампа. Исследованиям в области «торговой войны» посвящены работы Д. Стейнбока⁷³, Т. Паукена⁷⁴, Л.

---

⁵⁸ Nye J. Power and Interdependence with China // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43(1). P. 7-21.

⁵⁹ Friedberg A. Competing with China // Survival. 2018. Vol. 60(3). P. 7-64.

⁶⁰ Hass R. Lessons from the Trump administration's policy experiment on China // Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/research/lessons-from-the-trump-administrations-policy-experiment-on-china/>; Hass R., Williams R. The future of US policy toward China: Recommendations for the Biden administration. – Washington D. C.: The Brookings Institution, 2020. – 116 p.

⁶¹ Sutter R. Push back: America's New China Strategy // The Diplomat. November 02, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/11/pushback-americas-new-china-strategy/>

⁶² Cordesman A. From Competition to Confrontation with China: The Major Shift in U.S. Policy // Center for Strategic and International Studies. 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/competition-confrontation-china-major-shift-us-policy>

⁶³ Lowson B. The Trump Administration's Final China Push // The Diplomat. January 22, 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/the-trump-administrations-final-china-push/>

⁶⁴ Ashbee E. The Trump administration and China: policy continuity or transformation? //2021. Policy Studies. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01442872.2021.1919299>

⁶⁵ Nye J., Allison G., Blackwill R., Campbell K. The Struggle for Power: US-China Relations in the 21st Century. – The Aspen Institute, 2020. – 170 p.

⁶⁶ Friedberg A. The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable? // International Security. 2005. Vol. 30 (2). P. 7–45.

⁶⁷ Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – 384 p.

⁶⁸ Bader J. U.S.-China relations: Is it time to end engagement? // Brookings Institution. September 2018. URL: <https://www.brookings.edu/research/u-s-china-relations-is-it-time-to-end-the-engagement/>

⁶⁹ Ross R. It's not a cold war: competition and cooperation in US-China relations // China International Strategy Review. 2020. Vol. 2. P. 63–72.

⁷⁰ Dollar D., Hass R., Bader J. Assessing U.S.-China relations 2 years into the Trump presidency // Brookings Institution. January 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/01/15/assessing-u-s-china-relations-2-years-into-the-trump-presidency/>

⁷¹ Foot R. Assessing the deterioration in China-U.S. relations: U.S. governmental perspectives on the economic-security nexus // China International Strategy Review. 2019. 1 (1). P. 39–50.

⁷² Economy E., Huang Y. Z., Cohen J. Segal A., Gewirtz J. How 2020 Shaped U.S.-China Relations // Council on Foreign Relations. December 15, 2020. URL: <https://www.cfr.org/article/how-2020-shaped-us-china-relations>

⁷³ Steinbock D. U.S.-China Trade War and Its Global Impacts // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. 4 (4). P. 515-542.

⁷⁴ Pauken T. Us Vs China: From Trade War To Reciprocal Deal. – World Scientific, 2019. – 346 p.

Лау⁷⁵, Т. Поу⁷⁶, Л. Ларокко⁷⁷, Р. Чоудхури⁷⁸ и других. Исследованиям в области технологической войны посвящены работы А. Кеннеди⁷⁹, Г. Чанга⁸⁰; Д. Лима⁸¹ и других. Исследованиями в области идеологического противостояния посвящены работы Н. Левайн⁸² и других авторов. Изучением военно-политического сдерживания занимались А. Сингер⁸³, Р. Маркс⁸⁴ и другие. В частности, идеологической составляющей конфликта посвящены работы Г. Эллисона⁸⁵, Х. Холбига⁸⁶ и других. Среди них выделяется работа П. Наварро⁸⁷, которых можно отнести к американским «ястребам», высказывающим крайние взгляды.

Четвёртая группа включает труды американских экспертов по изучению внешней политики администрации Д. Трампа, в частности, «Индо-Тихоокеанской стратегии» в качестве контрстратегии в отношении КНР. Эта тематика представлена работами Л. Форда⁸⁸, Б. Хардинга⁸⁹, Р. Мэннинга⁹⁰ и других авторов.

Пятая группа представлена трудами американских экспертов по

---

⁷⁵ Lau L. The China-U.S. Trade War and Future Economic Relations. – Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press, 2019. – 224 p.

⁷⁶ Pow T. Trade War With China. – New York: Routledge, 2019. – 254 p.

⁷⁷ LaRocco L. Trade War: Containers Don't Lie, Navigating the Bluster. – New York: Marine Money, Inc., 2019. – 204 p.

⁷⁸ Choudhury R. The China-US Trade War and South Asian Economies. – New York: Routledge, 2021. – 278 p.

⁷⁹ Kennedy A., Lim D. The innovation imperative: technology and US-China rivalry in the twenty-first century // International Affairs. 2018. Vol. 94 (3). P. 553-572.

⁸⁰ Chang G. The Great U.S.-China Tech War. – New York: Encounter Books, 2020. – 52 p.

⁸¹ Lim D. The US, China and 'Technology War' // Global Asia. – 2019. – Vol.14 (1).

⁸² Levine N. Ideological Competition With China Is Inevitable-Like It or Not // Foreign Policy. August 6, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/06/china-us-liberalism-democracy-authoritarianism-ideology-competition-cold-war/>

⁸³ Singer A. Obama, Trump, and Xi: Three South China Sea Strategies in the U.S.-China Battle for Global Hegemony // CMC Senior Theses. 2499. 2020. URL: https://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/2499

⁸⁴ Marks R. The Trump Administration Has a China Containment Plan // The National Interest. June 2020. URL: <https://nationalinterest.org/feature/trump-administration-has-china-containment-plan-163402>

⁸⁵ Allison G. China vs. America: Managing the Next Clash of Civilizations // Foreign Affairs. – 2017. – 96(5). – P. 80–89.

⁸⁶ Holbig H. Ideology After the End of Ideology: China and the Quest for Autocratic Legitimation // Democratization. – 2013. – 20(1). – P. 61–81.

⁸⁷ Navarro P. Death by China. – New Jersey: Pearson Prentice Hall, 2011. – 300 p.

⁸⁸ Ford L. The Trump administration and the “Free and Open Indo-Pacific” // Brookings Institution, May 2020. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-trump-administration-and-the-free-and-open-indo-pacific/>

⁸⁹ Harding B. The Trump administration's Free and Open Indo-Pacific approach // Southeast Asian Affairs. 2019. P. 61-68. Art R. The United States and the Rise of China: Implications for the Long Haul // Political Science Quarterly. 2010. 125(3). P. 359-391.

⁹⁰ Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США // Россия в глобальной политике. – 2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indo-tihookeanskaya-strategiya-ssha/>

изучению теоретических основ внешней политики администрации Д. Трампа («Большая стратегия»). Эта группа представлена работами Дж. Гэддиса⁹¹, Х. Брэндса⁹², уже дважды упоминавшегося Дж. Ная⁹³, П. Портера⁹⁴, С. Реншона⁹⁵ и других исследователей.

Шестая группа состоит из трудов по изучению контрстратегии КНР в «китайско-американском соперничестве». Это труды Р. Хасса⁹⁶, Д. Фуллера⁹⁷ и других авторов.

Китайские исследования широко представлены в данной работе. Президентство Трампа способствовало возрастанию интереса к изучению китайской политики США и изучению двусторонних отношений среди китайских ученых. Первая группа исследований состоит из трудов китайских экспертов по изучению политики администрации Д. Трампа и ее последствий. Эта группу представляют Вэй Чжунъюй⁹⁸; Ван Ю⁹⁹; Сюй Цзянь¹⁰⁰; Тао Вэньчжао¹⁰¹; Чжао Минхао¹⁰²; Чжу Фэн¹⁰³; У Синьбо¹⁰⁴ и другие авторы.

---

⁹¹ Gaddis J. On Grand Strategy. – New York: Penguin Press, 2018. – 384 p.

⁹² Brands H. American Grand Strategy in the Age of Trump. – California.: Brookings Institution Press, 2018. – 256 p.; Brands H., Kohl C. Trump's grand strategic train wreck // Foreign Policy. February 2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/01/31/trumpsgrand-strategic-train-wreck/>.

⁹³ Nye J. Trump's Effect on US Foreign Policy // Project Syndicate. September 4, 2019. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-long-term-effect-on-american-foreign-policy-by-joseph-s-nye-2019-09>

⁹⁴ Porter P. Why America's Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the U.S. Foreign Policy Establishment. // International Security. – 2018. – 42 (4). – P. 9–46.

⁹⁵ Renshon S., Suedfeld P. The Trump Doctrine and the Emerging International System. – New York.: Palgrave Macmillan, 2020. – 470 p.

⁹⁶ Hass R. How China is responding to escalating strategic competition with the US // Brookings Institution. March 1, 2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-china-is-responding-to-escalating-strategic-competition-with-the-us/>

⁹⁷ Fuller D. China's Counter-Strategy to American Export Controls in Integrated Circuits // China Leadership Monitor. 2021 Issue 67. P. 1-15.

⁹⁸ 魏忠雨 Вэй Чжунъюй. 中美战略竞争与特朗普政府对华战略调整(Китайско-американское стратегическое соперничество, беспокойство о статусе США и стратегический пересмотр администрации Трампа в отношении КНР) // «美国研究». 2018. No. 4. С. 73.

⁹⁹ 王佑 Ван Ю. 中美经济与战略脱钩的趋势及影响 (Экономическая и стратегическая «развязка» КНР и США) // «现代国际关系». 2018. No. 7. С. 29.

¹⁰⁰ 随健 Сюй Цзянь. 美国对华战略调整与中美关系的三大风险 (Корректировка политики США в отношении Китая и три основных риска в китайско-американских отношениях) // «国际问题研究». 2018. No. 4. С. 8–14.

¹⁰¹ 陶文钊 Тао Вэньчжао. 美国对华政策的深度调整 (Глубокая корректировка политики США в отношении Китая) // «和平与发展». 2018. No. 2. С. 11–2.

¹⁰² 赵明昊 Чжао Минхао. 特朗普主义与中美关系的战略转向 (Доктрина Трампа и стратегическая трансформация американо-китайских отношений) // «美国研究». 2018. No. 5. С. 7–34.

¹⁰³ Zhu F. The Trump Administration's Policy Changes on China and Their Destructive Ramifications for US-China Relations. Asian Perspective. 2021. 45(1). P. 123-145.

¹⁰⁴ 吴心伯 У Синьбо. 美国对华政策进入新阶段 (Новый этап политики США в отношении Китая) // «环球

Вторая группа исследований включает работы китайских экспертов, занимающихся различными аспектами китайской политики администрации Д. Трампа. В области «торговой войны» ценны труды Ли Вэй¹⁰⁵, Пэн Шици¹⁰⁶; Чэнь Минчжэ¹⁰⁷, Юй Юньдинь¹⁰⁸ и других. Технологическое соперничество отражено в работах Сунь Хуна¹⁰⁹, Чжао Цзюньфу¹¹⁰, Янь Сюэтуна¹¹¹ и других экспертов.

В третью группу входят работы китайских экспертов, исследующих «стратегическое соперничество КНР-США» с теоретической и исторической точек зрения. В этом направлении активно работают Ван Цзисы¹¹², Ван Вэн¹¹³, Ван Лисинь¹¹⁴, Дяо Дамин¹¹⁵, Гао Чэнь¹¹⁶, Гао Чжикай¹¹⁷, Не Вэньцзюань¹¹⁸, Чжао Минхао¹¹⁹, Чжоу Цзяньжэнь¹²⁰, Янь Сюэтун¹²¹ и другие эксперты.

时报». 24 April, 2018. URL: <http://opinion.huanqiu.com/hqpl/2018-04/11904842.html?agt=15438>

¹⁰⁵ Li W. Towards Economic Decoupling? Mapping Chinese Discourse on the China-US Trade War // *The Chinese Journal of International Politics*. 2019. Vol. 12(4). P. 519–556.

¹⁰⁶ 彭师师 Пэн Шици. 特朗普时期中美贸易摩擦的原因和对策研究 (Торговые трения между КНР и США в эпоху Трампа: причина и контрстратегия) // «国际关系». 2019. № 6(3). С. 58-84.

¹⁰⁷ Chen M. J., Pang D. L. The US-China trade war: the competitive dynamics perspective // *Foreign Economics & Management*. 2019. 41(7). P. 3-24.

¹⁰⁸ 余永定 Юй Юньдинь. 对中美贸易战的几点看法 (Некоторые наблюдения по поводу торговой войны между Китаем и США) // «清华金融评论». 2018. No. 7. С. 21.

¹⁰⁹ Sun H. U.S.-China Tech War. Impacts and Prospects // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2020. 5 (2). P. 197–212.

¹¹⁰ Chao J. F. The Political Economy of the U.S.-China Technology War // *Monthly Review*. 2021. Vol. 73(3).

¹¹¹ Yan Xuetong. Bipolar Rivalry in the Early Digital Age // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13(3). P. 313–341.

¹¹² 王缉思 Ван Цзиси. 世界政治进入新阶段 (Новая эра мировой политики) // «国际战略研究简报». 2018. No.62. P. 1–10.

¹¹³ 王文 Ван Вэн. 内功比拼将成中美竞争关键 («Соревнование внутренней силы» станет ключом к китайско-американскому соревнованию.) // «参考消息». 2016-09-19. URL: <https://news.ruc.edu.cn/archives/145111>; Wang W. US-China competition needs to be civil // *Global Times*. Mar 08, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217670.shtml>

¹¹⁴ 王立新 Ван Лисинь. 从历史与比较的视野看大国竞争时代的中美关系 (Китайско-американские отношения и соперничество великих держав: с исторической и сравнительной точки зрения) // «现代国际关系». 2019. № 11 (2). С. 34-52.

¹¹⁵ 刁大明 Дяо Дамин. 从大国兴衰看中美竞争趋势 (Тенденция китайско-американского соперничества с точки зрения подъем и падения великих держав) // «现代中国际关系». 2020. № 11 (2). С. 34-52.

¹¹⁶ 高晨 Гао Чэнь. 中美竞争视角下对稳定发展中美关系的再审视 (Пересмотр «Развития устойчивых китайско-американских отношений» с точки зрения китайско-американской конкуренции) // «战略决策研究». 2018. No. 2. С. 17.

¹¹⁷ 高志凯 Гао Чжикай. 中美关系与“冬妮娅”综合征 // «现代国际关系研究». 2019. № 8 (3). С. 33-58.

¹¹⁸ 聂文娟 Не Вэньцзюань. 中美大国竞争才刚开始 (Конкуренция между КНР и США только началась) // «现代国际关系研究». 2018. № 6 (1). С. 28-50.

¹¹⁹ Zhao M. H. Is a New Cold War Inevitable? Chinese Perspectives on US-China Strategic Competition // *The Chinese Journal of International Politics*. 2019. Vol. 12(3). P. 371–394.

¹²⁰ Zhou J. R. Power Transition and Paradigm Shift in Diplomacy: Why China and the US March towards Strategic Competition? // *The Chinese Journal of International Politics*. 2019. Vol. 12(1). P. 1–34.

¹²¹ 阎学通 Янь Сюэтун. 世界权力的转移: 政治领导与战略竞争(Смена мировой власти: политическое

Некоторые китайские ученые, среди которых следует назвать Ли Сяоманя¹²², Хэ Яфэй¹²³, Чжао Кэцзинь¹²⁴, Фу Инь¹²⁵ и других, сосредоточились на двусторонних отношениях в эпоху пандемии COVID-19.

Стратегическое исследование Америки также привлекают внимание китайских ученых, в этом направлении активно работают Доу Гоцин¹²⁶; Лю Гочжу¹²⁷; Мэн Хунхуа¹²⁸; Ни Шисюн¹²⁹; Хань Чжаоинь¹³⁰; Цзинь Цаньжун¹³¹; Цзо Сийинь¹³²; Чэн Явэнь¹³³, Ян Вэйдун¹³⁴ и другие.

Ряд китайских ученых обращают внимание на внешнюю и внутреннюю политику КНР, контрстратегию КНР и дипломатические усилия в контексте теории международных отношений. Эти вопросы поднимают в своих работах Ван Вэн¹³⁵, Лю Цзяньфэй¹³⁶, Чжань Цяньминь¹³⁷, Ян Цземань¹³⁸, Ян Цзечи¹³⁹,

---

лидерство и стратегическая конкуренция). – Издательство Пекинского университета, Пекин, 2016. – 296 с.

¹²² 李晓曼 李 李 李. 疫情下的中美关系与国际大变局 (Китайско-американские отношения и международные изменения в условиях пандемии COVID-19) // «国际关系». 2020. № 8(5). С. 19-41.

¹²³ 何亚非 何 何. 后疫情时代下的中美关系与中国外交 (Китайско-американские отношения и китайская дипломатия в постпандемическую эпоху) // «现代国际关系研究». 2020. № 11(2). С. 49-69.

¹²⁴ 赵可金 赵 赵. 疫情冲击下中美关系(Как складываются отношения между КНР и США под воздействием пандемии COVID-19) // «美国问题研究». 2020. № 8(5). С. 19-41.

¹²⁵ 傅 尹. 疫情下的中美关系-挑战, 机遇与策略 (Китайско-американские отношения в условиях пандемии COVID-19: вызовы, перспективы и стратегии). – Издательство Шиши, Пекин, 2020. – 181 с.

¹²⁶ 豆国庆 豆 豆. 美国百年全球战略 (Столетняя глобальная стратегия Соединенных Штатов). Академическое издательство социальных наук, Пекин, 2024. 345 с.

¹²⁷ Liu G.Z., Yang N. Strategic Inertia and the Development of U.S. Grand Strategy // Journal of Zhejiang University (Humanities and Social Science). 2019. 49(4). P. 34-54.

¹²⁸ 门洪华 门 门. 霸权之翼: 美国国际制度战略 (Крылья гегемонии: международная институциональная стратегия Америки). Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. 353 с.; Мэн Хунхуа. 关于美国大战略的框架性分析 (Анализ рамок «Большой стратегии» США) // «国际观察». 2005. №. 1. С. 22-29.

¹²⁹ 倪世雄 倪 倪. 霸权均势: 冷战后美国的战略选择 (Гегемонистский баланс сил: стратегический выбор Америки после холодной войны) // «美国研究». 2000. №. 1. С. 7-23.

¹³⁰ 韩兆颖 韩 韩. 国家战略的理性与不确定性逻辑—兼谈冷战结束后的美国大战略 (Рациональность и логика неопределенности национальной стратегии: о «Большой стратегии» США после окончания холодной войны) // «国际论坛». – 2023. – №. 2. – С. 22-40.

¹³¹ 金灿荣 金 金. 衰落—变革—更生: 美国霸权的内在韧性与未来走向 (Упадок-трансформация-возрождение: внутренняя устойчивость и будущее направление американской гегемонии) // «当代亚太». 2015. №. 6.

¹³² 左希迎 左 左. 威胁评估与美国大战略的转变 (Оценка угроз и изменение «Большой стратегии» США) // «当代亚太». 2018. №. 4. С. 4-50.

¹³³ 程亚文 程 程. 大战略的思想与实践: 形成、特征与演进 (Мысль и практика «Большой стратегии»: формирование, характеристики и эволюция) // «史学月刊». 2018. №. 2. С. 21-27.

¹³⁴ 杨文东 杨 杨. 美国霸权地位的衰落-基于政治领导力的视角 (Упадок американской гегемонии: с точки зрения политического лидерства) // «国际论坛». 2021. №.1. С. 50-64.

¹³⁵ Wang W. China offers certainty during uncertain times // Global Times. March 15, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1218435.shtml>

¹³⁶ Liu J. F. Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics Reflects Trends of the Times // China International Studies. 2017. 6(2). P. 28-44

¹³⁷ 张建明 张 张. 理解中国特色大国外交 (Понимание теории дипломатии великой державы с

Янь Сюэтунь¹⁴⁰ и другие. Некоторые ученые посвятили свои работы исследованию подъема КНР в контексте мирового порядка и международных отношений. Среди них Мэн Хунхуа¹⁴¹, Тань Шуай¹⁴², Чжао Хан¹⁴³, Чжао Суйшэнь¹⁴⁴, Чэнь Чжу¹⁴⁵, Чжоу Лицзе¹⁴⁶, Янь Сюэтунь¹⁴⁷ и другие. По теме глобальной роли КНР в инициативе «Один пояс, один путь» использованы работы таких авторов, как Ли Сяньян¹⁴⁸, Цао Цзянь¹⁴⁹, Чжао Минхао¹⁵⁰, Чэн Го¹⁵¹ и других.

В целом, в результате анализа литературы по теме диссертации можно сделать вывод, что определенная часть вопросов диссертационной работы рассматривалась в американской и китайской научной среде. Хотя тематика

китайской спецификой) // «世界经济与政治». 2018. 12(9). С. 74-95.

¹³⁸ 杨泽渊 杨泽渊. Китайская теория дипломатии и безопасности в новую эпоху // Сравнительная политика. – 2019. №2 – С. 56-68.

¹³⁹ 杨洁篪 杨洁篪. 推动共建人类命运共同体 (Содействие построению сообщества общей судьбы человечества) // «人民日报». November 19, 2017. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2017/1119/c1003-29654654.html>

¹⁴⁰ 阎学通 杨 杨. 美国霸权与中国安全 (Американская гегемония и безопасность Китая). Тяньцзиньское народное издательство, Тяньцзинь, 2000. 280 с.; Янь Сюэтунь. 国际政治与中国 (Международная политика и Китай). Издательство Пекинского университета, 2005. 283 с.

¹⁴¹ 门洪华 杨 杨. 构建中国“大战略”的框架-国家实力、战略观念与国际制度-(第二版) Создание структуры «Большой стратегии» Китая - Национальная мощь, стратегические концепции и международные институты - (Второе издание). Издательство Пекинского университета, Пекин, 2017. 416 с.

¹⁴² Tang S. China and the future international order // Ethics and International Affairs. 2018. 32(1). P. 31–43.

¹⁴³ Zhao H. China's Rise and Balance of Power Politics // The Chinese Journal of International Politics. – 2020. Vol. 13(1). P. 1–26.

¹⁴⁴ Zhao S.S. A Revisionist Stakeholder: China and the Post-World War II World Order // Journal of Contemporary China. 2018. 27(113). P. 643–658.

¹⁴⁵ Chen Z. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // The Pacific Review. 2020. 33(3). P. 438–468.

¹⁴⁶ Chou L. J. Understanding the Resentful Power: Rethink the Rise of China // The International Journal of Interdisciplinary Global Studies. 2020. 15(1). P. 1-12.

¹⁴⁷ 阎学通 杨 杨. 中国崛起及其战略 (Возвышение Китая и его стратегия). Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. 249 с.; 阎学通 杨 杨. 道义现实主义与中国崛起战略 (Моральный реализм и стратегия подъема КНР) – Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2018. – 284 с.; 阎学通 杨 杨. 大国领导力 (Лидерство великой державы). Издательство CITIC, Пекин, 2020. 304 с.

¹⁴⁸ 李向阳 杨 杨. 一带一路建设的利益观 (Точка зрения праведности и выгоды в инициативе «Один пояс, один путь») // «世界经济与政治». 2017. 9(6). С. 8-12.

¹⁴⁹ 曹建 杨 杨. 中国健康丝路倡议和全球健康合作 (На пути к Шелковому пути здоровья Предложение КНР о глобальном сотрудничестве в области здравоохранения) // «中国国际战略研究». 2020. Vol. 6(1). P. 19-35.

¹⁵⁰ 赵明昊 杨 杨. 一带一路与中美关系的塑造 (Инициатива «Один пояс, один путь» и ее значение для китайско-американских отношений) // «复旦学报». 2017. No. 6. С. 4–31.

¹⁵¹ Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J. L. Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. 19(1). P. 77–88.; Cheng G. China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. 22(2). P. 271–287.; Cheng G. China's Belt and Road Initiative in the Sino-US strategic rivalry: Implications and the main US response // Азия и Африка сегодня. 2022. Т. 22. № 10. С. 65-72.

политики США в отношении КНР в научной литературе представлена относительно полно, до сих пор не хватает исследований, которые могли бы дать всесторонний анализ китайской политики США в период президентства Трампа. Вышеизложенное подтверждает важность темы диссертационного исследования.

Объект исследования – внешнеполитический курс США в отношении КНР в период с 2017 по 2021 гг.

Предмет исследования – трансформация политики администрации Д. Трампа в отношении КНР в период его первого президентского срока 2017-2021 гг. и ассимитричная контрстратегия КНР.

Основная цель исследования – выявление развития и трансформации в китайской политике США с 2017 по 2021 гг.

Достижение поставленной цели определило следующие **задачи**:

- выявить идеологические основы внешней политики США, установить роль и значение «трампизма» в современной жизни США и причины конфронтационной политики США по отношению к КНР.
- проанализировать основные направления политики США в отношении КНР в период первого президентства Д. Трампа (2017-2021 гг.) в политическом, торгово-экономическом, военном, научно-технологическом и культурном аспектах.
- выделить особенности и последствия китайской политики администрации Д. Трампа, в частности ее вызовы и возможности для КНР с различных точек зрения;
- проанализировать ключевые факторы, влияющие на национальные интересы КНР и двусторонние отношения, такие как торговая война, технологическая война и пандемия КОВИД-19;
- изучить контрстратегию и контрмеры КНР в 2017-2021 гг.

Гипотеза исследования состоит в том, что конфронтационную политику в отношении КНР, которой придерживалась администрация Д.Трампа, нельзя рассматривать как резкую перемену внешнеполитического

курса США. Администрация Д. Трампа скорее трансформировала традиционную в целом «Большую стратегию» США, нацеленную на сохранение и упрочение американского доминирования на мировой арене. В связи с этим при серьезных разногласиях республиканцев и демократов по внутриполитическим вопросам в Вашингтоне сформировался прочный двухпартийный консенсус по отношению к КНР.

Хронологические рамки исследования в основном ограничены периодом 2017-2021 гг., то есть первым президентским сроком Д.Трампа. Вместе с тем автор счел полезным по некоторым проблемам обратиться также к эпохе «Холодной войны» и последующему периоду с тем, чтобы в более широком плане продемонстрировать динамическое взаимодействие между «Большой стратегией» и формированием внешней политики США.

Теоретическая основа исследования базируется на концепциях, связанных с изучением политических проблем международных отношений. Представлены теории различных фундаментальных школ и парадигмы для изучения «Большой Стратегии» США, основ внешней политики США и «трампизма» как нового феномена в политической науке. В исследовании использованы множество ключевых концепций, позволяющих выявить логическую связь между «Большой стратегией» США, американским реализмом и либерализмом и формированием внешней политики США. Так, с точки зрения реализма, концепция «дилеммы безопасности» определяет мотивацию великих держав играть роль гегемона для обеспечения безопасности. Концепция «неореализма» определяет намерения дипломатии великих держав. Известные американские реалисты, упомянутые в данной диссертации, К. Уолтц и Дж. Миршаймер представляют «чикагскую школу». С другой стороны, приверженцы «неолиберализма» считают, что международное сотрудничество может уменьшить конфликты и конкуренцию между государствами, а концепция «комплексной взаимозависимости» определяет взаимозависимость двух государств.

Кроме того, в данном исследовании использованы теория А.

Органского (теория «властного транзита и теории Г. Эллисона (теория «ловушки Фукидида»)), который акцентирует внимание на неизбежности войны между КНР и США. Эти теории обеспечивают теоретическую базу для описания потенциальной конфронтации между обеими сторонами.

В исследовании также использована гипотеза С. Хантингтона, предсказывающая, что конфликт между США и великими державами будет иметь экономических характер. В диссертации также уделяется внимание сходству «трампизма» и «джексонианства», одной из основных школ американской политической философии.

Помимо западных теорий, в данной работе использованы концепции китайской школы международных отношений. Концепция «морального реализма», предложенная профессором Янь Сюэтуном, представителем «школы Цинхуа», раскрывает китайское видение лидерства великих держав. Данная концепция строится на утверждении, что подъем или упадок государств зависит от политического лидерства. Были также использованы другие ключевые концепции китайской школы: концепция «комплексной государственной мощи», которая предоставляет китайскую методологию определения великих, средних и малых держав в международных отношениях; концепция «Сообщества единой судьбы человечества», которая подчеркивает открытость, инклюзивность и взаимовыгодное сотрудничество в построении общей судьбы человечества и описывает новый тип и подход к международным отношениям, который заменяет западную модель гегемонизма. Наконец, китайское видение американской «Большой стратегии» рассматривает её сущность как «американский гегемонизм».

Методология исследования В диссертации были использованы общенаучные методы политического анализа международных отношений, в частности аналитический, эмпирический, сравнительный, хронологический, ситуационный, повествовательный, а также методы прикладного политического анализа (кейс-стади и ивент-анализ).

– системный подход применялся в качестве инструмента для анализа

сущности внешней политики США и комплексного понимания мер КНР по противодействию американской конфронтационной политики. Это позволило одновременно воссоздать как единое целое все многообразие инструментов, применяемых США и описанных в хронологическом порядке.

– проблемно-хронологический подход использовался для комплексного понимания влияния различных факторов на принятия решений американской администрацией по китайским вопросам.

– институциональный подход применялся для изучения формальных и неформальных акторов и выявления отношений между ними.

– историографический подход использовался для построения объективной картины существенных различий в интерпретации международных событий.

Эмпирическая база исследования. Исследование охватывает широкий спектр источников и документов, который включает в себя: во-первых, документы официального происхождения и доклады государственных органов США¹⁵². К основным документам данной группы относятся «Стратегии национальной безопасности»¹⁵³ и «Стратегии национальной обороны» США¹⁵⁴. Во-вторых, использовались законодательные акты, подзаконные акты, делопроизводственные документы США и КНР¹⁵⁵. В-третьих, в диссертации были использованы статистические данные. В-

---

¹⁵² The White House Official Website. URL: <https://www.whitehouse.gov/>; The Official Website of the U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/>; The Official Website of the U.S. Department of Defense. URL: <https://www.defense.gov/>; U.S. Department of Defense: Annual Reports to Congress on China's Military Power. URL: <http://www.andrewerickson.com/2017/06/u-s-department-of-defense-annual-reports-to-congress-on-chinas-military-power-2002-17-download-complete-set-here/>; U.S. Department of Defense: Quadrennial Defense Review. URL: <https://dod.defense.gov/News/Special-Reports/QDR/>.

¹⁵³ National Security Strategy of the United States of America. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/>

¹⁵⁴ National Defense Strategy of the United States of America. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Military-Strategy/>.

¹⁵⁵ Taiwan Assurance Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. May 8, 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2002/text>; Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. October 16, 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3289/text>; Uyghur Human Rights Policy Act of 2020 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 17, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3744/text>; Tibetan Policy and Support Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. January 30, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4331/text?format=txt&r=3&s=1>; Концепция «Мирное развитие Китая». URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm#:~:text=Viewed%20in%20the%20broader%2C%20global,peace%20through%20its%20own%20development.

четвертых, средства массовой информации, материалы новостных газет и сайтов.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Большая стратегия» в историческом плане является одним из самых фундаментальных компонентов в формировании внешней политики США. «Большая стратегия» США относится к ее «гегемонной стратегии», направленной на достижение политического, экономического, военного, технологического и культурного контроля в глобальном масштабе. «Большая стратегия» США нацелена на предотвращение возможности появления силы, способной бросить вызов США. В частности, стратегия направлена на предотвращение возможности появления сверхдержавы в Евразии.

2. Политика США в отношении КНР формировалась в русле «Большой стратегии» и прошла ряд этапов. Современная конфронтационная политика обусловлена экономическим подъемом КНР. В Вашингтоне на основе двухпартийного консенсуса сформировалось твердое убеждение, что КНР бросает вызов претензии США на мировую гегемонию. Согласно теории «властного транзита», растущие державы стремятся изменить статус-кво, в том числе переформатировать международные правила.

3. «Большая стратегия» в период первого президентского срока Д. Трампа осуществлялась в стиле так называемого «трампизма». Под этим термином следует понимать популистский подход, предлагающий исключительно выгодные для американских интересов решения мировых политических и социально-экономических проблем. В 2017-2021 гг. имела место серьезная трансформация китайской политики США – от прежнего «сдерживания плюс вовлечения» до нынешней «конфронтации» с «общегосударственным» подходом, что привело к резкому ухудшению двусторонних отношений и оказало глубокое влияние на международные отношения. Президентство Трампа открыло эпоху долгосрочного стратегического соперничества КНР-США в контексте конкуренции великих держав, которая превращается в парадигму современных международных

отношений.

4. С политической точки зрения, в период первого президентского срока Д. Трампа его администрация определила «межгосударственную конкуренцию» как основу внешней политики США в меняющейся мировой политике. В этот период Вашингтон практиковал конфронтационный подход к Китаю, рассматривая его как «стратегического соперника». Вашингтон вмешивался во внутренние дела КНР по вопросам Тайваня, Гонконга, Синьцзяна и Тибета и активизировал свои глобальные усилия по сдерживанию и изоляции КНР дипломатическим путем. Вашингтон принял рекордное количество законодательных актов, нацеленных против КНР. Кроме того, конфронтационные подходы Вашингтона также затронули двусторонние культурные отношения, был прекращен ряд двусторонних культурных обменов.

5. В торгово-экономической сфере администрация Д. Трампа начала торговую войну с КНР, чтобы противостоять растущей экономической мощи КНР. Администрация Д.Трампа также предприняла значительные усилия для противодействия китайской инициативе «Один пояс, один путь».

6. С военной и технологической точки зрения администрация Д. Трампа активизировала свои усилия по формированию антикитайской военной коалиции, укрепив военные связи со своими союзниками и партнерами в сфере ИТР, и предприняла усилия по противодействию китайским технологическим компаниям и растущей технологической компетенции КНР.

7. Политика администрации Д. Трампа в 2017-2021 гг. вызвала тяжелые политические и экономические последствия во всем мире и создала серьезный вызов для КНР. Конфронтационная политика заставила КНР применить ассиметричную контрстратегию, направленную на всестороннее ускорение социально-экономического развития и научно-технического прогресса, а также ускорить формирование многосторонних отношений со странами глобального Юга и укрепление стратегического партнерства с ними.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

– выявлены основные доктрины и концепции, которые в совокупности образуют «Большую стратегию» США; показана эволюция внешней политики США при различных администрациях после окончания Холодной войны; доказано, что целью современной «Большой стратегии» США является консолидация и расширение американской гегемонии в международной системе.

– показано, какие элементы «Большой Стратегии» США легли в основу политики США по отношению к КНР; показано, какую роль играет в этом дебаты об «упадке Америки», теории «неореализма», концепции «властного транзита», «дилеммы безопасности» и «ловушки Фукидида» и т.п.

– определены основные черты мировоззрения Д.Трампа и его команды; выявлено политическое содержание «трампизма»; указано на взаимодействие и связь между «трампизмом» и «Большой стратегией» США; доказано, что «трампизм» имеет сходство с «джексоновским популизмом» и в то же время представляет собой новое явление, как реакция на глобализм.

– доказано, что политика США в отношении Китая в период первого президентского срока Д.Трампа имела конфронтационный характер и преследовала целью сохранить и расширить американскую гегемонию в международной системе.

– выявлены и систематизированы факторы политического сдерживания в отношении КНР, которые проводились администрацией президента Д.Трампа по ряду ключевых экономических и политических вопросов; показаны последствия такой политики для мировой торговли, экономики и безопасности.

– раскрыто китайское видение американской «Большой стратегии» и гегемонии; определен взгляд КНР на фундаментальные вопросы современных международных отношений, международный порядок и стратегическое соперничество; предложено всестороннее и объективное понимание стратегических намерений КНР;

– представлены основные китайские школы международных

отношений: концепция «комплексной государственной мощи»; концепция «мирового института» («система Тянься»; теория «морального реализма»; и концепция «Сообщества единой судьбы человечества»);

– выявлены основные направления контрстратегия КНР для нейтрализации американской угрозы в сфере внешней политики в период с 2017 г. по 2021 гг. Особое внимание уделялось политике технологического соперничества и глобальных усилий КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней рассматриваются основные теоретические вопросы международных отношений в политических науках, связанные с развитием двусторонних отношений на глобальном и региональном уровнях. Основные положения, и выводы диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения «китайско-американского стратегического соперничества» – нового ключевого элемента как в китайско-американских отношениях, так и в изучении международных отношений.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что результаты работы могут быть использованы при изучении американо–китайских отношений и новой области изучения «китайско-американского стратегического соперничества» в новую эру, а также в учебном процессе высших учебных заведений при подготовке учебных курсов по современным международным отношениям, при чтении спецкурсов по проблемам внешней политики США и КНР, при углублении знаний американских, российских и китайских ученых по данной проблематике.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности. Содержание диссертации соответствует областям исследований 1, 4, 5 и 6 Паспорта специальности 5.5.4 – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования».

Апробация результатов исследования. Положения данного исследования были представлены диссертантом на международных

конференциях, конференциях молодых ученых, а также круглых столах.

Сведения о полноте опубликованных материалов. Основные положения и выводы исследования нашли отражение в научных статьях, посвящённых различным аспектам исследуемой темы. По теме диссертационного исследования опубликовано 18 научных работ, в том числе 6 статей в научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также 5 статей в изданиях, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science.

Структура диссертации соответствует поставленным целям и задачам, состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. Теоретические основы внешней политики США и формирование политики администрации Д.Трампа в отношении КНР

1.1. Теоретические основы внешней политики США

Под «большой» или «высшей» стратегией принято подразумевать определение долгосрочных стратегических целей и принципов. Однако до сих пор в исследовательском дискурсе не существует единого определения теории «Большой Стратегии». Представим наиболее популярные определения. К. Грей определяет «Большую стратегию» как «целенаправленное использование всех инструментов власти, доступных для безопасности».¹⁵⁶ Х. Страчан считает её «амбициозной и ориентированной на предотвращение или управление упадком великой державы».¹⁵⁷ Дж. Гэддис заключает, что «Большую стратегию» можно рассматривать как «сочетание военного взаимодействия... с разнообразными внешними отношениями».¹⁵⁸ Б. Позен заявляет, что «Большая стратегия» - это «военно-политический подход, цепочка средств и целей, теория государства о том, как лучше всего «добиться» безопасности».¹⁵⁹ Х. Брэндс рассматривает «Большую стратегию» в гораздо более широкой перспективе как концептуальную основу «интеллектуальной архитектуры, которая придает форму и структуру внешней политике».¹⁶⁰

Отсутствие четкого определения теории «Большой Стратегии» позволяют трактовать ее по-разному: как план, как образ поведения или принцип. Например, Х. Брэндс и С. Эдель, сосредоточились на обоснование «Большой стратегии» как принципа великих личностей.¹⁶¹

З. Бжезинский впервые открыто провозгласил тезис о глобальном

---

¹⁵⁶ Gray C. Geography and grand strategy. // Comparative Strategy. 1991. 10 (4). P. 311-329.

¹⁵⁷ Strachan H. Strategy in theory; strategy in practice. // Journal of Strategic Studies. 2019. 42(2). P. 171-190.

¹⁵⁸ Gaddis J. On Grand Strategy. – New York: Penguin Press, 2018. – 384 p.

¹⁵⁹ Posen B. Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. – Cornell University Press, 2015. – 256 p.

¹⁶⁰ Brands H., Edel C. A Grand Strategy of Democratic Solidarity. // The Washington Quarterly. 2021. 44 (1). P. 29-47.

¹⁶¹ Также.

превосходство США, назвав его новым типом гегемонии. Из относительно изолированной страны США постепенно превратились в сверхдержаву.¹⁶² Р. Арт концентрируется на «Большой стратегии», как на «способе использования военной силы для поддержки внешнеполитических целей».¹⁶³ Он предполагает, что американское стратегическое присутствие на любом конце Евразии жизненно важно для поддержания стабильности и мира.¹⁶⁴ Дж. Бейкер назвал «Большую стратегию» США «сложной смесью политического идеализма и реализма».¹⁶⁵ Г. Киссинджер считает, что фундаментальная дилемма «Большой стратегии» США – это конфликт между историческим идеализмом и политическими реалиями. Он утверждает, что американская внешняя политика должна определяться американскими национальными интересами, а не идеологией.

Средства «Большой стратегии» сохраняются на протяжении всей истории. Х. Лассуэлл определил, что «четырёхступенчатое разделение инструментов политики особенно удобно, когда рассматриваются внешние связи группы: дипломатические, экономические, военные и гибридные. «Большая стратегия» – это «концептуальная логика», которая гарантирует, что все инструменты государственного управления, включая внешнюю политику, согласованы с целью максимизации выгод для основных интересов страны. А. Кафруни считает, что «Большая стратегия» США - это гегемония и сдерживание¹⁶⁶.

Китайские ученые также провели долгосрочное исследование американской «Большой стратегии» с точки зрения китайской школы международных отношений. Так, Чэн Явэнь считает, что термин «Большая стратегия» как макроконцепция включает в себя два основных атрибута, а именно: «определение стратегических целей» и «сбалансирование

---

¹⁶² Brzezinski Z. The Grand Chessboard.–Cambridge: Harvard International Review, 1997.–256 p.

¹⁶³ Art R. America's Grand Strategy and World Politics. – New York: Routledge, 2008. – 408 p.

¹⁶⁴ Art R. The United States and the Rise of China: Implications for the Long Haul // Political Science Quarterly. 2010. 125(3). P. 359-391.

¹⁶⁵ Klieman A. Great Powers and Geopolitics International Affairs in a Rebalancing World. – Springer International Publishing Switzerland, 2015. – 264 p.

¹⁶⁶ Кафруни А. Большая стратегия США: гегемония и сдерживание // Валдайский клуб. 07.02.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-strategiya-ssha/> – 02.03.2025.

конкретных средств». ¹⁶⁷ Мэн Хунхуа включил «оценку стратегической среды» в сферу исследования. ¹⁶⁸ Хань Чжаоинь предположил, что «Большая стратегия» США имеет очевидную преемственность и стабильность и является прямым отражением рациональной логики национальной стратегии. В то же время «Большая стратегия» также демонстрирует конфликты между различными стратегическими целями, неверное восприятие угроз безопасности, дисбаланс в инструментах и средствах внешней политики и разрыв между принятием решений и их реализацией, что глубоко отражает неопределенную логику национальной стратегии. ¹⁶⁹

В частности, китайские ученые подчеркивали неотъемлемый атрибут «гегемонии» в «Большой стратегии» США с точки зрения исследования истории развития международных отношений. Ни Шисюн подчеркивал, что после окончания Холодной войны «Большая стратегия» США в целом проявила себя, как стратегия «гегемонистского баланса сил», а именно, новая стратегия «баланса сил» под руководством «неореализма» и стратегия «институциональной гегемонии» под руководством «неолиберализма». ¹⁷⁰ Янь Сюэтунь сосредоточился на анализе характера гегемонии США и ее влияния на национальную безопасность КНР и глобальную политику. ¹⁷¹ Мэн Хунхуа предлагал теоретическую цель построения всеобъемлющей модели интерпретации гегемонии с точки зрения процесса международных институтов, подчеркивая большую ценность международных институтов в стратегии гегемонии США. ¹⁷² Доу Гоцин систематически излагал мотивы

---

¹⁶⁷ 程亚文 Чэн Явэнь. 大战略的思想与实践:形成、特征与演进(Мысль и практика «Большой стратегии»: формирование, характеристики и эволюция) // «史学月刊». 2018. №. 2. С. 21-27.

¹⁶⁸ 门洪华 Мэн Хунхуа. 关于美国大战略的框架性分析 (Анализ рамок «Большой стратегии» США) // «国际观察». 2005. №. 1. С. 22-29.

¹⁶⁹ 韩召颖 Хань Чжаоинь. 国家战略的理性与不确定性逻辑——兼谈冷战结束后的美国大战略 (Рациональность и логика неопределенности национальной стратегии: о «Большой стратегии» США после окончания холодной войны) // «国际论坛». 2023. №. 2. С. 22-40.

¹⁷⁰ 倪世雄 Ни Шисюн, 王义桅 Ван Ивэй. 霸权均势: 冷战后美国的战略选择 (Гегемонистский баланс сил: стратегический выбор Америки после холодной войны) // «美国研究». 2000. №. 1. С. 7-23.

¹⁷¹ 阎学通 Янь Сюэтунь. 美国霸权与中国安全 (Американская гегемония и безопасность Китая). – Тяньцзиньское народное издательство, Тяньцзинь, 2000. 280 с.

¹⁷² 门洪华 Мэн Хунхуа. 霸权之翼: 美国国际制度战略 (Крылья гегемонии: международная институциональная стратегия Америки). – Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. 353 с.

глобальной гегемонии США.¹⁷³ По мнению Цзинь Цаньжуна, «новый тип гегемонии» США включает в себя не только способность этой страны трансформировать международную систему и международные институты, но и сильную внутреннюю устойчивость, которая вытекает из их реформаторской традиции. История показывает, что США имеют традицию внесения постепенных коррективов в свою внутреннюю и внешнюю политику. Эти коррективы можно разделить на три категории: стратегическая коррекция, дипломатическое планирование и внутренние реформы. Внутренние экономические и социальные реформы играют решающую роль в обеспечении мощи США.¹⁷⁴ В целом китайские ученые пришли к общему мнению, что суть «Большой стратегии» США заключается в сохранении гегемонии США в мире.¹⁷⁵

Автор данной диссертации согласен с наиболее распространенным представлением о том, что «Большой стратегии» – это набор положений, способствующих эффективному использованию всех имеющихся ресурсов и средств для достижения политических и геополитических целей. Общие контуры американской «Большой Стратегии» наметились с момента обретения независимости Соединенными Штатами Америки. Разумеется, «Большая Стратегия» видоизменялась в соответствии с эпохой, решались и отпадали одни задачи, на их месте немедленно возникали новые. «Большая Стратегия» впитала множество политических теорий.

Теория «политического реализма» первой начала анализировать понятие «национальный интерес», который является стабильной основой международных отношений. Защита национального интереса представляется одним из главных направлений в обеспечении государственной безопасности. Субъекты международных отношений преследуют свои национальные интересы, практикуя так называемую «реалполитик». И наоборот, «реальную

---

¹⁷³ 都国庆 Доу Гоцин. 美国百年全球战略 (Столетняя глобальная стратегия Соединенных Штатов). Академическое издательство социальных наук, Пекин, 2024. 360 с.

¹⁷⁴ 金灿荣 Цзинь Цаньжун. 衰落—变革—更生: 美国霸权的内在韧性与未来走向 (Упадок-трансформация-возрождение: внутренняя устойчивость и будущее направление американской гегемонии) // «当代亚太». 2015. №. 6.

¹⁷⁵ 阎学通 Янь Сюэту. 大国领导力(Лидерство великой державы). Издательство CITIC, Пекин, 2020. 304 с.

политику» можно охарактеризовать как проведение политики, соответствующей общепринятым теориям политического реализма с упором на прагматизм. Основа американского реализма – это «политика силы». Американские реалисты принадлежат к двум лагерям: наступательному и оборонительному. Разница между ними заключается в различном понимании значимости «жесткой» и «мягкой» силы. Жесткая сила – это в первую очередь военная и экономическая; мягкая сила использует притягательность американской политической системы, идеологии и массовой культуры.

Реалисты придерживаются «дилеммы безопасности», которая является основной концепцией для понимания конфликтов между суверенными государствами. Наступательные реалисты полагают, что из-за структуры международной системы государства никогда не могут довольствоваться «достаточной» силой или мириться со своим нынешним статусом в долгосрочной перспективе. Для великих держав способ вырваться из этой «дилеммы безопасности» – это устранить конкуренцию и стать гегемоном. Реалисты утверждают, что системная стабильность напрямую зависит от военной мощи США. Шансы на возникновение военных конфликтов между великими державами останутся низкими, если гегемония США сохранится, но будут высокими, если международная система станет многополярной.

Наступательный реализм лежит в основе «Большой стратегии» США и исходит из представления, что международная политика подобна «игре с нулевой суммой». Это означает, что укрепление относительной мощи одного государства означает потерю относительной мощи для всех остальных, а из этого следует, что сотрудничества великих держав маловероятно. Таким образом, наступательные реалисты считают, что государства должны стремиться увеличить свою относительную мощь по сравнению с их соперниками. Они выступают за однополярную систему и считают, что другие государства готовы согласиться с доминированием США, поскольку взамен получают гарантии безопасности и развития экономики.

Концепция «неореализма», впервые изложенная американским

исследователем К. Уолтцем, утверждает, что природа международной структуры определяется ее принципом упорядочивания (анархии), единицами системы (государствами) и распределением возможностей (великие державы внутри международной системы).¹⁷⁶ Дж. Миршаймер развил эту концепцию на более широком уровне, он предложил, что анархический принцип упорядочивания международной структуры децентрализован, государства преследуют свои собственные интересы и не подчиняют свои интересы интересам других государств. Предполагается, что государства, как минимум, стремятся обеспечить собственное выживание, поскольку это является необходимой предпосылкой для достижения других целей. Эта движущая сила выживания является основным фактором, влияющим на их поведение, и, в свою очередь, обеспечивает государствам возможность развития наступательных возможностей для военной интервенции.¹⁷⁷

Окончание Холодной войны стало ключевым моментом для США в достижении доминирования. Сторонники теории «политического реализма» считают, что только силовое превосходство США обеспечивает мир. Поэтому внешняя политика США должна быть сосредоточена на поддержании мощи США, доминировании в международной сфере, в экономическом, политическом и военном аспектах в сочетании с предотвращением появления любой другой великой державы, способной бросить вызов США. Сторонники данной стратегии утверждают, что США должны работать над сдерживанием КНР и других конкурентов, а не вовлекать их.¹⁷⁸

«Большая стратегия» также имеет важный компонент, заимствованный у либерализма. По представлениям сторонников либерального подхода, в международной политике есть три основных направления: политический либерализм, коммерческий либерализм и неолиберализм (либеральный институционализм). В основе политического либерализма лежит теория

---

¹⁷⁶ Waltz K. The Anarchic Structure of World Politics. International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues, 2003. 6th Edition.

¹⁷⁷ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – N.Y.: W.W. Norton & Co, 2014. – 592 p.

¹⁷⁸ Brands H. Choosing Primacy: U.S. Strategy and Global Order at the Dawn of the Post-Cold War Era // Texas National Security Review. 2018. 1 (2). P. 8-33.

«демократического мира». Коммерческий либерализм основан на представлении, что международная торговля и взаимозависимость ведут к миру. Его главное требование – глобализация. Неолиберализм считает, что международные институты или режимы способствуют взаимовыгодному сотрудничеству, а устойчивое международное сотрудничество между государствами может уменьшить конфликты и конкуренцию. Более того, теория «международных режимов» утверждает, что международные режимы влияют на поведение государств или других международных субъектов. Таким образом, либеральный подход включает поддержку демократии, открытой и свободной глобальной экономикой, международных организаций.

В частности, концепция «комплексной взаимозависимости в рамках парадигмы неолиберализма определяет взаимозависимость двух государств и может касаться не только отдельной сферы, а всего комплекса политических, экономических, военных, и культурных аспектов. Комплексная взаимозависимость создает условия для сотрудничества между государствами, но оставляют место как для политики односторонней выгоды, так и для конфликтности.

Элементы либеральной теории и концепции политического реализма в американской «Большой стратегии» нельзя четко отделить друг от друга, потому что существует «порочная логика», которая связывает их вместе. Считается, что либеральный мировой порядок отвечает интересам США и укрепляет мощь и безопасность США. Следовательно, США должны использовать свою политическую силу для создания либерального мирового порядка, чтобы обеспечить себе большую безопасность. Фактически, «Большая стратегия» США с либеральной точки зрения – это гегемонистская стратегия, которая определяет национальные интересы США как продвижение американских ценностей. Согласно пониманию С. Хантингтоном, существует несколько ключевых положений:

Во-первых, национальная идентичность США определялась набором универсальных политических и экономических ценностей, и никакие другие

государства не способны вносить сопоставимый вклад в международный порядок и стабильность, как США. США должны поддерживать свое доминирование мирными средствами вместо войн.

Во-вторых, в будущем войны будут вестись между цивилизациями, экономическая мощь будет играть все более важную роль в определении статуса государств, главный конфликт между США и великими державами будет иметь экономических характер.¹⁷⁹

Теория «баланса сил» в международных отношениях указывает на то, что государства могут обеспечить свое выживание, не позволяя одному государству обеспечить достаточную военную мощь, чтобы доминировать над другими. Реалисты считают, что если, одно государство станет намного сильнее, оно тем самым заставит своих соседей объединиться в «защитную коалицию». Они утверждают, что система баланса сил более стабильна, чем система с доминирующим государством. К. Уолтц предположил, что политика баланса сил должна удовлетворять двум требованиям: первое – это внутреннее балансирование, когда государство использует внутренние усилия для увеличения экономического и военного потенциала; второе – внешнее балансирование, которое происходит, когда государство принимает меры для повышения своей безопасности путем формирования союзов и приобретения союзников. Государства делятся на два типа: государства «статус-кво», которых удовлетворяет существующее на определённый момент фактическое или правовое положение, и «ревизионистские государства, которые стремятся изменить баланс сил в свою пользу и стремятся к гегемонии.¹⁸⁰

Теория «властного транзита», предложенная А. Органским в годы Холодной войны, выступает противовесом парадигме баланса сил, которая рассматривает международную систему как иерархическую.¹⁸¹ На шкале национальной мощи государства рассматриваются как принадлежащие к

---

¹⁷⁹ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York: Simon and Schuster, 2011. – 368 p.

¹⁸⁰ *Mearsheimer J.* The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia. // *The Chinese Journal of international Politics*. 2010. 3(1). P. 381-386.

¹⁸¹ Organski A. F. K. *World Politics*. – New York: Alfred A. Knopf, 1968. –509 p.

определенной категории и разделяются на малые, средние или великие державы, все сосредоточенные под гегемонистской державой. Стабильность международного порядка зависит от отношений между гегемонистской державой и, так называемыми, «сильными, но недовольными» растущими державами. Последние становятся растущими державами, потому что они утвердились и извлекают выгоду из международного порядка. Однако с точки зрения этих растущих держав, по мере роста их силы и уверенности в себе, они определенно будут стремиться к поиску нового положения в международной системе, соизмеримого с их силой. В процессе «властного транзита» растущие державы стремятся изменить «статус-кво», в том числе переформатировать международные правила. У гегемонистской державы есть два противоположных варианта ответа: первый – увеличить инвестиции, чтобы сохранить свое положение в системе; второй – снизить их приверженность системе и затраты на обслуживание без ущерба для их доминирующего положения, что включает в себя начало превентивной войны для устранения или ослабления растущей державы, в то время как гегемонистская держава все еще имеет военное преимущество.¹⁸²

В период Холодной войны США проводили политику сдерживания коммунистических режимов во всем мире в качестве своей «Большой стратегии». После окончания Холодной войны США в основном поддерживали экономическое восстановление как Западной Европы, так и Японии, что привело к появлению множества международных организаций, в том числе Всемирная торговая организация (ВТО).

С другой стороны, США также продемонстрировали все более широкое использования всеобъемлющих стратегий вовлечения, включая создание ряда постоянных альянсов таких, как НАТО, и существенное вмешательство во внутренние дела других государств. Таким образом, «Большая Стратегия» США носила идеологический характер. Тезис об «американской исключительности» рассматривается некоторыми исследователями, как

---

¹⁸² Breslin S. China's Emerging Global Role: Dissatisfied Responsible Great Power. // *Politics*. 2010. 30 (1). P. 52–62. Yu Z. The Power Transition Theory and Sino-U.S. Relations // *International Relations Studies*. 2018. 2. P. 116.

импульс к продвижению демократических ценностей и верховенства закона внутри страны, тогда как другие считают его поводом вмешательства или даже вторжения.

Популярность термина «Большая стратегия» резко выросла после окончания Холодной войны. В этот период важной частью «Большой стратегии» США стал «поиск нового врага». Распад СССР поставил США в положение неоспоримого глобального гегемона. Администрации Дж. Буша и Б. Клинтона в конечном итоге преследовали «Большую стратегию». Внешняя политика администрации Дж. Буша стала сосредотачиваться на региональных конфликтах, порожденных действиями «государств-изгоев», которые могли угрожать интересам США, включая развитие возможностей реагировать на многочисленные региональные конфликты, поддержание «передового присутствия» в ключевых регионах, например, в Восточной Азии.

С 1992 г. целью «Большой стратегии» США была определена, как консолидация и расширение американской гегемонии и доминирования в международной системе. Администрация Б. Клинтона относительно быстро восприняла внешнюю политику первенства, которая продемонстрировала преемственность с прежней американской политикой, хотя ей было предано некоторое «человеческое лицо» с упором на демократические ценности. В отчете Пентагона за 1997 год были определены четыре основные стратегические альтернативы: неоизоляционизм; выборочное вовлечение; совместная безопасность и первенство. Б. Позен, который классифицировал себя как сторонник «выборочного вовлечения», подчеркивал, что США должны действовать не только для снижения вероятности войны между великими державами, но и противодействовать возникновению евразийского гегемона.¹⁸³ В «Четырехлетнем обзоре обороны» 1997 г. была намечена геополитическая цель сохранения американской гегемонии и отмечалось, что «США сегодня являются единственной сверхдержавой в мире и, как

---

¹⁸³ Posen B., Ross A. Competing Visions for U.S. Grand Strategy. // International Security. 1997. 21 (3). P. 5-53.

ожидается, останутся таковой на протяжении всего периода 1997-2015 гг.».

С самого начала нового XXI века администрация Дж. Буша младшего также сделала ключевой целью «Большой стратегии» поддержание американской глобальной гегемонии. В «Четырехлетнем обзоре обороны» 2001 года говорится, что США стремятся поддерживать «благоприятный баланс сил» в таких ключевых регионах, как Восточная Азия, чтобы побудить другие страны отказаться от военного соперничества с США в будущем. В «Стратегии национальной безопасности» 2002 года более четко говорится о предотвращении наращивания военного потенциала каким-либо другим государством в надежде превзойти или даже сравняться с мощностью США.

Администрация Б. Обамы официально выступила с ключевой стратегической инициативой по укреплению своего присутствия в Восточной Азии, которая характеризовалась развитием расширенного стратегического сотрудничества с союзниками. План «стратегической перебалансировки» включал изменение размещения американского флота между Тихоокеанским и Атлантическим регионами от прежней пропорции 50% на 50% к пропорции 60% на 40% в пользу Тихоокеанского региона к 2020 г.

В период после 1945 г. первенство США в Восточной Азии столкнулось с новой реальностью, которая характеризовалась экономическим подъемом Японии в 1970–1980-х годах и подъемом КНР с 2000-х годов. В этот период Вашингтон поддерживал интеграцию Токио, а затем и Пекина в мировую экономическую и финансовую систему с целью определения своего будущего курса в рамках мирового порядка, возглавляемого США.

Вашингтон стремился предотвратить появление региональной сверхдержавы на Евразийском континенте. С точки зрения автора, эта политика подразумевала разделение силы в Евразии или предотвращение доминирования одной державы в ключевых регионах Евразии. Эта цель отражала геополитические взгляды американского правительства, согласно которым, во-первых, региональная сверхдержава в Евразии будет представлять собой силу, достаточно большую, чтобы иметь возможность

угрожать жизненно важным интересам США; во-вторых, Евразия не является надежно саморегулирующимся регионом, а это означает, что страны Евразии не могут рассчитывать на свои собственные действия, и могут нуждаться в помощи одной или нескольких держав за пределами Евразии.

Эти проблемы не могли пройти мимо академического сообщества и общественности, что нашло выражение в дебатах об изменении глобальной роли США и возникновения темы «упадка Америки». В дебатах о глобальной роли США целесообразно выделить два важных аспекта: во-первых, следует ли США пытаться продолжать играть активную «интернационалистскую» роль или взять на себя более сдержанную роль и уменьшить участие США в мировых делах; во-вторых, каким должен быть баланс между использованием жесткой и мягкой силы во внешней политике США.

Тезис об «упадке Америки» подразумевал потерю Соединенными Штатами подавляющей мощи в геополитическом, военном и экономическом плане. После завершения Холодной войны «упадок Америки» стал популярной темой рассуждений в академических кругах. Процесс начался, когда США, воодушевленные выходом из Холодной войны в качестве единственной мировой сверхдержавы, начали значительно расширять свое военное присутствие и наращивать свои обязательства в глобальной экономике и безопасности.¹⁸⁴

«Имперский переворот» Америки отчетливо проявился еще в период президентства Р. Рейгана, при котором произошло резкое увеличение военных расходов. Этот процесс достиг кризисного уровня с вторжением коалиционных сил под руководством США в Ирак и последующей оккупацией Ирака при президенте Дж. Буше младшем в 2003 г. Это можно было назвать переломным моментом, который нанес непоправимый ущерб международной репутации США.

К концу президентства Дж. Буша младшего доминирование США было омрачено неудачами в Ираке и Афганистане, а также мировым финансовым

---

¹⁸⁴ Косырев Д. «Америке больше не подняться»: почему в этом уверены американцы // РИА Новости. 15.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210715/amerika-1741275624.html> – 05.03.2025.

кризисом 2008 г. Это способствовало активизации дебатов о «упадке Америки» и «подъеме остальных», под которыми прежде всего понимались КНР и Индия, чей прогресс для некоторых наблюдателей означал конец доминирования США. В эпоху Обамы все стали свидетелями того, что доминирование США в международной системе оказалось под угрозой сразу на нескольких фронтах, начиная от «арабской весны» до подъема террористической группировки «Исламского государства». Политика администрации Б. Обамы в значительной степени воспринималась как стратегия, узко ориентированная на смягчение применения силы США с признанием того, что США находятся в упадке. Некоторые аналитики критиковали стратегию администрации Б. Обамы по ограниченному применению силы, как большую ошибку в разрешении глобального кризиса. Они указывали, что эта политика не только пошатнула «внутреннее доверие и фундаментальный оптимизм» США, но также способствовала осознанию упадка страны и «серьезной» политической дисфункции. Кроме того, стали распространенными утверждения об экономическом спаде в США после финансового кризиса 2008 г.¹⁸⁵ Ряд исследователей даже пришли к выводу, что стратегию администрации Б. Обамы лучше всего описать как «управление упадком». Этот вывод был очевиден с учетом дестабилизаций в Ливии, войны в Сирии, подъема КНР.

Китайские исследователи также уделяют особое внимание исследованию «упадка Америки» со своей, незападной точки зрения. Ян Вэйдун предположил, что политическое лидерство США постепенно приходит в упадок. Это в основном отражается в двух аспектах: во-первых, американская национальная воля не может быть эффективно интегрирована из-за политической поляризации, что в определенной степени ограничивает проявление американской мощи и серьезно ослабляет лидерство США в международном сообществе. Во-вторых, способность Вашингтона мобилизовать собственные политические ресурсы в глобальном управлении и

---

¹⁸⁵ Lieber R. The Rise of the BRICS and American Primacy. // International Politics. 2016. 51 (2). P. 137–154.

построении международного порядка снизилась, что в основном отражается на упадке его стратегической репутации. По мере того, как политическое лидерство США на внутреннем и глобальном уровне ослабевает, их глобальная гегемония естественным образом будет снижаться. Ослабление гегемонии США поставит под сомнение легитимность и законность политического лидерства США в международном сообществе.¹⁸⁶

Следует указать на китайский подход в освещении данной проблемы, выразившийся в концепции «комплексной государственной мощи» (综合国力概念). Как одна из ключевых концепций в современной китайской школе международных отношений, концепция «комплексной государственной мощи» фокусируется на определении совокупной национальной мощи государства. Данная концепция становится актуальной в контексте современных китайско-американских отношений. Ши Цзухуэй дал определение комплексной мощи, которым обладает суверенное государство для выживания и развития. Оно включает материальную силу, духовную мощь и синергии.¹⁸⁷ Хуан Шуофэн дополнил жесткую систему показателей материальной силы и духовной мощи двумя типами показателей: «координационными показателями» и «экологическими показателями».¹⁸⁸ Ху Аньган и Мэн Хунхуа предположили, что комплексная государственная мощь является совокупным показателем для измерения стратегических ресурсов страны: экономических, политических, военных и технологических. Они разделили национальные стратегические ресурсы на 8 категорий и 23 показателя и использовали сумму этих показателей для определения результата.¹⁸⁹ Ван Лин пришла к выводу, что западные исследователи

---

¹⁸⁶ 杨卫东 杨卫东 杨卫东. 美国霸权地位的衰落-基于政治领导力的视角(Упадок американской гегемонии: с точки зрения политического лидерства) // «国际论坛». 2021. №.1. С. 50–64.

¹⁸⁷ 施祖辉 施祖辉 施祖辉. 新中国的综合国力-时序轨迹与空间比较 (комплексная государственная мощь Нового Китая: траектория временного ряда и пространственное сравнение) // «财经研究». 1999. №.10. С. 32–38.

¹⁸⁸ 黄硕风 黄硕风 黄硕风. 综合国力新论 (Новая теория «комплексной государственной мощи»). Издательство социальных наук Китая, Пекин, 1999. 389 с.

¹⁸⁹ 胡鞍钢、门洪华 胡鞍钢、门洪华 胡鞍钢. 中美日俄印综合国力的国际比较(1980-1998 年) (Международное сравнение комплексной государственной мощи Китая, США, Японии, России и Индии (1980-1998)) // «国情报告». 2002. №.5. С. 58–81.

подчеркивают «влияние» и «принуждение» в комплексной национальной мощи, в то время как китайские ученые выделяют «силу выживания», «силу развития» и «международное влияние».¹⁹⁰ Янь Сюэтуン отмечал, что военная, экономическая и культурная мощь относятся к ресурсной мощи государства, политическая мощь относится к оперативной мощи, а политические системы и национальные стратегии являются основными элементами политической мощи.¹⁹¹ Таким образом, данная концепция является базовым параметром в китайской школе международных отношений, определяющим так называемые великие державы, средние державы и малые державы.

Некоторые исследователи считают, что «Большая стратегия» является уделом исключительно великих держав.¹⁹² Они обладают достаточным количеством ресурсов и необходимой мощью для реализации «великодержавной» политики. Стоит отметить, что, интересы великих держав имеют зачастую глобальный характер. С другой стороны, в силу своей природы великие державы всегда находятся под угрозой «перенапряжения», что делает необходимым точное соизмерение существующих средств с желаемыми целями.¹⁹³

1.2. Дональд Трамп и «трампизм»

Необходимо прежде всего рассмотреть, какими политическими теориями руководствовался Дональд Трамп в период своего первого президентского срока и что из этого комплекса идей и взглядов осталось актуальным сейчас, в начале его второго президентского срока. Д. Трамп, крупный бизнесмен и популярный телеведущий, был широко популярен в США на протяжении многих лет, даже десятков лет. Однако он никогда не

---

¹⁹⁰ 王玲 范林. 关于综合国力的测度 (Об измерении комплексной государственной мощи) // «世界经济与政治». 2006. №.6. С. 45–51.

¹⁹¹ 阎学通 Янь Сюэтуン. 历史的惯性 (Инерция истории). – Издательство CITIC, Пекин, 2013. – 259 с.

¹⁹² Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. third edition. London: Palgrave. 2002. pp. 231—232.

¹⁹³ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Vintage Books, 1989. 704 p.

занимал выборных постов ни на местном, ни тем более на федеральном уровне. Он не имел никакого опыта государственной, военной или дипломатической службы. Его победа над кандидатом от демократической партии Х. Клинтон, опытным политиком, бывшим государственным секретарем, сенатором наконец, бывшей первой леди, была одержана вопреки прогнозам большинства экспертов и произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Д. Трамп называл себя «консервативным республиканцем», в то время как некоторые исследователи указывали, что он является националистом, популистом, протекционистом и изоляционистом. Более того, судя по смещению взглядов Д. Трампа вправо в более поздний период с 2021 по 2024 год, он в настоящее время является крайне правой политической фигурой (лидером политической силы «МАГА») в Республиканской партии.

С точки зрения автора, основные моменты кампании Д. Трампа 2016 г. неоднозначны. Его предвыборные митинги привлекали массы людей (особенно избирателей мужского пола, белых, представителей рабочего класса и лиц без высшего образования). Пренебрежение политкорректностью было основной особенностью его кампании, получившей большую поддержку среди этих избирателей. Платформа кампании Трампа успешно популяризировала его лозунг «Сделаем Америку снова великой». Трамп отправлял своим сторонникам очень четкие и прямые сообщения, используя свой характерный стиль речи, а также возбуждая эмоции во время предвыборных митингов. Его речи регулярно были обращены к обеспокоенным рядовым американцам, к рабочему классу. Кроме того, он успешно привлек внимание общественности, используя возможности социальных сетей в качестве. Так называемый феномен «Трамп-Твитс» заключался в том, что он отправил более 7,700 твитов во время предвыборной кампании, причем среди них было много спорных заявлений.

Д.Трамп сделал ставку на зажигательные реплики и замечания, многие из его заявлений имели радикальный или даже расистский характер, например, он характеризовал нелегальных иммигрантов из Мексики как

«преступников, торговцев наркотиками и насильников». Его высказывания становились поводом для насильственных инцидентов и стычек между его сторонниками и протестующими. Они вызвали резкую критику в американских СМИ, которые обвиняли его во внесении разлада в нацию. Таким образом, стиль Трампа являлся скорее стилем дельца, бизнесмена, а не политика. Он был стремительным, резким, иногда непродуманным. Выступления Д.Трампа отражали его личные качества: спонтанностью, непредсказуемостью и предпочтение неформального общения.

Президентские выборы в США 2016 г. представляют собой, по крайней мере внешне, противостояние между «вашингтонским истеблишментом» и силами «анти-истеблишмента». Победу Д. Трампу принесли резкая критика либерального истеблишмента, олицетворяемого демократическим кандидатом Х. Клинтон и ведущей элитной группой. Призывы в духи «анти-истеблишмента» свидетельствовали о недовольстве существующей системой, которая зрела в умах простых американцев. Будучи самой многочисленной группой избирателей, американский рабочий класс все больше полагал, что «истеблишмент» не только не представляет их интересы, но предаст десятилетиями. Избиратели надеялись, что, поддержав представителей «анти-истеблишмента» в их стремлении к власти, они изменят традиционную модель американской политики, монополизированную элитой.

Приверженцы популизма составляли главную силу «анти-истеблишмента». Они называли себя «Забывтой Америкой» и были готовы голосовать за кандидатов с «необычными» взглядами, желающих их представлять. Чтобы повысить легитимность президентской кампании Трампа, представив Трампа представителем «фракции против истеблишмента», «небольшая группа умеренных диссидентов заявила, что трампизм соответствует современному американскому консерватизму».¹⁹⁴ С. Бэннон назвал Трампа и его избирателей «глобальным популистским

---

¹⁹⁴ Попкова В. П., Петрова И. А., Кигаи И. Н. Выборы 2016 года в США и перспективы политики Дональда Трампа // США & Канада: экономика, политика, культура. 2017. 2.

движением», бросающим вызов власти и общепринятым взглядам политической, культурной и деловой элиты в пользу «национализма». По мере того, как предвыборная кампания становилась все более ожесточенными, около 73% консерваторов-республиканцев обратились к Д. Трампу. Они официально провозгласили Д. Трампа консерватором, и все Республиканская партия, манипулируя популистскими лозунгами, захватило лидерство среди избирателей.¹⁹⁵

Двойной шок демографического перехода и четвертой промышленной революции обеспечили благодатную почву для роста популизма и национализма в США. В экономическом плане разрыв в уровне благосостояния и неравенство доходов между самыми богатыми и бедными семьями Америки увеличился более чем вдвое с 1989 по 2016 гг.¹⁹⁶ Большинство американцев все больше влезают в долги, которые они не могут выплатить, сталкиваются с изменяющейся реальностью, которая не соответствует их представлениям об Америке, и реагируют, цепляясь за напоминания об американской силе и культурной однородности.

Д. Трамп объявил себя националистом, особенно в сфере внешней политики, что нашло яркое выражение в лозунге «Америка прежде всего». Для трампизма характерно сочетание национализма и популистской односторонности. В противовес многосторонней политики, трампизм уделяет особое внимание национальным интересам, особенно в контексте экономических договоров и союзнических обязательств. Таким образом, подход Трампа «Америка прежде всего» обусловлен желанием сохранить гегемонию США при снижении ответственности и расходов на сохранение гегемонии. По мнению Л. Трампа, дорогостоящее лидерство США привело к экономическому «изнасилованию» американского среднего класса». Д.Трамп проявил пренебрежение к традиционным союзникам, таким как ЕС, НАТО, Канада и Япония. Внешняя политика «Америка прежде всего» также

---

¹⁹⁵ Рогова Н. В. Выборы 2016 года в США: итоги и перспективы // США & Канада: экономика, политика, культура. 2017. 2 (566). С. 20-38.

¹⁹⁶ Trends in income and wealth inequality // Pew Research Center. January 9, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/01/09/trends-in-income-and-wealth-inequality/> – 06.03.2025.

включала в себя обещания Трампа положить конец американскому вовлечению в военные конфликты далеко за пределами Америки.

Еще в 2004 г. один из самых видных американских экономистов П. Самуэльсон, взяв за пример китайско-американскую торговлю, утверждал, что влияние роста КНР на США окажется негативным и нанесет непоправимый ущерб интересам США.¹⁹⁷ Как все либеральные экономисты, Самуэльсон всегда поддерживал глобализацию и свободную торговлю, но его предупреждение не только ввергло западное экономическое сообщество в ожесточенные дебаты, но и позволило американцам понять потенциальную угрозу глобализации. Спустя более чем одно десятилетие гипотеза Самуэльсона обеспечивает теоретическую основу для все более распространенной тенденции антиглобализации в США, одним из проявлений которых явился так называемый «феномен Трампа».

По мнению автора, и «Брексит», и феномен Трампа, и множество других событий показывают, что современные демократии отвергают многие ключевые аспекты глобализации, включая торговлю и иммиграцию. Этот подход примерно отражает основные взгляды американской интеллигенции и элиты на текущее направление американской политики. Хотя США по-прежнему являются единственной сверхдержавой в международной системе, в контексте экономической глобализации США столкнулись с рядом проблем и вызовов, включая социальную фрагментацию, сопротивление американских рабочих, участию в глобальной экономической конкуренции. Поэтому все больше и больше американцев скептически относятся к экономической глобализации или свободной торговле и даже выступают против нее. Таким образом, появление Д. Трампа на американской политической арене в Вашингтоне было не случайным, а неизбежным. Как сказала дочь Трампа Иванка, «Вашингтон не изменил Трампа, но Трамп изменил Вашингтон».¹⁹⁸

---

¹⁹⁷ Samuelson P. Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization // Journal of Economic Perspectives. 2004. 18(3). P. 135–46.

¹⁹⁸ Гингрич Н. Понимая Трампа. Правдивая история о человеке, а не о президенте. – Бомбора, 2018. – 480 р.

Не так просто сказать, каким образом «трампизм» соотносится с «Большой Стратегией» США. Выступления Д.Трампа до и после выборов часто противоречили традиционным нормам внешней политики США. Ряд исследователей даже утверждают, что ни Д. Трамп, ни другие президенты не могут следовать какой-либо определенной стратегии, поскольку новые неожиданные вызовы на международной арене и двухпартийная конкуренция подталкивают их к следованию «разнообразным выверенным стратегиям».¹⁹⁹ Автор полагает, что у администрации Д. Трампа все же есть своя «Большая Стратегия» в виде «трампизма, который можно представить «как сочетание давних моделей макроэкономической политики, ориентированной на предложение и бизнес, и сокращения государственных расходов с неоммеркантилистской торговой политикой и воинственным милитаризмом».²⁰⁰

С политической точки зрения, «трампизм» обозначает популистский политический метод, предлагающий националистические решения политических и социально-экономических проблем.²⁰¹ Эти склонности преобразуются в антимиграционную и протекционистскую политику. В экономической сфере «трампизм» провозглашает свою приверженность созданию новых рабочих мест для американцев и обещает прилив средств в национальную экономику. Жесткая линия Д. Трампа против «недобросовестной практики» американских торговых партнеров привела к напряженной ситуации в 2018 г. с взаимными тарифами между США и наиболее развитыми странами.²⁰² Точно такая же политика и с тем же результатом повторяется в 2025 г., уже при втором президентском сроке Д.Трампа. Парадоксально, что эта политика, наоборот, оборачиваются потерей рабочих мест и сокращением инвестиций. Но Д. Трамп обеспечивает

---

¹⁹⁹ Dombrowski P., Reich S. Does Donald Trump Have a Grand Strategy? // International Affairs. 2017. 93 (5). P. 1013–1037.

²⁰⁰ Johnson M., Finley L. Trumpism: The Politics of Gender in a Post-Propitious America. – Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 230 p.

²⁰¹ Martinelli A. When Populism Meets Nationalism. Reflections on Parties in Power. Milan.: LediPublishing, 2018, 164 p.

²⁰² Супян В. Б. Внешнеэкономические реформы Д.Трампа: предварительные итоги // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. 4. С. 5-22.

поддержку своей политической базы с антиглобалистских лозунгов. Он даже публично осудил глобализм в своей речи в ООН в ноябре 2019 г. «Трампизм» исходит из того, что свобода торговли становится все более несправедливой по отношению к США, а растущая взаимозависимость в условиях глобализации разрушительна для страны.

Идейное содержание «трампизма», по-видимому, унаследовано от концепции «джексонианства» от имени седьмого президента США Э. Джексона. Это направление противостоит двум основным школам американской внешнеполитической доктрины, таким как «джефферсоновство» и «вильсоновство», и исходит из представления, что государство должно приносить пользу в первую очередь своему народу. Хотя национальная безопасность лежит в основе «джексонианства», политики этого направления предпочитали избегать войн.²⁰³ Трансформация республиканской партии в новом веке, а также финансовый кризис 2008 г. способствовали возрождению «джексоновского популизма».

С точки зрения автора, «трампизм» определенным образом охватывает «джексоновский популизм». Во-первых, «трампизм» использует лозунг «Сделаем Америку снова великой», чтобы отказаться от либеральной политики в виде мультикультурализма, свободной торговли и глобализации.²⁰⁴ Во-вторых, «трампизм» имеет тенденцию упрощать проблемы, создавая образ «враждебного и сверхконкурентного мира. «Трампизм» выступал за центральную роль суверенитета как ответа на большинство текущих глобальных проблем.

«Джексонианство» эффективно повлияло на администрацию Д. Трампа. Его администрация активно работала над блокировкой торговых соглашений, требовала пересмотра условий или даже отменяла существующие пакты. Они сосредоточились на двухсторонних решениях вместо многостороннем

---

²⁰³ Jones D., Khoo N. Donald Trump and the new Jacksonians. Policy // A Journal of Public Policy and Ideas. 2017. 33(1). P. 42.

²⁰⁴ Соловьев Э. Г. Трампизм и международные отношения: мир на пороге деидеологизации? // Международная жизнь. 2017. № 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1925> – 05.03.2025.

сотрудничестве.²⁰⁵ В общем, чрезмерное упрощение и делегирование полномочий союзникам, рассматриваемое как способ сократить расходы и разделить бремя, характеризуют инициативы Трампа во внешней политике.²⁰⁶

Некоторые исследователи пришли к выводу, что стратегия Д. Трампа в конечном итоге сводится к «аморальному транзакционализму».²⁰⁷ Есть и другие интерпретации, такие как ««Большая Стратегия» девятнадцатого века»,²⁰⁸ и «возрождающийся национализм».²⁰⁹

Приверженцы либеральной идеологии резко критикуют «трампизм». Они считают, что сокращение присутствия США на международной арене приведет к нестабильности, а политика Д. Трампа представляют собой прямую атаку на либеральный порядок. Некоторые аналитики называют Трампа «самым антилиберальным президентом-интернационалистом» с 1940 г. Они считают, что президентство Трампа привело к кризису либерального порядка.

Сторонники политического реализма частично поддержали «трампизм». Они утверждают, что затраты на поддержание международного порядка, которые несет США после окончания Холодной войны значительно превышают те выгоды, которые извлекает эта страна. Стратегия «оффшорной сбалансировки» поможет снизить затраты на стратегию США, сохранив при этом жизненно важные интересы. С этой точки зрения военное вмешательство должно быть ограничено для достижения четко определенных политических целей, при этом необходимо тщательно учитывать возможные издержки, игнорируя при этом продвижение демократии и прав человека. Реалисты также подчеркивают, что более сдержанная стратегия уменьшит

---

²⁰⁵ Brands H. American Grand Strategy in the Age of Trump. – California.: Brookings Institution Press, 2018. – 256 p.

²⁰⁶ Renshon S., Suedfeld P. The Trump Doctrine and the Emerging International System. – New York.: Palgrave Macmillan, 2020. – 470 p.

²⁰⁷ Motta B., Forner C., Milani L. Political extremism and hegemonic crisis: the case of far-right militias in the United States // Revista Carta Internacional. Belo Horizonte. 2023. 18(2). 1-23.

²⁰⁸ Капчан Ч. Большая стратегия Трампа: назад в XIX век // Россия в глобальной политике. 03.10.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-strategiya-trampa-nazad-v-xix-vek/> – 05.03.2025.

²⁰⁹ Brands H. Nationalism isn't a bad thing, but Trump's version is // Bloomberg, 3 October, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-10-03/trump-un-speech-nationalism-thatwon-t-put-america-first>. – 06.03.2025.

возможность возникновения антигегемонистской коалиции, направленной на уравнивание американского доминирования. Они подчеркивают, что некоторые аспекты «трампизма» имеют стратегический смысл с реалистической точки зрения.²¹⁰

Некоторые исследователи считают, что «трампизм» относится к категории «неореализма», который рассматривает «мир межгосударственных отношений как данный мир, идентичный по своей базовой структуре во времени», а лозунг «Америка прежде всего» является позитивистским по своей сути. Неореализм понимает международные отношения как «игру с нулевой суммой», в которой проводится «транзакционная» внешняя политика.²¹¹

Некоторые аналитики полагают, что администрация Д. Трампа изменила внешнюю политику США со времен Холодной войны, приводя в качестве примера то обстоятельство, что Д. Трамп объявил о прекращении гуманитарных интервенций, резко критикуя политику «интервенционизма» Б.Обамы и Х.Клинтона за рубежом, и в то же время выразил свое неприятие «либеральной гегемонии» Дж.Буш младшего. Как сам Д.Трамп назвал своей доктриной «совершенно новую внешнюю политику». ²¹² Большинство аналитиков по-прежнему утверждали, что внешняя политика Трампа - это «преемственность гегемонии», которая отражает преемственность, а не изменение гегемонии во внешней политике США, поскольку истеблишмент подрывает нетрадиционные предпочтения президента.²¹³ Автор утверждает, что администрация Д. Трампа фактически не только продолжила, но и трансформировала традиционную внешнюю политику США с помощью различных методов и средств или тактики «неопределенности».

Некоторые исследователи приходят к выводу, что последствия внешней

---

²¹⁰ Popović P. Realist Perspectives on Trump's Illiberal Counterrevolution // E-International Relations. 2021. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/90645> – 06.03.2025.

²¹¹ Maestrey R. A. Trumpism, Cuban Americans, and the Fetishism of Politics // International Journal of Cuban Studies. 2023. 15(2). 152-174.

²¹² Nye J. Trump's Effect on US Foreign Policy // Project Syndicate. September 4, 2019. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-long-term-effect-on-american-foreign-policy-by-joseph-s-nye-2019-09> – 06.03.2025.

²¹³ Leoni Z. American Grand Strategy from Obama to Trump. – New York.: Palgrave Macmillan, 2022. – 266 p.

политики Д. Трампа ведут к упадку «Американского мира» ввиду апатии Трампа к международным делам.²¹⁴ Ф. Закария даже предсказал относительное уменьшение мирового господства Америки в ближайшем будущем. Он выдвигает возможность изменения глобальной иерархии власти и возможного сдвига в нынешнем мировом порядке.²¹⁵ Другие ученые скептически оценили стратегию президента Трампа по достижению гегемонии США без внимания к ее обязательствам как лидера западного мира, что в конечном итоге будет способствовать «упадку Америки».²¹⁶

Так или иначе, победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. и его возвращение в Белый дом после победы на выборах 2024 г. свидетельствуют о том, что «трампизм» прочно вошел в американскую политическую жизнь.

---

²¹⁴ Friedman J. A. Is US grand strategy dead? The political foundations of deep engagement after Donald Trump // *International Affairs*. 2022. 98(4). P. 1289–1305.

²¹⁵ Zakaria F. Fundamental incoherence to Trump's foreign policy // CNN. September 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pP4HawhWVNk> – 06.03.2025.

²¹⁶ Krugman P. The Strange Decline of the Pax Americana // *The New York Times*. October 16, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/16/opinion/columnists/us-power-republican-party.html> – 06.03.2025.

ГЛАВА 2. Политика администрации Д.Трампа в отношении КНР (2017-2021 гг.)

2.1 Формирования основных направлений политики в отношении КНР

Политика США в отношении КНР с момента установления дипломатических отношений в 1979 г. имела характер «сдерживания» и «вовлечения»²¹⁷. На протяжении трех десятилетий после нормализации отношений «вызовы КНР» для США рассматривались как региональные, и большинство американских политиков считали их приемлемыми и «управляемыми». Когда КНР быстро развивалась и модернизировалась, американские политики не считали подъем КНР непосредственной угрозой. Они полагали, что у США будет время приспособиться в том случае, если стратегия КНР изменится. Тем временем США извлекали ощутимую выгоду из растущей экономики КНР.

Однако в последние годы этот «базовый расчет риска-выгоды» в США изменился, и ученые и политики стали более негативно относиться к подъему КНР. В США продолжаются интенсивные дебаты о КНР, но мнение о том, что необходимо принятие безотлагательных мер по противодействию конкуренции, привело к быстрому изменению отношения к КНР в негативную сторону.

Поворотным моментом стала статья Г. Эллисона 2012 г. о «ловушке Фукидида». Американский политолог ссылаясь на знаменитого древнегреческого историка и военачальника Фукидида, считавшего, что война между Афинами и Спартой была неизбежна, так как Спарта видела угрозу в политике Афин. Выражение «ловушка Фукидида» указывало на потенциальный конфликт между КНР и США, которые также видели угрозу

---

²¹⁷ Godement F. Containment and engagement: drawing the line with China // Institut Montaigne. May 2, 2023. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/containment-and-engagement-drawing-line-china>–06.03.2025.

своему положению в мире. Пессимистическую гипотезу Г. Эллисона разделяли такие ведущие ученые, как Дж. Миршеймер и С. Хантингтон. В 2014 г. некоторые призывали к «неотложной конкурентной стратегии» для решения проблем подъема КНР²¹⁸ и китайская политика США должна «положить конец стратегическому отпуску».²¹⁹ В книге Дж. Эллисона, опубликованной в 2017 г., объясняется, почему «Ловушка Фукидида» - лучший объектив для понимания американо-китайских отношений и подчеркивается, что «война неизбежна».²²⁰

Ключевые «архитекторы» китайской политики, способствовавшие нормализации отношений между двумя странами, также изменили свои взгляды.. Г. Киссинджер, есший большой вклад в политику «конструктивного взаимодействия», опубликовал книгу о Китае, в которой призывал обе стороны к созданию взаимовыгодных отношений. В то же время во время своего визита в КНР, он сказал, что «мы никогда не вернемся к тому, чем мы были». В ноябре 2019 г. Г. Киссинджер даже публично заявил, что конфликт между обеими сторонами будет «неизбежным» и приведет к «катастрофическому исходу», который «будет хуже мировых войн».

В 2018 г. ряд исследователей призывали США срочно работать с союзниками, конкуренцию с КНР.²²¹ В 2019 г. ученые предложили новый фундаментальный принцип США в отношении КНР: ограничение; хеджирование; и конкуренция.²²² В 2020 г. Дж. Най отметил, что «в значительной степени происходит технологический декаплинг, и торговая война - это только первый шаг».²²³ Кроме того, группа ведущих экспертов выступила за более эффективный ответ США на вызов КНР и призвала за

---

²¹⁸ Tellis A. *Balancing Without Containment: An American Strategy for Managing China*. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2014. – 105 p.

²¹⁹ Ford C. *Ending the Strategic Holiday: U.S. Grand Strategy and a “Rising” China* // *Asia Policy*. 2014. No.18. P. 182-190.

²²⁰ Graham A. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides’s Trap?* – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – 384 p.

²²¹ Friedberg A. *Competing with China* // *Survival*. 2018. Vol. 60(3). P. 7-64.

²²² Hart M., Magsamen K. *Limit, Leverage, and Compete: A New Strategy on China*. – Center for American Progress, 2019. – 50 p.

²²³ Nye J. *Power and Interdependence with China* // *The Washington Quarterly*. 2020. Vol.43(1). P. 7-21.

«умную конкуренцию» с КНР.²²⁴

В отчете РЭНД за 2016 г., озаглавленном «Война с КНР: размышляя о немыслимом», были представлены четыре сценарии конфликта в двух разных временных периодах: «низкая и высокая интенсивность, краткосрочная и длительная, которые произойдут либо в 2015, либо в 2025 г.».²²⁵ В докладе РЭНД за 2020 г. описаны четыре возможных сценария развития КНР в 2050 г. и содержится призыв к США готовиться к «победоносному или восходящему» КНР.²²⁶ В 2020 г. о будущем политики США в отношении КНР ведущие эксперты призывали к «долгосрочной перспективе конкурентной стратегии». ²²⁷ Другой доклад подтверждает, что США перешли от «сочетания конкуренции и сотрудничества» с КНР к «прямой конфронтации».²²⁸

С точки зрения бескомпромиссных сторонников конфронтации, КНР является серьёзной угрозой для США ввиду растущего политического влияния Китая, экономического потенциала, и военных возможностей.²²⁹ Подчерчивая наличие угрозы основным интересам со стороны КНР, Дж. Миршаймер утверждал, что «КНР не сможет усилить свои позиции мирным путём. США и КНР скорее будут активно конкурировать друг с другом, создавая значительный риск развязывания войны».²³⁰ Многие исследователи выражают солидарность с этими подходами, полагая, что конфликт между КНР и США неизбежен или уже начался и мир может стать еще более нестабильным и анархическим.²³¹

---

²²⁴ Nye J., Allison G., Blackwill R., Campbell K. The Struggle for Power: US-China Relations in the 21st Century. – The Aspen Institute, 2020. – 170 p.

²²⁵ Gompert D. War with China. Thinking Through the Unthinkable. – California.: RAND Corporation, 2016. – 116 p.

²²⁶ Scobell A. China 2050: How the US should prepare for an ascendant China. – California.: RAND Corporation, 2018. – 173 p.

²²⁷ Hass R., Williams R. The future of US policy toward China: Recommendations for the. Biden administration. – Washington D. C.: The Brookings Institution, 2020. – 116 p.

²²⁸ Cordesman A. From Competition to Confrontation with China: The Major Shift in U.S. Policy // Center for Strategic and International Studies. 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/competition-confrontation-china-major-shift-us-policy> – 06.03.2025.

²²⁹ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – N.Y.: W.W. Norton & Co, 2014. – 592 p.

²³⁰ Mearsheimer J. Can China Rise Peacefully? // The National Interest. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> – 30.12.2020.

²³¹ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной

Таким образом, после четырех десятилетий в целом стабильного развития двусторонние отношения США и КНР осложнились. Естественно, эти проблемы поднимались в ходе предвыборных дебатов 2016 г. между кандидатом от Демократической партии Х. Клинтон и кандидатом от Республиканской партии Д.Трампом. Между ними существовали серьезные разногласия по этим вопросам. Демократический кандидат Х. Клинтон гарантировала продолжение линии, которую проводил президент Б. Обама. В случае с Трампом, по мнению экспертов, наблюдалась «неопределенность» или «неизвестный фактор», касающийся будущих двусторонних отношениях. Этот «фактор неопределенности» возник из-за решимости Трампа встряхнуть китайскую политику, что он демонстрировал в ходе предвыборной кампании. Трамп занял жесткую позицию, используя особенно резкие выражения в отношении КНР. Во время президентской кампании Трамп называл Китай «самым большой насильником Америки», который похитил американскую интеллектуальную собственность. Он также объявил КНР «валютным манипулятором» на «уровне великого мастера» и пригрозил ввести 45-процентную пошлину на китайский экспорт в США из-за «несправедливого преимущества». Его самые известные заявления о КНР прозвучали на предвыборном митинге в штате Индиана: «Мы не можем и дальше позволять Китаю насиловать нашу страну...».

Вступая на пост президента, Д. Трамп сформировал команду, отвечающую за проведение политики по отношению к Китаю. Наиболее примечательной фигурой в этот период был С. Бэннон, игравший ключевую роль в предвыборной кампании. Он составлял речи Д.Трампа, отличавшиеся антикитайской риторикой. Д. Трамп вызвал споры назначением С. Бэннона главным стратегом и старшим советником Белого дома. Это привело к критике в средствах массовой информации белого национализма Бэннона, а также его роли как силы, разделяющей страну.

«Америка прежде всего» – это лозунг экономического национализма

Бэннона, который подчеркивал важность защиты экономической независимости США. Бэннон публично заявил о своем стремлении склонить Республиканскую партию к экономическому национализму. В частности, перед выборами Бэннон в своем радиошоу сделал ряд воинственных заявлений по адресу КНР. В марте 2016 г. он заявил, что «обе стороны готовятся к войне в Южно-Китайском море через 5-10 лет». На ультраправую политическую позицию Бэннона могут указывать его враждебные высказывания, в которых он сравнивал Китай с нацистской Германией 30-х годов и подчеркивал, что США должен противостоять КНР на пути к мировому господству. На одну из самых важных должностей в кабинете министров Трампа был назначен генерал-лейтенант М. Флинн, который публично заявил, что в Китае 800000 «кибервоинов», и обвинил КНР в отсутствии прозрачности бюджета на военные расходы.

Другой ключевой фигурой в команде президента Д. Трампа являлся П. Наварро, назначенный главой Национального совета по торговле. Позже он занимал должность директора департамента торговой и производственной политики. Он охарактеризовал торговую политику Трампа как направленную на создание рабочих мест, возрождение производственного сектора, улучшение торгового баланса страны, а также на перенесения в США производства основных товаров. Он предупреждал, что торговый дефицит может поставить под угрозу национальную безопасность США. П. Наварро также известен рядом антикитайских публикаций и фильмов, включая документальный фильм 2012 г. «Смерть от Китая» и книгу 2015 г. «Китайский милитаризм», в которой он рассматривал сценарий военного конфликта между двумя странами. Наварро резко критиковал КНР за экспорт товаров, которые приводят к потерям миллионов рабочих мест в Америке.

Д. Трамп выбрал Р. Лайтхайзера в качестве торгового представителя США. Эксперты характеризуют Р. Лайтхайзера как давнего недоброжелателя Китая. Он часто обвинял КНР в нечестной торговой практики и требовал от китайской стороны внести структурные и существенные изменения в свою

торговую политику.

Таким образом, можно сделать вывод, что назначенные Д. Трампом ведущие фигуры изначально заняли жесткую позицию к КНР, особенно в торговой политике. Поскольку республиканская партия на выборах 2016 г. сохранила большинство как в Палате представителей, так и в Сенате, это обстоятельство расчищало путь Д.Трампу для формирования законодательной повестки без оглядки на демократическую партию. По мере того как все больше и больше непримиримых по отношению к Китаю должностных лиц занимали ключевые позиции в администрации Д. Трампа, так называемые «ястребиные» взгляды на КНР стали основным направлением в вашингтонском политическом истеблишменте.

В переходный период, еще до переезда в Белый дом, внимание общественности привлек первый же шаг Д.Трампа, имевший отношение к Китаю. Председатель КНР Си Цзиньпин поздравил Трампа с победой 9 ноября 2016 г., однако избранный президент ответил только несколько дней спустя, что привело к различным спекуляциям в СМИ. Наряду с этим произошло сенсационное событие, заключавшееся в том, что 2 декабря 2016 г.: Трамп принял поздравительный телефонный звонок от Цай Инь-вэня, руководителя Тайваня. Сенсация состояла в том, что это был первый подобный контакт президента США с главой Тайваня с 1979 г.. Этот шаг Трампа следует интерпретировать как отказ от признания политики «одного Китая», который обозначил красную черту в двухсторонних отношениях последних десятилетий. Столкнувшись с протестом КНР, президент Д. Трамп заявил, что он не чувствует себя связанным традиционной политикой США «один Китай», но считает ее открытой для переговоров.

В течение первых Ста дней, которые являются символическим ориентиром для наблюдения за процессом формирования политики новой администрации, президент Д. Трамп подписал 24 указа, большинство из которых относились к внутренним проблемам, нацеленных на выполнение предвыборных обещаний. Первое распоряжение президента, касавшееся КНР,

было подписано 23 января 2017 г. Оно объявляло о выходе США из Транстихоокеанского партнерства, которое характеризовалось, как «партнерство, убивающее рабочие места».

В первые же дни президентства Д.Трампа его кабинет вмешался в территориальный спор между Китаем и Японией. Военный министр Дж. Маттис подтвердил приверженность Вашингтона Договору о безопасности между США и Японией, включая защиту острова Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море.

Вместе с тем Белый дом направил председателю КНР Си Цзиньпину письмо с поздравлением по поводу китайского Нового года, а на следующий день во время телефонного разговора с Си Цзиньпином подтвердил приверженность США соблюдению политики «одного Китая». Это стало первым разговором с лидером КНР после выборов Д. Трампа. Но при этом Д.Трамп не прекращал антикитайскую риторику. В ходе своего первого выступления перед Конгрессом 28 февраля 2017 г. президент Д. Трамп упомянул о том, что США «потеряли 60 тысяч промышленных предприятий с тех пор, как Китай вступил в ВТО».

Д. Трамп продолжал отстаивать свой лозунг «Сделаем Америку снова великой». Для реализации этого плана в марте 2017 года президентом были подписаны два указа о торговле. Один из них предписывал изучить способы «торговых злоупотреблений» со стороны зарубежных стран, которые вызывали торговый дефицит США; второй – вводил ужесточение антидемпинговых правил и компенсационных пошлин, направленных на внешнеторговых конкурентов, в первую очередь КНР. 18 апреля 2017 г. президент Трамп подписал еще одно распоряжение о реализации стратегии «Покупай американское, нанимай американцев» в качестве ключевого лозунга своей кампании. Он также поручил министру торговли У. Россу инициировать два расследования в отношении импорта стали и алюминия, который мог угрожать национальной безопасности США.

Единственной сферой, в которой президент Д. Трампа выражал

намерение сотрудничать с КНР, были отношения с КНДР. Рост напряженности между США и Северной Кореей в течение нескольких месяцев после прихода к власти Трампа перерос в «словесную войну» между обеими сторонами. Автор полагает, что президент Трамп использовал свои навыки ведения переговоров для заключения лучших торговых сделок с КНР в обмен на помощь КНР в вопросе денуклеаризации Северной Кореи.

6 и 7 апреля 2017 состоялась встреча на высшем уровне. Президент Д.Трамп принимал председателя КНР Си Цзиньпина в своем поместье Мар-а-Лаго в штате Флорида. Эта встреча расценивалась как самая значительная двухсторонняя встреча на высшем уровне за последние десятилетия. Президент Трамп заявил об «огромном прогрессе в двухсторонних отношениях», продемонстрировал доброжелательный тон в отношении КНР и обсудил с председателем Си Цзиньпином широкий круг ключевых вопросов, что имело как символическое значение, так и практический результат. Основным достижением саммита являлась договоренность о разработке четырех механизмов диалога на высоком уровне, два из которых были совершенно новыми.

В целом, поскольку президент Д. Трамп уделял основное внимание внутренней политике, а из вопросов внешней политики в основном сосредотачивался на Ближнем Востоке и Северной Корее, его первые Сто дней можно было охарактеризовать как спокойное китайско-американское сотрудничество, что контрастировало с его резкими предвыборными заявлениями. К маю 2017 года обе стороны объявили о «первоначальных обязательствах» в рамках 100-дневного плана действий, охватывающего несколько широких областей, таких как торговля сельскохозяйственной продукцией, финансовые услуги, инвестиции и энергетика. Кроме того, кадровые изменения в составе кабинета Д. Трампа, выразившиеся в отставке советника по национальной безопасности М. Флинна, позволяли предположить, что политика его администрации, постепенно перейдет от предвыборной риторики к взаимовыгодному сотрудничеству, как было с

предыдущей администрацией.

Автор полагает, что администрация Д. Трампа успешно использовала свою тактику, основанную на неоизоляционистской идеологии «Америка прежде всего», выполнив обещание кампании по установлению внутренних приоритетов, одновременно «блуждая по краю» в китайской политике. Свои истинные намерения Д.Трамп и его помощники маскировали путем согласия на китайско-американского «сотрудничество» по проблеме Северной Кореи, дезориентирующее общественное мнение. Очевидно, что проблема внешней торговли стала стержнем всей политики Д. Трампа. Автор всецело поддерживает вывод некоторых исследователей о том, что президент Трамп использовал тактику «искусства войны» древнекитайского стратега Сунь Цзы для проведения своей политикой в отношении КНР.

12 мая 2017 г. администрация Д. Трампа заключила первую торговую сделку с КНР по расширению торговли такими продуктами и услугами, как говядина, птица и электронные платежи, и объявила об участии США в китайской инициативе «Один пояс, один путь». Во время саммита G20 в июле 2017 г. президент Трамп и председатель Си Цзиньпин обсудили проблему Северной Кореи и договорились о продолжении сотрудничества. 14 августа 2017 г. президент Трамп подписал меморандум, предписывающий торговому представителю Р. Лайтхайзеру рассмотреть подозрения о нарушениях КНР торговой практики, и другие аспектах в сфере интеллектуальной собственности. Р. Лайтхайзер инициировал расследование действий КНР в соответствии со статьей 301 «Закона о торговле» от 1974 г. Это стало первым мероприятием в духе торговой войны с Китаем. С точки зрения автора, расследование по статье 301 могло стать отправной точкой торговой войны против КНР в 2018 г. По совпадению, незадолго до своей отставки главный стратег Трампа С. Бэннон заявил в интервью, что США «ведут экономическую войну с КНР». Уход Бэннона вызвал дебаты среди аналитиков о приоритетах внешней политики Трампа. Большинство из них считали, что эта отставка не изменит общее направление курса

администрации Д. Трампа. 13 сентября 2017 г. президент Трамп издал указ, запрещающий частным инвестиционным компаниям с китайским капиталом участвовать в сделках по приобретению важных активов из соображений национальной безопасности. 26 октября 2017 г. Министерство торговли продолжило давнюю практику использования антидемпинговой методологии, сделав вывод о том, что КНР является «нерыночной экономикой».

Президент Д. Трамп нанес государственный визит в КНР 8 ноября 2017 г. Его выступление во время совместной пресс-конференции с председателем Си Цзиньпин отличалось необычайно примирительным тоном. Президент подчеркнул, что между ним и председателем Си «существует очень хорошая химия», и выразил надежду на решительные действия Пекина по отношению к КНДР. Во время встречи с лидерами бизнеса Трамп обвинил в дисбалансе торговли предыдущие администрации, а не китайскую сторону, и призвал к «справедливым и взаимным торговым отношениям». Государственный визит Трампа рассматривается аналитиками как сигнал о временной стабильности в двухсторонних отношениях.

О продолжении политики сдерживания администрации Д. Трампа в отношении КНР можно судить по реакции США на китайскую инициативу «Один пояс и один путь». 26 июня 2017 г. президент Трамп выступил с совместным заявлением с премьер-министром Индии Н. Моди, в котором утверждалось, что необходимо принять прозрачные и ответственные меры по долговому финансированию для создания инфраструктуры и содействия региональной взаимосвязанности и обеспечения уважения суверенитета и территориальной целостности. Это считается явной контрмерой против инициативы «Пояс и путь». 3 октября 2017 г. министр обороны Дж. Мэттис резко раскритиковал инициативу «ОПОП», заявив, что «в глобализованном мире много «поясов» и много «путей», и ни одна страна не должна попасть под контроль этой инициативы. Он также особо отметил, что такие проекты, как «Китайско-пакистанский экономический коридор», подрывают региональную безопасность.

Президент Трамп впервые представил видение «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)» в качестве основы азиатской политики США. Во время своего азиатского турне 10 ноября 2017 г. он использовал идею «ИТР» в качестве геополитической основы для продвижения своей дипломатической стратегии. Данная стратегия была призвана заменить стратегию «перебалансировки» администрации Б. Обамы. Предполагалось, что она станет главной стратегией администрации Трампа в противодействии КНР и инициативе «Пояс и путь».

Согласно определению администрации Д. Трампа, под «ИТР» подразумевалась «обширная территория от западного побережья Индийского океана до восточного побережья США». Это самый густонаселенный и экономически динамичный регион в мире. Администрация Д. Трампа стремилась осуществить переориентацию политики США в отношении КНР с помощью «ИТР». Один из инициаторов стратегии А. Вонг отметил, что смысл этой стратегии – это свобода и открытость. Первое означает, что страны региона могут поддерживать свободу в рамках своей собственной демократической системы. Открытость означает открытость морских коммуникаций, торговли и инвестиций в регионе, особенно открытое Южно-Китайское море.

Индо-Тихоокеанская стратегия направлена на достижение этого путем сосредоточения внимания на трех столпах: управление, экономика и безопасность. Компонент управления направлен на обеспечение того, что страны ИТР были свободны от принуждения, укрепляя и поддерживая государственный суверенитет, региональные органы, гражданское общество и демократические институты; компонент экономики направлен на содействие региональной интеграции и экономическому росту путем поощрения открытой, прозрачной и справедливой инвестиционной среды и расширенных торговых сетей; компонент безопасности направлен на развитие партнерства в регионе для защиты региональной стабильности, безопасности на морях и свободы судоходства.

Первая «Стратегия национальной безопасности США», опубликованная 18 декабря 2017 г., определяла КНР как «ревизионистскую державу» и «стратегического соперника». В документе слово «Китай» упоминалось 23 раза. В документе присутствовала резкая критика по отношению к КНР, говорилось, что «КНР бросает вызов влиянию и ценностям США. Китай обвинялся в том, что он пытается «вытеснить США и изменить порядок Индо-Тихоокеанского региона». Тем временем Д. Трамп объявил о новой стратегии национальной безопасности, основанной на «общегосударственном подходе». «Стратегическое соперничество» стало руководящей идеологией политики США в отношении КНР. Оба документа подвергли критике внутреннюю и внешнюю политику КНР, четко позиционировали КНР как «главную угрозу» и делали вывод, что США должны переосмыслить свою китайскую политику. Эти официальные документы подчеркнули намерения администрации Д. Трампа изменить основные параметры двухсторонних отношений. Следует отметить, что восприятие «китайской угрозы» во время правления Д. Трампа включало в себя экономические, дипломатические, идеологические и многие другие аспекты, некоторые из которых никогда раньше не обсуждались.

Советник президента М. Поттинджер прямо заявил, что администрация Д. Трампа поставила концепцию конкуренции во главу своей политики в отношении КНР и своей стратегии национальной безопасности. Команда М. Поттинджера внесла большой вклад в расследования и отчеты, в которых экономическое развитие КНР подробно рассматривалась как самая большая проблема, которая легла в основу торговой войны президента Трампа против Пекина.

Роль внутреннего фактора в соответствии с корректировкой политики администрации Д. Трампа в отношении КНР. Конгресс США также сыграл активную и критическую роль в продвижении конкуренции с КНР. С тех пор, как Трамп вступил в должность, тенденция «сближения правительства и двухпартийности» стала более очевидной в жестких отношениях с КНР.

Ястребы республиканцы, такие как сенатор М. Рубио и Т. Коттон, сыграли ведущую роль в ответе на растущую мощь КНР. Жесткие антикитайские силы единодушно сотрудничали, чтобы оказать негативное влияние на американское общественное мнение о КНР и сформировать «двухпартийную поддержку».

Уже упоминалось о шокирующем звонке Трампа и Цай Инвэнья в переходный период, что сигнализировало о стратегическом намерении администрации Д. Трампа укрепить связи с Тайванем. В «Стратегии национальной безопасности 2017 г.» впервые с 2002 г. одобрялись «прочные связи США с Тайванем» и их «обязательства в соответствии с Законом об отношениях с Тайванем». На дипломатическом фронте произошло утверждением Сенатом сторонника укрепления тайванских связей Р. Шривера на должность помощника военного министра по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Администрация Д. Трампа продала Тайваню оружия на общую сумму 1,363 миллиарда долларов.

В 2017 г. администрация Д.Трампа проводила относительно умеренную торговую политику в отношении КНР, несмотря на некоторые трения. Торговая война с КНР началась только в 2018 г.. Однако автор считает, что факты говорят о том, что на протяжении всего 2017 г. администрация Трампа прокладывала путь к торговой войне. По данным Министерства торговли США, 2017 г. был самым напряженным в плане торговых конфликтов, начиная с 2001 г. В этом году Министерство торговли приняло к рассмотрению 23 иска с участием 29 торговых партнеров США. Поскольку иски по отношению к аналогичным товарам из разных стран объединялись в одно дело, общее количество таких дел было гораздо выше: не 23, а 79. Это на 65% больше по сравнению с 2016 г. и являлось самым высоким показателем с 2001 г.. Все эти иски были поданы американскими компаниями на основании «недобросовестной конкуренции».

Нетрудно представить, что громкие протекционистские заявления Д. Трампа в значительной степени стимулировали эти компании и побудили их

использовать правила внутренней торговли США для борьбы с международной конкуренцией. Кроме того, Министерство торговли провело отдельные расследования без исков со стороны коммерческих компаний (раньше такая ситуация была редкостью). Типичными является масса расследований по вопросам интеллектуальной собственности в августе 2017 г. Начиная с 2018 г., эти расследования завершались одно за другим, что являлось прямым следствием ужесточения курса на торговую войну.

Первый год первого президентского срока Д. Трампа знаменовал завершение политики «сдерживания + вовлечения» в отношении КНР. Этот период можно считать «иллюзией стабильности». В течение 2017 года проявились элементы политического и военного сдерживания, проводимого администрацией президента. Что касается «вовлечения», то они нашли воплощение в четырех ежегодных стратегических диалогов на уровне кабинета министров (дипломатический диалог и диалог по вопросам безопасности; всеобъемлющий экономический диалог; правоохранный и кибердиалог; а также социальный и культурный диалог). Были запланированы и поддержаны двусторонние коммуникативные механизмы высокого уровня для поддержания контакта по ограниченным вопросам.

Безусловно, советники президента Трампа оказывали большое влияние на формирование китайской политики и процесс принятия решений. Госсекретарь Р. Тиллерсон, министр обороны Дж. Мэттис, советник по национальной безопасности Дж. Макмастер, и глава аппарата Белого дома Дж. Келли, заняли относительно прагматичную позицию, по-видимому, придавая значение стабильным отношениям и диалогу для решения проблем. Министр финансов С. Мнучин и главный экономический советник Трампа Дж. Кон продемонстрировали понимание рисков торговой войны с КНР и оказали сдерживающее влияние на принятие решений по экономическим вопросам. С другой стороны, влиятельная группа сотрудников президента, в том числе министр торговли У. Росс, торговый представитель Р. Лайтхайзер, главный экономический советник П. Наварро и главный стратег С. Бэннон,

выступали за более жесткую позицию на вызовы КНР.

Следует отметить, что первый год президентства Д. Трампа также отразил его неопытность в государственных делах, частую перемену его позиции по тем или иным международным вопросам, расхождение во взглядах с его собственными старшими советниками. Политика Вашингтона в отношении Китая выглядела не слишком последовательной. Автор считает, что предложение «ИТС» в ноябре 2017 г. и «Стратегии национальной безопасности» 2017 г. продемонстрировали постепенную трансформацию китайской политики администрации Д. Трампа. Как и обещал сам Д. Трамп, изменения должны были произойти.

2.2. Политика администрации Д. Трампа в отношении КНР в политической и культурной перспективе.

Следующие три года первого президентского срока Д.Трампа ознаменовались резким ухудшением отношений с Китаем практически во всех сферах. В «Стратегии национальной обороны», опубликованной в январе 2018 г., четко подчеркивает, что «межгосударственная стратегическая конкуренция», вместо терроризма, теперь является главной заботой национальной безопасности США.²³² В документе утверждалось, что «центральным вызовом для процветания и безопасности США является возрождение долгосрочного стратегического соперничества ревизионистских держав как КНР».

С середины 2018 г. американские власти, возглавляемые Конгрессом, приняли «общегосударственную» стратегию, используя законодательство, слушания в Конгрессе и заявления, направленные против КНР. Другой ключевой стратегический документ 2018 г., закон «О разрешении на национальную оборону», подчеркивал «общегосударственный» подход как

---

²³² The 2018 National Defense Strategy of the United States of America // U.S. Department of Defense. January, 2018. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. – 06.03.2025.

противодействие США и выработку комплексный мер политики между всеми правительственными учреждениями, одновременно укрепляя роль Белого дома в формулировании китайской политики. В нем четко заявлялось, что «долгосрочная стратегическая конкуренция с КНР является основным приоритетом для США, что требует интеграции множества элементов национальной мощи США».²³³

В законе «О разрешении на национальную оборону» на 2020 финансовый год КНР упоминается более 200 раз.²³⁴ Был достигнут двухпартийный консенсус о включении новых мер по противодействию КНР. Закон «О разрешении на национальную оборону» на 2021 финансовый год содержал ряд новых инструментов для противодействия КНР,²³⁵ включая создание «Тихоокеанской инициативы сдерживания» (ТИС) и дополнительные санкции.

20 мая 2020 г. администрация Д. Трампа представила еще один ключевой доклад: «Стратегический подход США в отношении КНР». В этом отчете был сформулирован общегосударственный подход к КНР, в нем перечислялись три «китайских вызова» для США: 1) экономический вызов; 2) вызов американским ценностям; 3) вызов безопасности.²³⁶ В документе также подтверждалась долгосрочная политика стратегического соперничества между двумя системами, основанная на «возвращении к принципиальному реализму».

В докладе «Элементы китайского вызова», выпущенном в декабре 2020 г. также четко подтверждается статус силовой конкуренции между обеими сторонами.²³⁷ 13 января 2021 г. был рассекречен еще один важнейший

---

²³³ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office, August 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ232/PLAW-115publ232.pdf> – 06.03.2025.

²³⁴ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office, December 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ92/PLAW-116publ92.pdf> – 06.03.2025.

²³⁵ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office, January 2021. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6395/text> – 06.03.2025.

²³⁶ The U.S. Strategic Approach To The People's Republic Of China // Washington D.C.: The White House, May 2020. URL: <https://china.usc.edu/trump-administration-us-strategic-approach-peoples-republic-china-may-20-2020> – 06.03.2025.

²³⁷ The Elements of the China Challenge // Washington D.C.: The Policy Planning Staff Office of the Secretary of State, November 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China->

документ национальной безопасности – «Индо-Тихоокеанские стратегические рамки 2018 г.». В документе излагались основы двухпартийного консенсуса по КНР и непреходящая ценность общегосударственного плана по урегулированию стратегического соперничества с КНР.²³⁸

Конгресс в основном поддерживал китайскую политику администрации Д. Трампа. В общении с Конгрессом официальные лица администрации неоднократно подчеркивали, что КНР является реальной угрозой. Члены Конгресса от республиканской и демократической партий увидели рациональное зерно в предупреждениях администрации и начали действовать, превратив 2018 г. в самый интенсивный по китайскому вопросу период работы Конгресса с 1979 г. Китайский вопрос также стал единственным вопросом, получивший единодушную поддержку обеих партий за все время президентства Трампа. Комитет по международным делам, Комитет по разведке Сената, Комитет по вооруженным силам, энергично вмешивались в политику в отношении КНР, проведя серию слушаний, которые строились вокруг «вызова КНР».

Более того, сенаторы во главе с М. Рубио, Т. Коттоном и Т. Крузом, имевшие репутацию «ястребов», приложили большие усилия для создания сильной антикитайской коалиции в Конгрессе. В ответ на «китайскую угрозу» в Сенат были внесены несколько двухпартийных законопроектов, которые в основном были представлены М. Рубио и спонсированы Т. Коттоном. Таким образом, в Конгрессе был сформулирован двухпартийный консенсус по отношению к КНР.

28 января 2020 г. Центр новой американской безопасности опубликовал объемистый отчет о «вызове со стороны КНР». Документ рекомендовал комплексный подход к конкуренции с КНР и предлагает около сотни конкретных практических рекомендаций по семи критическим векторам

[Challenge-508.pdf](#) – 06.03.2025.

²³⁸ The U.S. strategic framework for the Indo-Pacific // Washington D.C.: The White House, January 2021. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> – 06.03.2025.

конкурентоспособности США. Помимо таких традиционных векторов, как дипломатия и военное сдерживание и экономическое лидерство, в докладе подчеркивалась важность технологических преимуществ.

В обращении «О положении страны» в 2019 г. президент Трамп заявил, что «заимствование Китаем интеллектуальной собственности, воровство американских рабочих мест и богатства подошло к концу». В начале мая 2020 г. он даже заявил, что не исключает вариант прекращения «всех двухсторонних отношений». Автор считает, что заявление Д.Трампа в мае 2020 г. о том, что «он опечален тем, что случилось с двусторонним отношениям», может отражать самую низкую точку двухсторонних отношений.

Наиболее известные высказывания о китайской политике содержатся в заявлении вице-президента М. Пенса. Во время своего выступления в Гудзоновском институте он официально подтвердил, что администрация приняла новый подход к КНР.²³⁹ Он резко критиковал внешнюю и внутреннюю политику КНР, отметив, что «КНР намеревается завоевать экономическое лидерство, а также ослабить военное лидерство США». Еще одну ключевую речь об отношениях с КНР госсекретарь М. Помпео произнес 23 июля 2020 г.. Он объявил об окончании «слепого вовлечения» США. В своей речи, он заявил о «провале пятидесятилетнего вовлечения с КНР».²⁴⁰ С момента вступления в должность госсекретаря в апреле 2018 г. Помпео открыто критиковал КНР, в частности его радикальная критика была направлена на коммунистическую партию КНР.

Некоторые другие известные замечания Помпео о КНР, такие как его высказывания о «китайском вызове» в Гудзоновском институте 30 октября 2019 г., также указывают на общегосударственную координацию между

---

²³⁹ Vice President Pence's Remarks on the Administration's Policy Toward China at the Hudson Institute // October 4, 2018. U.S. Embassy and Consulates in China. URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/remarks-by-vice-president-pence-on-the-administrations-policy-toward-china/> – 06.03.2025.

²⁴⁰ Secretary Michael Pompeo's Remarks at the Richard Nixon Presidential Library and Museum: "Communist China and the Free World's Future" // July 23, 2020. California. URL: <https://mn.usembassy.gov/speech-secretary-pompeo-07-23-2020/> – 06.03.2025.

всеми департаментами в подходе к китайским делам.²⁴¹ Он заявил, что, поскольку США и КНР имеют принципиальные разногласия по многим вопросам, то подход президентской администрации заключается в «признании природы конкурентных отношений».

В 2018-2021 гг. двусторонние встречи на высшем уровне проводились гораздо реже, чем в предыдущие годы. Президент Д. Трамп и председатель КНР Си Цзиньпин встречались дважды: сначала на саммите G20 в Буэнос-Айресе в ноябре 2018 г., а затем на 14-м заседании G20 в Осаке в августе 2019 г. Существенное отличие между президентством Д. Трампа и его предшественниками состояло в том, что в этот период не было официальных государственных визитов китайского лидера в Вашингтон.

Администрация Д. Трампа значительно укрепила отношения с Тайванем. Президент подписал «Закон о поездках на Тайвань» от 16 марта 2018 г., который был единогласно принят Конгрессом. Закон не только разрешал, но и поощрял высокопоставленных чиновников из министерства обороны и внешнеполитического ведомства к взаимодействию с Тайванем.²⁴² «Закона об инициативе по подтверждению стратегии США в Азии» в 2018 г., также призывает поддерживать передачу «оборонных товаров» на Тайвань и способствовать официальным визитам на высоком уровне.²⁴³ Этот закон расчистил путь для взаимодействия между чиновниками обеих сторон. 25 мая 2019 г. советник по национальной безопасности Дж. Болтон официально встретился с начальником службы безопасности Тайваня, это произошло впервые с 1979 г. В июле 2019 г. Цай Инь-вэнь использовал этот закон для беспрепятственного проезда в США транзитом в страны Карибского бассейна.

В 2019 г. США открыли новое представительство в Тайбэе. Администрация Д. Трампа также оказала беспрецедентное дипломатическое давление в ответ на решение Сальвадора, Доминиканской Республики и

---

²⁴¹ Secretary Michael Pompeo's Remarks "The China Challenge" at the Hudson Institute // October 30, 2019. URL: <https://sv.usembassy.gov/secretary-pompeo-the-china-challenge/> – 06.03.2025.

²⁴² Taiwan Travel Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. March 16, 2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text> – 06.03.2025.

²⁴³ Asia Reassurance Initiative Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 31, 2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2736/text> – 06.03.2025.

Панама о разрыве отношений с Тайванем и установлении дипломатических отношений с Пекином, отзывав послов США в этих трех странах.

В течение августа и сентября 2020 г. министр здравоохранения и социальных служб А. Азар, заместитель госсекретаря К. Крач и контр-адмирал М. Студеман посетили Тайвань – это были первые визиты высокопоставленных американских чиновников с 1979 г. Кроме того, первоначальное решение администрации Трампа санкционировать визит своего посла в ООН К. Крафта было решающим жестом дипломатической поддержки Тайваня.

27 декабря 2020 г. президент Трамп подписал ещё один ключевой законопроект – «Закон о подтверждении стратегии США в отношении Тайваня», который поддерживает углубление американо-тайваньских отношений.²⁴⁴ В нем подтверждается поддержка США участия Тайваня в работе ООН, ВОЗ и других международных организациях. 9 января 2021 г. госсекретарь М. Помпео снял все существовавшие с 1979 г. ограничения на контакты с Тайванем, включая публичное вывешивание тайваньского флага. В целом администрация Д. Трампа все чаще и активнее использовала «тайваньскую карту», демонстрируя свое намерение поддерживать независимость Тайваня для достижения своих дипломатических целей.

Одной из основных особенностей изменения политики администрации Д. Трампа в отношении КНР являлось вмешательство во внутренние дела трех важных регионов КНР и проведении кампании дезинформации вокруг вопросов свободы вероисповедания и прав человека.

26 июля 2018 г. вице-президент М. Пенс поднял вопрос о лагерях перевоспитания в Синьцзяне на конференции по продвижению свободы вероисповедания. Президент Д. Трамп осудил «ужасающую кампанию репрессий» КНР против мусульман во время мероприятия «Глобальный призыв к защите религиозной свободы» на Генеральной Ассамблее ООН 23 сентября 2019 г. Госдепартамент ввел визовые ограничения для китайских

---

²⁴⁴ Taiwan Assurance Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. May 8, 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2002/text> – 06.03.2025.

чиновников за «репрессии в Синьцзяне. 17 июня 2020 г. Трамп подписал Закон «О политике в области гуманитарных прав уйгуров», который был единогласно принят Конгрессом. Указанный акт разрешал введение санкций США против китайских чиновников.²⁴⁵ Между тем, администрация Д. Трампа поручила Агентству США по глобальным СМИ сообщать о проблеме Синьцзяна через такие основные средства массовой информации, как «СНН», распространять дезинформацию о проблеме Синьцзяна, критиковать власти Китая в таких выражениях, как КНР «убивает мусульманское меньшинство», и распространять фальшивые новости по всему миру.

22 сентября 2020 г. Конгресс принял «Закон о предотвращении принудительного труда уйгуров» (406-3), запрещающий импорт из китайского региона Синьцзян, пообещав положить конец так называемому «систематическому принудительному труду уйгурской общины».²⁴⁶ 19 января 2021 г. госсекретарь М. Помпео официально заявил, что КНР «совершает геноцид и преступления против уйгуров» в Синьцзяне.²⁴⁷ Такое заявление, сделанное в последний день администрации Д. Трампа, отражало радикальный вопросу Синьцзяна как тактику, направленную на использование этнического фактора.

В политических играх также использовался фактор Тибета. 8 июля 2020 г. администрация Д. Трампа ввела визовые ограничения для китайских должностных лиц, участвующих в принятии решений по Тибету. 14 октября 2020 г. президентская администрация она назначила специального координатора по тибетским вопросам. Президент Трамп подписал «Закон о тибетской политике и поддержке» от 27 декабря 2020 г., который был принят Конгрессом (392–22) и предусматривал, что вмешательство КНР в выбор преемника Далай-ламы будет восприниматься как нарушение тибетской религиозной свободы, и позволяет правительству США вводить

---

²⁴⁵ Uyghur Human Rights Policy Act of 2020 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 17, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3744/text> – 06.03.2025.

²⁴⁶ Uyghur Forced Labor Prevention Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. September 23, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6210/text> – 06.03.2025.

²⁴⁷ США объявили действия Китая в отношении уйгуров “геноцидом” // ТАСС. 19 Январь, 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10498627> – 05.03.2025.

экономические санкции и визовые ограничения в соответствии с «Глобальным законом Магнитского». Закон также разрешал открытие нового американского консульства Лхасе.²⁴⁸ Таким образом, политизация такого сугубо религиозного вопроса, как выборы преемника Далай-ламы, явилось еще одним ловким ходом администрации Д. Трампа для вмешательства в дела Тибета и разыгрывания «тибетской карты» в качестве удобного инструмента для политического сдерживания КНР.

Еще один регион – Гонконг был также использован для давления на КНР. 27 ноября 2019 г. президент подписал Закон «О защите прав человека и демократии в Гонконге», чтобы ввести санкции против китайских чиновников, которые считаются ответственными за «нарушения прав человека» в Гонконге.²⁴⁹ Более того, Госдепартамент потребовал проводить ежегодный мониторинг для определения изменений в политическом статусе Гонконга.

14 июля 2020 г. Трамп подписал «Акт об автономии Гонконга», наложив санкции на китайских чиновников и организации за «репрессивные действия» КНР, и издал указ о прекращении преференциального торгового статуса Гонконга.²⁵⁰ Закон разрешал государственному департаменту и министерству финансов налагать санкции на китайские должностные лица и банки. В августе 2020 г. Министерство финансов ввело санкции против Главы администрации Гонконга и десяти гонконгских должностных лиц за «подрыв автономии Гонконга». США также призвали своих союзников сформировать дипломатическую коалицию для противостояния КНР. 6 октября 2020 г. посол США в ООН от имени группы из 39 стран, включая Германию и Великобританию, выступил с заявлением, в котором осудил Китай за его обращение с этническими меньшинствами и за ограничение свобод в

---

²⁴⁸ Tibetan Policy and Support Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. January 30, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4331/text?format=txt&r=3&s=1> – 06.03.2025.

²⁴⁹ Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. October 16, 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3289/text> – 06.03.2025.

²⁵⁰ Hong Kong Autonomy Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. July 14, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7440/text>; – 06.03.2025. Executive Order 13936-The President's Executive Order on Hong Kong Normalization. Washington D.C.: The White House, July 2020. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202000515/pdf/DCPD-202000515.pdf> – 06.03.2025.

Гонконге. США прилагали большие усилия для того, чтобы держать «демократическое» движение Гонконга в центре внимания американской и мировой общественности.

Совершенно новым фактором, которому неожиданно был придан политический характер стала эпидемия КОВИД-19. Пандемия, впервые зафиксированная в Ухане в декабре 2019 года и быстро охватившая весь мир, превратилась из кризиса общественного здравоохранения в политический инструмент, который обострил отношения между двумя сторонами. Виной тому явилось политически мотивированные обвинения со стороны администрации Д. Трампа. В конце января 2020 г. администрация запретила въезд в США гражданам материкового Китая. Во время пресс-конференции 15 апреля Трамп заявил, что правительство США пытается определить, исходит ли КОВИД-19 из Уханьского института вирусологии. К апрелю 2020 г. администрация Д. Трампа начала вести кампанию по обвинению Китая в появлении вируса. Президент называл КОВИД-19 «китайским вирусом» и «гриппом кунг», что обостряло антикитайские расистские настроения и приводило к нападению на американских граждан азиатского происхождения по всей стране. Д.Трамп обвинил КНР в сокрытии вируса и заявил, что Китай должен быть «привлечен к ответственности». Большинство членов Конгресса также предложили «Закон об ответственности за КОВИД-19», который предусматривает санкции против КНР.²⁵¹

Еще одним убедительным свидетельством усилий администрации Трампа по политизации КОВИД-19 является осуждение ВОЗ как «марионетки КНР», а также его решение о выходе США из ВОЗ 29 мая 2020 г.²⁵² В целом, КОВИД-19 сыграл свою роль и предоставил американскому правительству возможность усилить антагонизм по отношению к КНР и добиться политического и дипломатического единства среди своих союзников, чтобы противостоять КНР путем политизации КОВИД-19 .

---

²⁵¹ COVID-19 Accountability Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. May 14, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bills/116/congress/house-bills/6863/text?r=95&s=1> – 06.03.2025.

²⁵² Коронованная пандемия и зачарованный мир : монография / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой; Издательство Южного федерального университета, 2020. – 408 с.

Санкции издавна являются любимым политическим инструментом США. Они не обошли КНР. В 2020 г. США наложили санкции на 90 китайских юридических и физических лиц, что составляло 11,5% от общего числа санкций США. Также было проведено не менее 210 недружественных действий, связанных с КНР. Их предпринимали не менее 10 ведомств, демонстрируя «общегосударственную» стратегию. Так, Госдепартамент предпринял 60 действий, включая дипломатические действия, публичные заявления, и визовые ограничения; Министерство юстиции приняло 22 решения, включая обвинительные заключения и аресты.²⁵³ В целом, администрация Д. Трампа ввела беспрецедентные общественные санкции, направленные против китайских чиновников.

22 июля 2020 г. правительство США распорядилось закрыть генеральное консульство КНР в Хьюстоне. Американская администрация обвинила консульство Хьюстона в «попытке экономического шпионажа, воровства научных исследований и операций по оказанию влияния». Затем Госдепартамент обвинил КНР в «нарушениях суверенитета США и запугивании американского народа», даже предположил, что Китай нарушил «Венскую конвенцию».

С дипломатической точки зрения, закрытие консульства какой-либо страны однозначно указывает на наличие ряда проблем в дипломатических отношениях. Это первый случай в китайско-американских отношениях с 1979 г., который отражал не только сдвиг в китайской политике администрации Д. Трампа, но и символизировал серьезный ущерб и кризис двухсторонних отношений.

4 августа 2020 г. Палата представителей представила законопроект «О противодействии злонамеренному влиянию коммунистической партии КНР», направленный на борьбу с «пагубным влиянием» КНР и его «дипломатией долговых ловушек».²⁵⁴ Администрация Д. Трампа напрямую обозначила

---

²⁵³ Тимофеева И. Н. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. – Издательство: НП РСМД, 2020. – 454 с.

²⁵⁴ Countering Chinese Communist Party Malign Influence Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing

«угрозу» со стороны китайских СМИ, действующих в США, а также «невидимых агентов» влияния Пекина. 18 февраля 2020 г. Госдепартамент наложил ограничения на деятельность 5 государственных СМИ КНР, среди которых фигурировали агентства «Синьхуа» и «Чайна дейли», из-за их «заграничных миссий». В июне к их числу были добавлены еще 4 китайские СМИ; 22 октября - еще 6. В результате общее число таких СМИ достигло 15. Госсекретарь М. Помпео заявил, что этот шаг был частью усилий по противодействию «пропагандистским усилиям КНР».

Замечания вице-президента М. Пенса о том, что «КНР инициировала беспрецедентные усилия по оказанию влияния на американское общественное мнение в октябре 2018 г.,²⁵⁵ указывало на новую тактику администрации Д. Трампа по обвинению в адрес КНР. Президент Трамп также осудил КНР за операции по влиянию, направленные на подрыв Республиканской партии на промежуточных выборах. Впоследствии он повторил подобные обвинения во вмешательстве в президентские выборы в США в 2020 г. посредством «массовой кампании дезинформации» во время своей второй предвыборной кампании. Таким образом, эти обвинения можно рассматривать как средства, применяемые администрацией Д. Трампа для дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Администрации Д.Трампа приложила большие дипломатические усилия по укреплению коалиции сдерживания КНР. В глобальной стратегии по отношениям к КНР, проводимой администрацией Д. Трампа, следует отметить два важных компонента:

Во-первых, предоставление стратегических альтернатив в основном через стратегию «Индо-Тихоокеанского региона» для подрыва растущего влияния КНР в регионе;

Во-вторых, усиление дипломатического присутствия США в регионах и мобилизация союзников США для противодействия влиянию КНР и оказание

Office. August 4, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7937/text> – 06.03.2025.

²⁵⁵ Вице-президент США обвинит Китай во вмешательстве в выборы // Интерфакс. 4 октября 2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/631799> – 05.03.2025.

давления дипломатическими средствами на страны, которые имеют очень тесные связи с КНР;

Основным направлением стратегии США является противодействие китайской инициативе «Один пояс и один путь», которую обвиняли в «усилении международного влияния авторитарной системы», в создании «долговых ловушек» для усиления контроля над странами, в проведении «интервенций с китайской спецификой» в странах вдоль маршрута и «продолжении усиления политики «принуждения» к определенным странам».²⁵⁶

В области региональной дипломатии администрация Д. Трампа уделяла гораздо больше внимания Индо-Тихоокеанскому региону (ИТР), делая такие конкретные шаги, как увеличение «помощи азиатским странам в целях развития», расширение штатного персонала Госдепартамента, посольств и консульств США за рубежом и усиление соответствующих департаментов и т. д. В частности, администрация Д. Трампа направила больше экспертов по вопросам КНР в посольства и консульства в ИТР, Африке, Латинской Америке и Средней Азии, чтобы внимательно отслеживать действия КНР в соответствующих странах. Администрация Д. Трампа в основном сосредоточилась на повышении способности соответствующих стран реагировать на «принуждения» КНР и предоставлении им американских «альтернативных вариантов» в ссудах на строительство инфраструктуры и других аспектах для противодействия китайской инициативе.

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) является важной территорией соперничества великих держав. Основные положения Индо-Тихоокеанской стратегии администрации Д. Трампа по противодействию КНР можно было обозначить следующим образом:

Во-первых, на национальном уровне, защита суверенитета всех стран от «китайского принуждения»;

Во-вторых, на региональном уровне, защита открытого доступа всех

---

²⁵⁶ Arežina S. U.S.-China Relations Under the Trump Administration: Changes and Challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. 2019. 5 (3). P. 289–315.

стран к морям и воздушным трассам и поддержание мирного разрешения территориальных и морских споров с КНР.

В ноябре 2018 г. вице-президент М. Пенс объявил об «Инициативе прозрачности в ИТР», которая включала более 200 программ, которые были сосредоточены на содействии демократии и защите основных свобод и прав человека.²⁵⁷ 31 декабря 2018 г. президент Трамп подписал «Акт об инициативе по поддержке Азии», в котором предлагалось инициировать «Совместную индо-тихоокеанскую дипломатическую стратегию». Она охватывала таких союзников по договору, как Индия, Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Австралия и Новая Зеландия, а также партнеров по безопасности: Сингапур, Индонезия, Малайзия и Вьетнам.²⁵⁸

На трехсторонней встрече США, Индии и Японии в апреле 2018 г. было решено «продолжать участвовать и укреплять сотрудничество в ИТР». В августе 2018 г. на стратегической трехсторонней встрече между США, Австралией и Японией было подписано соглашение, которое «подчеркивало их приверженность совместной работе» и зафиксировало их «серьезную озабоченность» действиями КНР в Южно-Китайском море.

Администрация Д. Трампа приняла ряд мер по созданию коалиции сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. Вашингтон приветствовал присоединение Индии к Совету Безопасности ООН в 2021 г. на двухлетний срок и официально поддержал реформированный Совет Безопасности ООН. Обе стороны также учредили консультативные платформы: американо-индийский диалог «2 + 2» между министрами иностранных дел и обороны, а также рабочую группу «индийско-американского стратегического энергетического партнерства». Всего существует более 30 механизмов в виде двусторонних диалогов и рабочих групп, которые охватывают все аспекты сотрудничества.

---

²⁵⁷ Indo-Pacific Transparency Initiative // U.S. Department of State. November 3, 2019. URL: <https://vn.usembassy.gov/fact-sheet-indo-pacific-transparency-initiative/> – 06.03.2025.

²⁵⁸ Asia Reassurance Initiative Act of 2018 // U.S. Department of State. Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 31, 2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2736/text> – 06.03.2025.

Партнерство США с Японией, которое представляет собой узловой альянс в области региональной безопасности, процветало при президенте Д.Трампе. Вице-президент М. Пенс осудил «авторитаризм и агрессию» КНР во время своего визита в Японию и изложил «Совместное видение США и Японии для Индо-Тихоокеанского региона» в ноябре 2018 г. С точки зрения дипломатии мягкой силы, помимо программы Фулбрайта, в США существует 37 отделений Японо-американского общества. В США и Японии развиты связи с городами-побратимами, причем таких побратимов больше, чем с любой другой страной.²⁵⁹

Президент Трамп пригласил премьер-министра Австралии С. Моррисона на свой второй государственный обед. Вашингтон даже призвал к расширению G7 с включением в семерку Австралии. AUSMIN (Консультация министров Австралии и США) в 2017 г. обязалась «расширить двустороннее сотрудничество». Австралия была сосредоточена на глобальном политическом противодействии Китаю и его влиянию, особенно на островах Тихого океана.

Отношения США и АСЕАН принесли определенные успехи на политическом уровне. Президент Трамп принял участие в саммите США-АСЕАН 2017 г. В механизме АСЕАН «Перспективы для ИТР», опубликованном в 2019 г., проводилось американское видение ИТР. Администрация Д. Трампа также использовала тактику мягкой силы через программы «Фулбрайта», «международного лидерства», «инициативы молодых лидеров Юго-Восточной Азии» и другие программы для укрепления связей с АСЕАН.

Вашингтон значительно укрепил двусторонние отношения за счет двустороннего сотрудничества с Южной Кореей. Президент Южной Кореи во время своего визита в Белый дом в 2018 г. даже выразил надежду, что президент Трамп будет удостоен Нобелевской премии мира.

Д. Трамп дважды посетил за время своего первого президентского

---

²⁵⁹ Швыдко В.Г., Ключева Е.А. Япония И США: Сравнительный анализ новых подходов к двухсторонним отношениям // Сравнительная политика. 2020. 11(1). С. 75-87.

срока Вьетнам, а премьер-министр Вьетнама был первым лидером Юго-Восточной Азии в период первого президентства Трампа, которого пригласили в Белый дом. Госдепартамент также официально осудил «односторонние» и «провокационные» действия КНР и поддержал претензии Вьетнама по территориальному спору в Южно-Китайском море.²⁶⁰

Вашингтон укрепил двусторонние отношения с Филиппинами посредством ежегодного форума «Двусторонний стратегический диалог» и подтвердила решительную поддержку заявлений Филиппин о территориальном споре в Южно-Китайском море против КНР.

Южно-Китайское море оставалось главной линией фронта в китайско-американском политическом и экономическом соперничестве. 23 мая 2019 г. Сенат США представил закон о санкциях в отношении КНР, обвиняемой в причастности к «незаконной и опасной» деятельности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. В июле 2019 г. Госдепартамент объявил о «неоднократных провокационных действиях КНР», направленных против морских энергетических проектов других стран, которые «угрожают региональной энергетической безопасности». В сентябре 2020 г. государственный секретарь М.Помпео заявил, что США «будут здесь, чтобы помочь», и призвал страны разорвать связи с государственными китайскими компаниями, а также подчеркнул, что США «будут поддерживать союзников в сопротивлении принудительным усилиям КНР по установлению своего господства над Южно-Китайским морем».²⁶¹

Государственный секретарь М. Помпео сыграл ведущую роль в продвижении тезиса о «китайской угрозе» среди своих европейских союзников. Он немало сделал, чтобы привлечь ЕС к американским усилиям по противодействию КНР. Важнейшим дипломатическим достижением администрации Д. Трампа является создание 23 октября 2020 г. нового трансатлантического координационного механизма, «Диалог ЕС-США по

---

²⁶⁰ Siracusa J., Hang N. U.S.-Vietnam Relations in the Trump Era // Asian Affairs. 2020. 50(4). P. 602-618.

²⁶¹ Васильев Д. В., Шавлай Э. П. Южно-Китайское Море в противостоянии КНР и США в Азии // Азия и Африка сегодня. 2020. № 7. Р. 61-66.

Китаю». Администрация Д. Трампа продолжала лоббировать и убеждать Брюссель в изменении внешней политики ЕС с тем, чтобы предпринять совместные трансатлантические усилия по противодействию КНР.

Двумя основными целями дипломатических усилий администрации Д. Трампа в Африке являлись: во-первых, усиление присутствия США на континенте и расширение их связей с африканскими партнерами в политическом плане; во-вторых, противодействие присутствию КНР и её инициативе «Один пояс и один путь». США обвиняли КНР в «создании «долговой ловушки», создании рисков для суверенитета африканских государств и подталкивании долговых лимитов до неприемлемого уровня». Во время своего визита в 2018 г. Р.Тиллерсон говорил африканским партнерам, что «США является лучшим партнером для Африки, чем КНР». В декабре 2018 г. администрация Д. Трампа запустила свою новую инициативу по африканской стратегии «Процветающая Африка».²⁶² Президент Трамп также использовал COVID-19 как возможность укрепить связи США с Африканским континентом, пообещав финансовую помощь нескольким африканским странам.

Латинская Америка и Карибский бассейн исторически считались «задним двором» США. Вашингтон активизировал усилия по борьбе с растущим влиянием КНР в регионе посредством инициативы «Рост в Западном полушарии», которую аналитики считают прямым ответом на китайскую инициативу «Один пояс и один путь». Вашингтон также укрепил стратегическое партнерство с такими крупными державами в регионе, как Бразилия.²⁶³

Вашингтону удалось нормализовать отношения между Израилем, ОАЭ и Бахрейном, а также укрепить отношения между Израилем и Саудовской Аравией. США также удалось перевести отношения между Катаром и

---

²⁶² Prosper Africa initiative // URL: <https://www.prosperafrika.gov/> – 06.03.2025.

²⁶³ Яковлев П. П. Политика Д. Трампа в Латинской Америке: итоги и перспективы // перспективы. 28.09.2020. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/politika_d_trampa_v_latinskoj_amerike_itogi_i_perspektivy_2020-09-28.htm – 05.03.2025.

Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Бахрейном из состояния «холодной войны» в состояние «холодного мира», таким образом обеспечив контроль над поставками нефти в регионе дипломатическими способами. Это можно рассматривать, как успех в потенциальном противостоянии КНР в энергетическом секторе, так как регион Персидского залива в целом поставляет почти 30% нефти для КНР.

Еще одной антикитайской дипломатической коалицией стал Межпарламентский альянс по Китаю. Это объединение парламентариев из 20 стран, ориентированный на отношения с КНР. Цель альянса – разработать скоординированный ответ на вызовы КНР. Автор считает, что США продолжают лоббировать участие большего числа стран в этом объединении. Альянс будет играть более важную роль в качестве символа коалиции, сдерживающей КНР.

Президентство Д. Трампа сопровождалось культурным разединением и развитием антагонизма. Государственный секретарь М. Помпео, советник по национальной безопасности Р. О’Брайен и другие высокопоставленные чиновники заявили, что «КНР использует механизмы культурного обмена в качестве инструмента политической пропаганды». В 2018 г. Министерство юстиции задействовало «Китайскую инициативу», которая призвана противостоять «академическому шпионажу КНР».²⁶⁴

Китайские студенты, которые участвуют в культурном обмене, также стали жертвами политического конфликта между двумя сторонами. Наиболее заметной из мер администрации Д. Трампа является президентская прокламация от мая 2020 г. о приостановлении выдачи виз китайским аспирантам и исследователям, имеющим связи с военной промышленностью КНР.²⁶⁵ В соответствии с этим заявлением Госдепартамент в сентябре 2020 г.

---

²⁶⁴ Information About the Department of Justice’s China Initiative and a Compilation of China-Related Prosecutions Since 2018 // Archives. U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/nsd/information-about-department-justice-s-china-initiative-and-compilation-china-related> – 06.03.2025.

²⁶⁵ Executive Order 10043 - Proclamation on the Suspension of Entry as Nonimmigrants of Certain Students and Researchers From the People’s Republic of China // Washington D.C.: The White House, May 29, 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/proclamation-suspension-entry-nonimmigrants-certain-students-researchers-peoples-republic-china/> – 06.03.2025.

отменил более 1000 виз для китайских студентов и ученых, которые «подозревались» в связях с китайскими военными.²⁶⁶ В мае 2020 г. три депутата-республиканца представили закон, запрещающий китайскими студентами учиться в магистратуре или аспирантуре в области науки, технологий, инженерия или математика.

Вашингтон также ужесточил правила выдачи виз для китайских студентов, особенно для тех, кто получал обучение в «чувствительных» областях. Например, в 2018 г. с пяти лет до одного года сократился срок действия виз, выдаваемых китайским аспирантам, обучающимся в сфере высоких технологий. Были введены новые методы проверки китайских студентов, включая проверку информации в мессенджерах и личных профилей на платформах социальных сетей.

Удар был нанесен по такому важному направлению культурного сотрудничества, как институты Конфуция. 13 августа 2020 г. Госдепартамент объявил Центр Института Конфуция в США «иностранный миссией», определив «организацию, как продвигающую глобальную пропагандистскую кампанию с злонамеренным влиянием КНР в кампусах США». Государственный секретарь М.Помпео публично критиковал институты Конфуция, назвав их «частью китайского глобального влияния и пропагандистского аппарата».

Администрация Д. Трампа также наложила ограничения на финансирование Министерством обороны тех американских университетов, в которых размещались Институты Конфуция, что вынудило большое число университетов США разорвать связи с Институтами Конфуция. Кроме того, в июне 2020 г. Сенат единогласно одобрил «Акт Конфуция», чтобы ужесточить контроль над финансируемыми КНР Институтами Конфуция в университетских городках США.²⁶⁷

В период первого президентского срока Д.Трампа был приостановлен

---

²⁶⁶ США отзовут визы более чем у тысячи китайских студентов и аспирантов // Интерфакс. 10 сентября, 2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/725299> – 05.03.2025.

²⁶⁷ Confucius Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 10, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/939/text> – 06.03.2025.

ряд двусторонних программ культурного обмена. В январе 2020 г. администрация Д. Трампа приостановила программу «Корпус мира» с КНР. В июле президент Трамп распорядился прекратить программу «Фулбрайта». Впервые с 1979 г. Министерство обороны начало отслеживать, чтобы получатели грантов не заключали контрактов с китайскими программами. 5 декабря 2020 г. Госдепартамент приостановил пять программ культурного обмена с КНР, среди которых были «Программа дружбы США и КНР» и «Программа обмена лидерами США и КНР». Эти программы были объявлены «инструментами пропаганды мягкой силы китайского правительства».

В целом меры администрации Д. Трампа против КНР в культурном аспекте побили множество рекордов. Попытки сократить двусторонний культурный обмен еще больше испортили отношения между двумя странами.

2.3. Торговая война 2018-2021 гг.

Политика администрации Д. Трампа в отношении КНР в торгово-экономической перспективе 2018-2021 гг.

Первый срок пребывания Д.Трампа на посту президента США ознаменовался рядом акций, которые по справедливости можно уподобить торговой войне между США и КНР. Эта тема особенно актуально в реалиях нынешних дней, так как в самом начале своего второго президентского срока Д. Трамп погрузил в хаос мировую торговлю, причем на сей раз обратил острие своей сверхпротекционистской политики не только на Китай, но и на все остальные страны, не исключая давних стратегических партнеров США.

Следует подчеркнуть, что дефицит торгового баланса США берет начало в 1970-х годах, когда никаких торговых отношений с Китаем эта страна не поддерживала. В те годы американцы обвиняли в своих проблемах Японию, чья экономическая мощь быстро выросла. В начале 80-х администрация президента Р.Рейгана утверждала, что США «жестоко

пострадали» от наплыва японских товаров. Логика торговой войны Д. Трампа с КНР по сути аналогична логике президента Р. Рейгана. После Холодной войны на США приходилась самая высокая доля мирового ВВП (32%) в 2001 г., тогда как доля КНР в мировом ВВП составляла всего 4%. Однако к 2017 г. доля США упала до 24%, а доля КНР увеличилась до 15%. США действительно беспокоило то, что их относительное преимущество над КНР за шестнадцать лет сократилось на 80%.

Хотя КНР и США были крупнейшими торговыми партнерами до торговой войны, надо отметить, что степень экономической интеграции между двумя странами не находится на том же уровне, каким оно было между США и -Японией или США и Европейским Союзом. На том этапе спрос в КНР на все американское, будь то торговля или инвестиции, был значительно выше. В Америке это время воспринимали как «золотой период» стратегической возможности конкурировать с КНР. Однако вскоре ситуация изменилась, и ведущие американские экономисты пришли к выводу, что асимметричная экономическая зависимость КНР от США постепенно ослабевает и может полностью исчезнуть в ближайшие 5-10 лет.

С чисто экономической точки зрения администрация Д. Трампа поставила три основные цели: во-первых, значительного сокращения торгового дефицита с КНР; во-вторых, открытие китайского рынка и улучшений условий доступа на этот рынок для американских компаний; в-третьих, изменение КНР свою текущую торговую политику. Со стратегической точки зрения, администрация Д. Трампа пыталась поддержать конкурентоспособность американской промышленности. При этом Д. Трамп игнорировал сложившуюся мировую торговую систему и оказывал давление на торговых партнеров в ходе двусторонних переговоров. США обращались к торговым партнерам напрямую к одному за другим, чтобы продвигать выгодные для себя условия торговли.

Особенности торговой политики администрации Д. Трампа являлось стремление к быстрым действиям и победе. Трамп действовал решительно и

беззастенчиво. В соответствии с принципом «торговля есть политика» администрация президента сосредоточила внимание на торгово-экономических вопросах. Д.Трамп не стеснялся разыграть геополитические карты для оказания давления на торговых партнеров.

Для понимания ключевых моментов торговой политики президента Д. Трампа следует обратиться к «Стратегии национальной безопасности» 2017 г. , которая констатировала, что «экономическая безопасность - это национальная безопасность». Повестка дня в этой сфере включала четыре основных пункта:

Во-первых, пересмотр «устаревших и несбалансированных» торговых соглашений, чтобы способствовать созданию рабочих мест и процветанию в США.

Во-вторых, изменение баланса торговых отношений США, путем поддержки национальной безопасности.

В-третьих, обеспечение соблюдения закона о торговле: неукоснительное применение федеральных законов о торговле и нетерпимость к недобросовестной торговой практике. Это являлось приоритетом для администрации Д. Трампа, например, раздел 232 закона «О расширении торговли» 1962 г. и раздел 301 Закона «о торговле» 1974 г.²⁶⁸ Администрация Д. Трампа также приняла больше антидемпинговых и компенсационных мер, чем ее предшественники.²⁶⁹

В-четвертых, защита интересов США в ВТО: администрация Д. Трампа резко критиковало ВТО, угрожала функционированию всей организации, блокировала назначение членов апелляционного органа и отказывалась участвовать в обсуждении реформы организации.²⁷⁰

---

²⁶⁸ Section 232 Investigation on the Effect of Imports of Steel on U.S. National Security // US Department of Commerce. URL: [https://www.commerce.gov/issues/trade-enforcement/section-232-steel#:~:text=Section%20232%20of%20the%20Trade%20Expansion%20Act%20of%201962%20\(19,security%20of%20the%20United%20States](https://www.commerce.gov/issues/trade-enforcement/section-232-steel#:~:text=Section%20232%20of%20the%20Trade%20Expansion%20Act%20of%201962%20(19,security%20of%20the%20United%20States). – 06.03.2025. Sec. 301. Responses to certain trade practices of foreign governments. // Trade Act of 1974. January. 3, 1975. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-88/pdf/STATUTE-88-Pg1978-2.pdf> – 06.03.2025.

²⁶⁹ Емельянов Е. В. Внешнеторговый курс Дональда Трампа: планы и реалии // Международная торговля и торговая политика. 2018. (2). С. 73-82.

²⁷⁰ Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике.

Следует сказать несколько слов о команде президента Д. Трампа, принимавшей решения по проблемам торгово-экономической политики. Администрация Д. Трампа создала чисто протекционистскую команду. Поначалу в команде наблюдались некоторые разногласия и поступали смешанные сигналы, это продолжалось с весны 2017 г. до начала марта 2018 г., когда президент Трамп перешел от «торговых угроз» к «торговой войне». Примечательно, что, хотя администрация Д. Трампа известна своей высокой текучестью кадров, она сохранила ключевую команду по торгово-экономической политике, поскольку П. Наварро, Р. Лайтхайзер, У. Росс и С. Мнучин работали с начала до конца периода президентства Трампа.

Администрация Д. Трампа обвиняла КНР в «несправедливой практике». Как показано ниже, главные обвинения заключались:

Во-первых, в краже интеллектуальной собственности, принудительной передаче технологий, отсутствии доступа американских компаний к рынку в КНР и создании неравных условий за счет государственных субсидий китайским компаниям.

Во-вторых, в использовании инвестиций, инфраструктуры и проектов развития, таких как инициатива «Один пояс и один путь для замены глобального лидерства США».²⁷¹

В январе 2018 г. офис Торгового представительства США представил Конгрессу свой «годовой отчет о соблюдении КНР требований ВТО», сделав вывод, что в КНР «отсутствует открытый, ориентированный на рынок торговый режим».

22 марта 2018 г. президент Трамп подписал меморандум, предусматривавший следующие действия:

- 1) подачу иска против КНР в ВТО за «дискриминационную практику лицензирования»;
- 2) ограничение китайских инвестиций в ключевых технологических

История и современность. 2019. № XXIV. С. 187-206.

²⁷¹ Давыдов А. Ю. Торговая политика администрации Трампа // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 10. С. 40-53.

секторах;

3) введение тарифов на китайскую продукцию, такую как аэрокосмическая промышленность, информационно-коммуникационные технологии и оборудование.²⁷²

Затем Торговому представительству США было приказано изучить вопрос о применении тарифов на китайских товаров на сумму 50–60 млрд долларов. Торговое представительство опубликовало 215-страничный отчет о своем восьмимесячном расследовании по разделу 301.²⁷³ 3 апреля администрация Д. Трампа официально объявила о введении 25-процентных тарифов на китайские товары на сумму 50 млрд долларов, а Торговое представительство США опубликовало первоначальный список из 1334 облагаемых повышенными тарифами китайских товаров. 5 апреля президент Д. Трамп усилил напряженность, поручив Торговому представительству ввести тарифы на китайскую продукцию еще на 100 млрд долларов.²⁷⁴ Администрация Д. Трампа потребовала от КНР сократить торговый дефицит на 200 млрд долларов в течение двух лет.²⁷⁵ Она ввела ввозные пошлины со ставкой 25% на импорт с 6 июля 2018 г. (на 34 млрд долларов).

Эскалация тарифных войн продолжалась все лето 2018 г. В сентябре 2018 г. администрация Д. Трампа ввела дополнительные ввозные пошлины со ставкой 10% на импорт из КНР (на 200 млрд долларов) и объявила о повышении тарифов до 25% с 1 января 2019 г.²⁷⁶

Во время саммита G20 в Осаке президент Трамп снова объявил о «перемирии» в торговой войне. За объявленным в мае 2019 г. увеличением пошлин на китайскую продукцию в общей сложности на 200 млрд долларов в

---

²⁷² Трамп подписал меморандум о торговых мерах против Китая // ТАСС. 22 марта 2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5057463>

²⁷³ Findings Of The Investigation Into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of The Trade Act of 1974 // Office of the U.S. Trade Representative. March 22, 2018. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> – 06.03.2025.

²⁷⁴ Steinbock D. U.S.-China Trade War and Its Global Impacts // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. 4 (4). P. 515-542.

²⁷⁵ Салицкий А. И., Салицкая Е. А. США – Китай: Тупики и парадоксы торговой войны // Вестник Российской академии наук. 2020. № 7 (90). С. 653–663.

²⁷⁶ Mastanduno M. Trump's Trade Revolution // The Forum. 2020. 17(4). P. 523–548.

конечном итоге последовали новые 15% на дополнительные 101 млрд долларов с 1 сентября 2019 г.²⁷⁷ 1 августа 2019 г. президент Трамп ввел 10% пошлину на оставшиеся 300 млрд долларов китайских товаров. Затем он заявил о намерении вывести американских производителей из КНР. 13 августа введение некоторых десятипроцентных тарифов на список ряда товаров стоимостью 300 млрд долларов было отложено до 15 декабря 2019 г.²⁷⁸ 11 октября президент Трамп объявил, что повышение тарифов с 25% до 30%, запланированное на 15 октября, будет отменено, поскольку его администрация была на грани объявления о «очень существенной сделке первой фазы» с КНР.

Первая фаза торговой сделки США и КНР была заключена 15 января 2020 г., когда президент Д. Трамп и вице-премьер КНР Лю Хэ подписали в Вашингтоне торговое соглашение между США и КНР. В отличие от других торговых соглашений, соглашение «Первая фаза торговой сделки США и КНР» основывалось не на нормах ВТО, а представляло, скорее, двусторонний механизм.²⁷⁹

Главный сдвиг в торговой политике администрации Д. Трампа заключался в том, что торговая война с КНР касается не только торговли, но также содержит элементы технологической конкуренции, которые исследователи определяют, как «технологическую войну». Некоторые исследователи даже пришли к выводу, что природа этой торговой войны связана с соперничеством в области технологий и инноваций.²⁸⁰ Отчет Торгового представительства США о новых тарифах был озаглавлен «Политика и практика КНР в отношении передачи технологий, интеллектуальной собственности и инноваций» при отсутствии «торгового

---

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Петров А. А. Китай - США: перспективы выхода из торговой войны. *Международная жизнь*. 2020. № 4. С. 50-57.

²⁷⁹ Economic And Trade Agreement Between The Government Of The United States Of America And The Government Of The People's Republic Of China // Office of the U.S. Trade Representative. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf – 06.03.2025.

²⁸⁰ Дмитриев С. С. Американо-китайское технологическое соперничество: от “высокомерия” к бойкоту // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – № 12 (64). – С. 70-77.

дефицита и тренировок».

Вашингтон утверждал, что законы и политика КНР нанесли ущерб экономическим интересам США следующим образом:

(1) КНР «оказывает давление на передачу технологий американскими компаниями посредством требований о создании совместных предприятий, ограничений на иностранные инвестиции, а также административных процедур проверки и лицензирования»;

(2) КНР «налагает существенные ограничения на способность американских компаний лицензировать свои технологии на рыночных условиях»;

(3) КНР «направляет и несправедливо способствует приобретению американских компаний и активов отечественными фирмами для получения передовых технологий»;

(4) КНР «осуществляет и поддерживает несанкционированные кибервторжения в сети американских компаний для доступа к конфиденциальной информации и коммерческим секретам».

Администрация Д. Трампа стремилась заставить КНР отказаться от своей промышленной политики, представленной стратегией «Сделано в Китае 2025», путем введения санкций в отношении китайских высокотехнологичных компаний. 19 июня 2018 г. Белый дом опубликовал отчет, в котором описывалось, как политика КНР угрожает экономической и национальной безопасности США. В отчете перечислено более 50 действий, политики и практики, которые КНР использует для реализации своей стратегии «Сделано в Китае 2025» и своей промышленной политики, направленной на приобретение интеллектуальной собственности и технологий.

Администрация Д. Трампа дала распоряжение американским агентствам по обзору иностранных инвестиций и экспортному контролю активизировать регулятивные меры, чтобы заблокировать доступ КНР к передовым технологиям. Она коренным образом реформировала механизм проверки

«Комитета по иностранным инвестициям в США».²⁸¹ Закон «О модернизации оценки рисков иностранных инвестиций» от 2018 г. расширил юрисдикцию Комитета по иностранным инвестициям в США, продлевает период его проверки.²⁸²

Администрация Д. Трампа стремилась ограничить китайские инвестиции в американскую экономику. Был введен «Закон о модернизации оценки рисков иностранных инвестиций», чтобы обновить и укрепить потенциал Комитета по иностранным инвестициям для решения вопросов национальной безопасности в связи инвестициями КНР. В законе имелось положение, которое предотвращало доступ китайских компаний в области инноваций США через инвестиции с целью модернизации китайской армии. Американская администрация также призвала союзников разработать собственные механизмы проверки иностранных инвестиций.²⁸³ В ноябре 2020 г. президент Трамп подписал распоряжение, запрещающее американским инвесторам покупать акции 31 китайских компаний, которые были указаны Министерством обороны в качестве имеющих связи с китайскими военными.²⁸⁴

Администрация Д. Трампа также комплексно модернизировала систему экспортного контроля в цепочке поставок. Закон «О реформе экспортного контроля» 2018 г. еще больше ужесточил экспортный контроль РФ технологической продукцией в КНР.²⁸⁵ В ноябре 2018 г. Министерство торговли определило новые технологии и перечислило 14 «репрезентативных категорий технологий», которые явно нацелены на высокотехнологичное

---

²⁸¹ Аксенов П.А. Регулирование иностранных инвестиций в США: ограничения в условиях торговой войны // Международная торговля и торговая политика. 2019. (4). Р. 31-41.

²⁸² Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 27, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5841/BILLS-115hr5841pcs.pdf> – 06.03.2025.

²⁸³ Ковалева Т.К. Иностранные инвестиции и национальная безопасность: Закон о модернизации анализа риска, связанного с иностранным инвестированием, от 13 августа 2018 г. как новый этап эволюции парадигмы обеспечения национальной безопасности США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 1А. С. 173-188.

²⁸⁴ Executive Order 13959 of November 12, 2020 - Addressing the Threat from Securities Investments that Finance Communist Chinese Military Companies // Washington D.C.: The White House, November 12, 2020. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-addressing-threat-securities-investments-finance-communist-chinese-military-companies/> – 06.03.2025.

²⁸⁵ Export Control Reform Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. February 15, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5040/BILLS-115hr5040ih.pdf> – 06.03.2025.

промышленное использование в КНР и включают инновационные технологические достижения, созданные отделами НИОКР китайских предприятий в США. 6 января 2020 г. администрация Д. Трампа объявила о введении нового экспортного контроля в отношении программного обеспечения искусственного интеллекта (ИИ). Кроме того, администрация Д. Трампа усилила контроль за экспортом, одновременно пресекая так называемые «кражи» технологий, совершаемые китайскими компаниями.

15 мая 2019 г. президент Трамп подписал распоряжение о включении китайского телекоммуникационного гиганта «Хуавэй» в «Список организаций», которым фактически запрещается продавать продукцию американскими компаниями без одобрения правительства США, а также запрещается использование их оборудования в телекоммуникационных сетях США.²⁸⁶

21 июня 2019 г. Минторговли объявило о добавлении 5 новых китайских компаний по производству суперкомпьютеров в «Список организаций», это означало, что им запрещается покупать запчасти и компоненты в США без предварительного разрешения. 7 октября 2019 г. еще 8 высокотехнологичных компаний были добавлены в этот список. Администрация Д. Трампа обновила правила экспортного контроля, особенно в свете стратегии КНР «военно-гражданское слияние», и ее усилий по приобретению передовых технологий, связанных с гиперзвуком, квантовыми вычислениями, ИИ, биотехнологиями и т. д. Особенно были ужесточены ограничения на экспорт в КНР полупроводников и оборудования для их производства. В мае 2020 г. экспортный контроль был распространен на производителей оборудования для производства полупроводников в третьих странах (таких как Южная Корея и Япония), чтобы ограничить их способность производить полупроводники для продажи Хуавэй. В декабре 2020 г. в «Список организаций» был добавлен еще один китайский гигант, производитель

---

²⁸⁶ Executive Order 13873 of May 15, 2019. Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Washington D.C.: The White House, May 15, 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2020-title3-vol1/pdf/CFR-2020-title3-vol1-eo13873.pdf> – 06.03.2025.

полупроводников - «SMIC». Администрация Д. Трампа также призвала своих союзников обновлять и осуществлять скоординированный экспортный контроль. В период первого президентского срока Д.Трампа Министерство торговли включило более 420 китайских компаний в «Список организаций».²⁸⁷

Администрация Д. Трампа предприняла усилия по противодействию быстрорастущим финансовым технологиям КНР, нацелившись на китайские компании в платежном секторе, которые являются конкурентами американских платежных фирм, таких как «ВИЗА» и «AMEX». Например, Комитет по иностранным инвестициям в США заблокировал сделку, по которой компания «Алибаба» хотела купить американскую финтехную компанию.²⁸⁸ Администрация Д. Трампа приняла меры по запрету «ТикТок» и «Вичат» в 2020 г., частично из-за функции платежной системы, связанной с приложениями. Facebook и другие технологические компании США были заинтересованы в ограничении распространения ТикТок и Вичат в электронные платежные системы. Кроме того, администрация президента обвинила китайскую цифровую версию юаня, которая может создать серьезные проблемы для банковской системы США, и призвала США внедрять цифровой доллар, чтобы конкурировать с юанем.

В целом, в разгар торговой войны администрация Д. Трампа ввела тарифы на китайские товары, стоимостью в 550 млрд долларов, в то время как КНР нацелилась на 185 млрд долларов в качестве контрмер. Во время торговой войны было 13 раундов торговых переговоров. Тактика президента Д. Трампа и его подход к переговорам полностью отражали его характер, поскольку цель переговоров заключалась в проверке чистой прибыли конкурента, решения были беспорядочными, непредсказуемыми, изменчивыми, даже не вызывающими доверия. Подход Трампа к «максимальному давлению» во время торговой войны почти исключительно

---

²⁸⁷ Entity List // US Department of Commerce. URL: <https://2017-2021.commerce.gov/tags/entity-list.html> – 06.03.2025.

²⁸⁸ Хвостик Е. Покупка MoneyGram китайцами угрожает национальной безопасности США // *Коммерсантъ*. 15.05.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3297497> – 05.03.2025.

опирались на жесткую силу – введение или угрозу тарифов - и соответствовали его девизу «используйте все рычаги воздействия».

Если говорить об антидемпинговых и компенсационных пошлинах, то следует подчеркнуть, что администрация президента Д. Трампа приняла гораздо более жесткие меры в этой сфере, чем любая другая из предшествующих администраций. Министерство торговли США инициировало 203 новых расследования, что на 174% больше, чем за аналогичный период в эпоху Обамы.²⁸⁹ Для некоторых товаров новые антидемпинговые и компенсационные пошлины США могли иметь больший экономический эффект, чем введение тарифов по «Разделу 301». Например, в октябре 2019 г. Министерство торговли ввело антидемпинговые пошлины в размере более 100% на импорт деревянных шкафов и туалетных столиков из КНР на 4 млрд долларов; в феврале 2020 г. министерство объявило о начале новых расследований по антидемпинговым и компенсационным пошлинам для определения ингибиторов коррозии из КНР.²⁹⁰

5 августа 2019 г. Министерство финансов США официально объявило КНР «валютным манипулятором» впервые за 25 лет. Примечательно, что в январе 2020 г. оно официально сняло ярлык «валютного манипулятора» с КНР, за два дня до подписания предварительного торгового соглашения. Таким образом, этот ярлык играл роль инструмента торга в переговорном процессе во время торговой войны.

Запреты администрации Д. Трампа на импорт из-за политических проблем, таких как «принудительный труд», и реклассификация товаров из Гонконга, были связаны с проблемой прав человека. Администрация Д. Трампа добавила в «Список организаций» другие китайские компании по разным причинам. Некоторые предположительно были вовлечены в «деятельность по наблюдению», тем самым способствуя «репрессивному обращению с уйгурами в Синьцзяне».

---

²⁸⁹ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 04.03.2025.

²⁹⁰ Murphy J. Trump's Trade Policy: An Assessment // US Chamber of Commerce. January 19, 2021. URL: <https://www.uschamber.com/issue-brief/trump-s-trade-policy-assessment> – 06.03.2025.

Администрация Д. Трампа все чаще запрещала импорт из региона Синьцзян из-за так называемого «принудительного труда». Начиная с сентября 2019 г., Погранично-таможенная служба США выдала серию «приказов о приостановлении выпуска» в отношении импортных товаров компаний, которые, как она утверждала, «использовали принудительный труд». В январе 2021 г. эти распоряжения были распространены на импорт хлопка и томатов со всего региона Синьцзян. В августе 2020 г. Погранично-таможенная служба США объявила, что импортные товары, произведенные в Гонконге, отныне должны иметь маркировку «КНР» для обозначения их происхождения. В принципе, это изменение означало, что тарифы США по «разделу 301» в отношении КНР, а также антидемпинговые или компенсационные пошлины, применяемые к компаниям в КНР, могли также применяться к импорту из Гонконга.

В августе 2020 г. администрация Д. Трампа пыталась запретить совершение некоторых транзакций посредством китайского «Вичата» и «ТикТока». Было объявлено о намерении ограничить китайских операторов связи и поставщиков облачных услуг, а также об ограничении доступа китайских разработчиков к американским магазинам мобильных приложений. 5 января 2021 г. президент Трамп подписал распоряжение о запрете платежных транзакций совершаемых 8 китайскими приложениями, что является первым случаем, когда США заблокировали иностранные информационные технологии.²⁹¹

18 декабря 2020 г. президент Трамп подписал «Закон о привлечении иностранных компаний к ответственности», который позволяет властям удалять иностранные компании с фондовых бирж, если они не соблюдают правила аудита США в течение 3 лет.²⁹² Это было нацелено на китайские фирмы, акции которых котируются в США, такие как «Алибаба» и

---

²⁹¹ Executive Order 13942 of August 6, 2020. Addressing the Threat Posed by TikTok, and Taking Additional Steps To Address the National Emergency With Respect to the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Washington D.C.: The White House, August 6, 2020. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-08-11/pdf/2020-17699.pdf> – 06.03.2025.

²⁹² Holding Foreign Companies Accountable Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 18, 2020. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ222/PLAW-116publ222.pdf> – 06.03.2025.

«Петрочайна».

В сфере мировой торговли, помимо торговой войны, администрация Д. Трампа также стремится к сотрудничеству с союзниками в противодействии китайскому экспорту. После жесткого давления США, которое привело к повторным переговорам по двусторонним торговым соглашениям, более выгодным для США, с союзниками и партнерами в Канаде, Мексике, ЕС, Японии и Южной Корее, администрация Д. Трампа получила поддержку этих государств для более тесного сотрудничества, нацеленного на сопротивление «хищнической практики» КНР. 1 ноября 2018 г. США, ЕС и Япония представили ВТО совместное предложение, в котором содержался призыв к большей прозрачности в отношении процедур уведомления в соответствии с соглашениями ВТО, что могло рассматриваться как шаг против КНР.²⁹³

В области международного развития администрация Д. Трампа поддерживала Всемирный банк, Азиатский банк развития и другие учреждения в увеличении капитала и повышении эффективности реформ. Увеличение средств и расширение инвестиционных возможностей других организаций способствовали трансформации международной многосторонней системы развития, лоббируя и оказывая давление на правительство определенной страны, что было использовано США для обеспечения превосходства за счет эффективной мобилизации частного сектора.

Важным действием администрации Д. Трампа стало принятие в октябре 2018 г. «Закона о лучшем использовании инвестиций, ведущих к развитию». ²⁹⁴ США установили новые партнерские отношения по финансированию развития с Японией, Австралией, Канадой и ЕС при поддержке значительных новых ресурсов и полномочий в соответствии с этим Законом. Кроме того, этот закон предусматривал создание

---

²⁹³ WTO. Procedures to Enhance Transparency and Strengthen Notification Requirements under WTO Agreements // General Council, Council for Trade in Goods. 1 November 2018. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/january/tradoc_157633.pdf – 06.03.2025.

²⁹⁴ Better Utilization of Investments Leading to Development Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. July 11, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/crpt/hrpt814/CRPT-115hrpt814.pdf> – 06.03.2025.

Американской корпорации по финансированию международного развития вместо Корпорации частных зарубежных инвестиций путем расширения их функций и других отделов АМР США. Кроме того, при поддержке Конгресса администрация Д. Трампа фактически изменила роль Эксимбанка США как «финансового инструмента и оружия национальной безопасности» против КНР.²⁹⁵

Акт «Об инициативе по поддержке Азии» администрации Д. Трампа предусматривал выделение 1,5 млрд долларов в год на 5 лет (2019-2023 гг.) для ИТР и подчеркивал необходимость формулирования «всеобъемлющего экономического взаимодействия» совместно с АСЕАН. Была усилена поддержка США ключевых региональных институтов, таких как G20, АСЕАН, АТЭС, Инициатива Нижнего Меконга и Ассоциация Индийского океана.²⁹⁶ Другие экономические положения включали ежегодный отчет (за 5 лет) об усилиях США по «борьбе с нарушениями интеллектуальной собственности и коммерческими кибер-кражами» в регионе. «Законом о консолидированных ассигнованиях» на 2020 и 2021 годы 2,54 млрд долларов и 1,48 млрд долларов соответственно были предоставлены для реализации «Индо-Тихоокеанской стратегии».²⁹⁷

В период с 2017 по 2019 гг. администрация Д. Трампа предоставила региону иностранную помощь на сумму более 4,5 млрд долларов. США являются крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций в ИТР, а объёмы торговли составили более 1,9 триллиона долларов, обеспечив создание более 5 млн рабочих мест в ИТР.²⁹⁸

Администрация Д. Трампа со временем резко увеличила свои бюджетные запросы на иностранную помощь для Азии – с 693,1 млн

---

²⁹⁵ Oversight and Re-authorization of The Export-Import Bank of The United States // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 27, 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116shrg37922/html/CHRG-116shrg37922.htm> – 06.03.2025.

²⁹⁶ Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 182 с.

²⁹⁷ Consolidated Appropriations Act, 2020 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 20, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ93/PLAW-116publ93.pdf> – 06.03.2025.

²⁹⁸ A Free And Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // U.S. Department of State. November 4, 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> – 06.03.2025.

долларов в 2018 г. до запрошенных 716,5 млн долларов в 2019 г. и 1,32 млрд долларов в 2020 г.²⁹⁹ В сентябре 2019 г. администрация президента объявила о новом «Тихоокеанском залоге» в размере 100 млн долларов. В рамках «Тихоокеанского залога» было дано указание АМР США выделить 63 млн долларов на новые программы в 2020 г., что более чем вдвое превышает предыдущую помощь в целях развития.³⁰⁰ В соответствии с «законами о консолидированных ассигнованиях» на 2020 и 2021 годы ежегодно выделяется 300 млн долларов на помощь в целях развития и безопасности в рамках «Фонда противодействия китайскому влиянию».

Администрация Д. Трампа выступила с четырьмя крупными инициативами по реализации Индо-Тихоокеанской стратегии. Первым из них является Межведомственная инициатива 2018 г. «Сеть транзакций и поддержка инфраструктуры», направленная на продвижение устойчивой, прозрачной и высококачественной инфраструктуры в ИТР.³⁰¹ Вторая инициатива - это «Партнерство по цифровой связи и кибербезопасности» 2018 г., цель которого - продвигать свободный, открытый и безопасный Интернет в регионе, а также привлечь инвестиции в сеть частного сектора.³⁰² Третья инициатива - «КРАЙ Азии» направлена на разработку устойчивых и безопасных энергетических проектов в регионе.³⁰³ Четвертая инициатива – «Сеть голубых точек», многосторонняя инициатива по оценке и сертификации проектов развития инфраструктуры по показателям финансовой прозрачности, экологической устойчивости и воздействия на экономическое развитие.³⁰⁴

Посредством Индо-Тихоокеанского бизнес-форума администрация Д.

---

²⁹⁹ Источник: База данных Агентство США по международному развитию (АМР США). URL: <https://www.usaid.gov/> – 05.03.2025.

³⁰⁰ U.S. Engagement in the Pacific Islands: UN General Assembly Update. // US Embassy and Consulates in Australia. URL: <https://au.usembassy.gov/u-s-engagement-in-the-pacific-islands-un-general-assembly-update/> – 06.03.2025.

³⁰¹ Infrastructure Transaction and Assistance Network (ITAN) // USAID. July 2018. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/USAID_ITAN_Fact_Sheet_080719.pdf – 06.03.2025.

³⁰² Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/digital-connectivity-and-cybersecurity-partnership/> – 06.03.2025.

³⁰³ Asia EDGE-Enhancing Development and Growth through Energy // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/asia-edge/> – 06.03.2025.

³⁰⁴ Blue Dot Network // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/blue-dot-network/> – 06.03.2025.

Трампа способствовала привлечению американских инвестиций в регион. Государственный секретарь М. Помпео выступил с речью под названием «Экономическое видение Америки в Индо-Тихоокеанском регионе» в 2018 г., объявив об обязательстве США выделить 113 млн долларов на поддержку проектов в регионе в области цифровой экономики, энергетики и подключения инфраструктуры.³⁰⁵ Во время Форума 2019 г. США, Австралия и Япония совместно объявили об инициативе «Сеть голубых точек». Во время Форума 2020 г. АМР США объявило о новых инициативах, партнерствах и финансировании для содействия экономическому росту.³⁰⁶

США помогли более 9 тысячам американским компаниям вести бизнес в ИТР и обеспечили экспорт США на сумму более 7,65 млрд долларов, из которых 3,1 млрд долларов были выделены на государственные тендеры, выигранные американскими фирмами. Между тем, более 2,5 тыс. компаний из ИТР стремились инвестировать в США, обеспечивая 18 млрд долларов вложений в американскую экономику.³⁰⁷

США сотрудничали с Японией, Индией и Австралией для совместной координации инвестиций в развитие инфраструктур. На национальном уровне в рамках Трехстороннего партнерства между США, Индией и Японией в 2018 г. была достигнута договоренность об открытии альтернативы китайской инициативе «Один пояс и один путь». В мае 2018 г. Торговая палата США и Американо-Японский Деловой Совет запустили трехсторонний форум по развитию инфраструктур ИТР, чтобы заполнить огромный пробел в инфраструктуре и связи в регионе. Трехстороннее партнерство США, Австралии и Японии в 2018 г. по финансированию развития поддерживало партнерство в области электрификации пяти стран Юго-Восточной Азии и островов Тихого океана в Папуа-Новой Гвинее. В частном секторе в феврале 2018 г. Вашингтон провел успешное заседание

---

³⁰⁵ Международные отношения: грани настоящего и будущего / [под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой] // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 472 с.

³⁰⁶ Источник: База данных Индо-Тихоокеанский бизнес-форум. URL: <https://www.indopacificbusinessforum.com/> – 05.03.2025.

³⁰⁷ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 06.03.2025.

Трехсторонней рабочей группы по инфраструктуре, связывающей Южную Азию и Юго-Восточную Азию. Предприятия частного сектора США, Индии и Японии согласились поделиться информацией о своих текущих проектах в ИТР со своими трехсторонними партнерами с помощью совместных кредитов и предприятий.³⁰⁸

США активно использовали партнерство с АСЕАН, четвертым по величине торговым партнером США. Большая часть инвестиций США в ИТР направлялось в АСЕАН, составив 271 млрд долларов в 2018 г. В 2019 г. общий объем двусторонней торговли составил более 354 млрд долларов.³⁰⁹ Программа «Поддержка экономического роста в Азии со стороны США» была запущена в 2018 г., чтобы помочь партнерам развить комплексную торговую и инвестиционную политику высокого стандарта. Обе стороны также активизировали усилия по заключению пятилетнего Соглашения о сотрудничестве в области регионального развития для поддержки экономической интеграции АСЕАН.³¹⁰

Меморандум о взаимопонимании 2017 г. между США и Японией призывал обеспечить высококачественную энергетическую инфраструктуру для развивающихся стран ИТР. Обе стороны также работали в рамках Стратегического энергетического партнерства и Стратегического партнерства в области цифровой экономики для улучшения энергетики и инфраструктуры от ИТР до восточного побережья Африки. В ноябре 2018 г. вице-президент М. Пенс объявил о планах согласовать с Японией региональные инвестиции в энергетику в размере 10 млрд долларов. США и Япония также продвигались к Японо-американскому энергетическому партнерству Меконга, чтобы конкурировать с китайской инициативой «Один пояс и один путь».

Австралия играет ведущую роль в стратегическом подходе США к конкурирующей инициативе «Один пояс и один путь». США и Австралия

---

³⁰⁸ Chacko P., Wilson J. Australia, Japan and India: A trilateral coalition in the IndoPacific? // Perth, US Asia Center. – September 2020. – 38 p.

³⁰⁹ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 06.03.2025.

³¹⁰ Райков Ю. А. Фактор АСЕАН в политике США в Восточной Азии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. 50 (2). С. 97-113.

обновили Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в целях развития. Обе стороны продолжали мобилизовать инвестиции частного сектора и обязались поддерживать надежные стандарты в области развития и помощи в области развития инфраструктуры. При поддержке США Австралия модернизировала свое экспортное кредитное агентство, переименовав его в «Экспортное финансирование Австралии» и предоставив ему гораздо более широкие полномочия по финансированию зарубежных инфраструктурных проектов с общим капиталом около 1,7 млрд австралийских долларов. Австралия также создала механизм финансирования инфраструктуры на сумму 2 млрд. австралийских долларов и получила возможность эффективно предоставлять льготные ссуды для стран южной части Тихого океана.³¹¹

Администрация Д. Трампа значительно укрепила торгово-экономические связи с Индией. В 2019 г. общий объем двусторонней торговли достиг 149 млрд долларов. Экспорт энергоносителей из США - важное направление в росте торговых отношений. В 2018 г. Индия закупила 48,2 млн баррелей сырой нефти в США.³¹² США присоединились к индийской «Коалиции за устойчивую к стихийным бедствиям инфраструктуру», расширив сотрудничество в области устойчивой инфраструктуры в ИТР, чтобы сбалансировать КНР.

Южная Корея являлась вторым по величине азиатским источником прямых иностранных инвестиций в США, с 61,1 млрд долларов в 2019 г. Обе стороны проводят ежегодный высший экономический диалог.³¹³

Говоря об отношениях США и Таиланда, надо отметить, что в 2020 г. объем двусторонней торговли составил 48,8 млрд долларов. В 2019 г. США внесли 17,7 млрд долларов прямых иностранных инвестиций в экономику Таиланда.³¹⁴ Администрация Д. Трампа поддерживает лидерство Таиланда в

---

³¹¹ Chase M., Moroney J. Regional Responses to U.S.-China Competition in the Indo-Pacific: Australia and New Zealand. – California.: RAND Corporation, 2020. – 120 p.

³¹² Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 06.03.2025.

³¹³ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 07.03.2025.

³¹⁴ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 25.06.2024.

регионе Меконга через «Партнерство Меконг-США» и «Стратегию экономического сотрудничества Иявади-Чао-Прайя-Меконг» для координации развития инфраструктуры в регионе.³¹⁵

Не оставался без внимания Сингапур. Соглашение о свободной торговле между обеими сторонами обеспечивало большое количество рабочих мест в американской промышленности. США ежегодно получают положительное сальдо торгового баланса на товары и услуги в размере 20 млрд долларов. В Сингапуре находится тысячи американских предприятий, и американские компании инвестируют в Сингапур более 180 млрд долларов.³¹⁶

Вьетнам также играл значительную роль в стратегии противодействия Китаю. В течение 18-месячной торговой войны между США и КНР рост торговли между США и Вьетнамом был очевиден: импорт США из Вьетнама вырос на 36%, или на 17,5 млрд долларов, что сыграл важную роль в увеличении двусторонней торговли до 77 млрд долларов в 2019 г. и до более чем 90 млрд долларов в 2020 г.³¹⁷

Острова Тихого океана занимали важное место в усилиях администрации Д. Трампа по противодействию КНР. В 2019 г. США предложили новую региональную программу внешней помощи тихоокеанским островам, на которую Конгресс выделил 21 млн долларов и 25 млн долларов в 2019 и 2020 годах соответственно. В 2020 г. США предоставили первоначальный грант Фонду инфраструктуры Тихоокеанского региона Азиатского банка развития для поддержки планирования инфраструктуры на островах Тихого океана.

В целом экономическая стратегия администрации Д. Трампа в ИТР была направлена на избежание многосторонних инициатив. Вместо этого она добивалась безопасности в двусторонних отношениях и продвигала экономические инициативы частного сектора.

---

³¹⁵ Источник: База данных Mekong-U.S. Partnership. URL: <https://mekonguspartnership.org/#:~:text=The%20Mekong%2DU.S.%20Partnership%2C%20launched,support%20from%20the%20United%20States.> – 05.03.2025.

³¹⁶ Астафьева Е. М., Малетин Н. П. Американо-китайская торговая война: реакция Сингапура // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. №1. С.174-186.

³¹⁷ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 05.03.2025.

Африканский континент также стал ареной конкуренции между США и КНР. В марте 2018 г. комитет палаты представителей начал расследование присутствия КНР в Африке, сосредоточив внимание на инвестициях КНР в инфраструктуру Африки. Администрация Д. Трампа укрепила партнерство США и Африки в области торговли и инвестиций с помощью нескольких платформ, таких как Форум лидеров США и Африки и обновление Закона «Об экономическом росте и торговых возможностях Африки».³¹⁸ В феврале 2020 г. государственный секретарь М. Помпео снова возобновил нападки на китайскую дипломатию «долговых ловушек» и во время своего визита на континент уговаривал африканских партнеров противостоять Китаю.

Инициатива администрации Д. Трампа «Процветающая Африка» в 2018 г., была направлена на удвоение объёмов торговли и инвестиций между США и Африкой. Усилия период первого президентского срока Д.Трампа были сосредоточены в таких ключевых областях, как создание равных условий для американских компаний и поощрение американского бизнеса к присутствию на континенте.³¹⁹ В начале января 2021 г. «Процветающая Африка» помогла заключить более чем 280 разноплановых финансовых сделок в более чем 30 африканских странах на общую сумму 22 млрд долларов.³²⁰

В июле 2018 г. Корпорация частных зарубежных инвестиций запустила инициативу «Соединим Африку», нацеленную на инфраструктуру, технологии и производственно-сбытовые цепочки в Африке, в рамках которой предусматривалось выделение 1 млрд долларов в течение трех лет. Кроме того, она также запустила еще одну ключевую инициативу - 2Х инициатива женщин, чтобы мобилизовать 1 млрд долларов капитала для развития вовлеченности женщин в экономику африканских странах.

Администрация Д. Трампа успешно сотрудничала с ЕС, возродив

---

³¹⁸ African Growth and Opportunities Act (AGOA) // Office of the U.S. Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-development/preference-programs/african-growth-and-opportunity-act-agoa#:~:text=AGOA%20provides%20eligible%20sub%2DSaharan,Generalized%20System%20of%20Preferences%20program>. – 06.03.2025.

³¹⁹ Урнов А. Ю. Новая африканская стратегия администрации Д.Трампа // Азия и Африка сегодня. 2019. №5. С. 6-13.

³²⁰ Источник: База данных Агентство США по торговле и развитию. URL: <https://ustda.gov/> – 05.03.2025.

«Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство» для противодействия КНР.³²¹ Государственный секретарь М. Помпео сыграл ведущую роль в оказании давления на ЕС, чтобы европейские партнеры встали на американскую сторону в деле запрета китайской технологии 5G в Европе, поскольку большинство европейских операторов связи зависели от оборудования Хуавэй. Администрация Д. Трампа активно лоббировала отказ от использования этого оборудования. После решения Великобритании официально запретить разработки Хуавэй в области 5G технологий, разработанную Германия также приготовилась инициировать закон, ограничивающий распространение технологий Хуавэй. В октябре 2020 г. Хуавэй была вытеснена из сердца ЕС, поскольку Nokia выиграла бельгийские контракты на 5G.³²²

Латинская Америка также была мобилизована для противодействия так называемой «китайской угрозе». В 2018 г. администрация Д. Трампа запустила свою инициативу «Рост в Западном полушарии» по налаживанию морской торговли и инвестированию в инфраструктурные проекты в десятках стран. Инициатива рассматривалась как прямой конкурент инициативы «Один пояс и один путь».³²³ В январе 2019 г. США объявили о вложении 1 млрд долларов в частный сектор Гватемалы для привлечения инвестиций и создания рабочих мест с целью стимулирования дополнительных 4 млрд долларов частных инвестиций. Во время своего визита в регион государственный секретарь Помпео постоянно критиковал деятельность КНР и продвигал высококачественные продукты и услуги американских частных компаний. В 2019 г. объем торговли США с регионом составил 1,9 триллионов долларов, а объем прямых иностранных инвестиций - 250 млрд долларов.³²⁴ Что касается технологического сектора, Вашингтон

---

³²¹ Петровский В. Смогут ли ЕС и США «дружить против» Китая // Международная жизнь. 04.12.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28333> – 05.03.2025.

³²² Приходько О. В. Трансатлантические отношения: вызовы кризисного периода // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760007145-6-1/> – 05.03.2025.

³²³ Growth in the Americas (América Crece) // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/America-Crece-One-Pager-003-508.pdf> – 06.03.2025.

³²⁴ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 03.03.2025.

активизировал наступление, чтобы не допустить Хуавэй к бразильскому рынку 5G, при этом Вашингтон предложил финансировать закупку бразильскими телекоммуникационными компаниями оборудования у своих конкурентов.³²⁵

2.4. Политика администрации Д. Трампа в отношении КНР в военной и технологической сферах

Военная и технологическая политика администрации Д. Трампа исходила из представления о том, что двумя главными вызовами для национальной безопасности США являются «гиперконкурентный мир на горизонте» и «соперничество великих держав». Также применялся принцип «мира через силу» и растущей тенденции военной конкуренции в динамичной среде безопасности.³²⁶ В области технологий «Стратегия национальной безопасности» 2017 г. призывала сохранить лидерство США в исследованиях, технологиях и инновациях, отдавая приоритет новым технологиям, таким как искусственный интеллект (ИИ). В законе «О разрешении на национальную оборону» подчеркивалась важность сохранения технологических преимуществ за счет инноваций в исследованиях и разработках.³²⁷

В отчете «Индо-Тихоокеанская стратегии» 2019 г. КНР снова характеризовалась как «ревизионистская держава, инвестирующая в широкий спектр военных программ и вооружений».³²⁸ В ежегодном отчете Конгрессу «Развитие вооруженных сил и безопасности КНР» в основном оценивались

---

³²⁵ Пиреш М., Насименту Л. Доктрина Монро 2.0 и трехсторонние отношения США, Китая и Латинской Америки // Вестник международных организаций. 2020. 15 (3). С. 202–222.

³²⁶ The Nuclear Posture Review // The U.S. Department of Defense. February, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> – 06.03.2025.; The Missile Defense Review // The U.S. Department of Defense. January, 2019. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf – 06.03.2025.

³²⁷ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 2017. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ91/PLAW-115publ91.pdf> – 06.03.2025.

³²⁸ Indo-Pacific Strategy Report // The U.S. Department of Defense. June 1, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> – 06.03.2025.

текущие и будущие тенденции военно-технического развития, безопасности и военной стратегии КНР, а также организационные и оперативные концепции Народно-освободительной армии КНР (НОАК).³²⁹

Оборонный бюджет при администрации Д. Трампа принял рекордные размеры, увеличившись с 677,1 млрд долларов в 2018 г. до 716 млрд долларов в 2019 г., до 750 млрд долларов в 2020 г. и 740,5 млрд долларов в 2021 г. Военное финансирование США за этот период составило около 2,5 трлн. долларов, увеличиваясь на 100 млрд долларов дополнительных средств ежегодно.³³⁰

С военно-политической точки зрения Вашингтона рассматривал три аспекта китайских военных разработок в качестве как угрозы безопасности и жизненно важным американским интересам. Во-первых, развитие военно-морской стратегии. Поскольку КНР постоянно совершенствует возможности своих вооруженных сил, они получают все большие возможности закрыть доступ ВМС США к Индо-Тихоокеанскому региону.³³¹

Во-вторых, китайская военное развитие вызывает опасение долгосрочным планированием. Пекин наращивает свою военную мощь, чтобы иметь возможность проецировать силу через и за пределы первой и второй островных цепей Вашингтона (Рис. 1).

---

³²⁹ Military And Security Developments Involving The People's Republic Of China // The U.S. Department of Defense. URL: <https://china.usc.edu/departement-defense-military-and-security-developments-involving-peoples-republic-china-2020> – 06.03.2025.

³³⁰ Источник: База данных Министерство обороны США. URL: <https://www.defense.gov/> – 04.03.2025.

³³¹ Department of Defense, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019: Annual Report to Congress (Washington, D.C., 2 May 2019), 31, https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_China_Military_Power_Report.pdf – 01.03.2025.

Рис. 1. Составлено автором по: Cichon F. Learn from the Fall of the Philippines: Prepare the Third Island Chain. U.S. Naval Institute. December 2024. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2024/december/learn-fall-philippines-prepare-third-island-chain>—01.03.2025.

В-третьих, США рассматривают растущие военные возможности КНР как угрозу своим военным базам в Западной части Тихого океана, особенно в Японии, Южной Корее и на острове Гуам. Одной из основных причин, по которой администрация Д. Трампа вышла из «Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД)», заключается в том, что это позволит ей лучше противостоять так называемой «китайской угрозе». Адмирал Ф. Дэвидсон, командующий вооруженными силами США в Индо-Тихоокеанском регионе, заявил в 2019 году, что «95 % баллистических ракет не будут разрешены в соответствии с «РСМД»». По его мнению, для США «наличие наземного компонента с такими возможностями восстанавливает маневренность сил».³³²

Администрация Д. Трампа усилила свою военную активность на «оперативном уровне», увеличив военно-морское присутствие в качестве меры против КНР. Пентагон также предложил в качестве военной стратегии

³³² Pasandideh S. The End of the “INF Treaty” and the US-China Military Balance // Nonproliferation Review. 2019. 26. 3(4). P. 267–87.

концепцию операции «Совместное воздушно-морское сражение». ³³³ Администрация Д. Трампа укрепила военные союзы и стратегические соглашения со своими союзниками на «тактическом уровне». Например, США и Япония совместно использовали тактические каналы передачи данных в ходе военных учений. США также активизировали сотрудничество с Австралией, Японией и Новой Зеландией с помощью «Талисмана Сабер», улучшив сотрудничество на тактическом уровне. Кроме того, США провели совместные военные учения «Тихоокеанский авангард» с Австралией, Японией и Южной Кореей в водах у побережья Гуама.

Одной из основных инициатив американской администрации явилась «Тихоокеанская инициатива сдерживания», которая фокусировалась на следующих видах деятельности:

1. Усиление сдерживания и обороны США;
2. Повышение готовности и возможностей в ИТР;
3. Углубление сотрудничества с союзниками.

В общей сложности на ее реализацию предусматривалось 2,2 млрд долларов. ³³⁴

Был также принят «Акт об инициативе по поддержке Азии». В этом законе имелись конкретные ссылки на приверженность США своим договорным союзам с Австралией, Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом; и его политика поддержки тесных отношений безопасности с Тайванем. ³³⁵

В сентябре 2018 г. администрация Д. Трампа наложила санкции на китайское военное агентство и отменила военный визит на высоком уровне в Вашингтон. В январе 2021 г. министр торговли У. Росс объявил о внесении в черный список Китайской национальной оффшорной нефтяной корпорации и ввел визовые ограничения для китайских военно-морских служащих.

---

³³³ Yoshizaki T. Transformations of U.S. Offset Concepts and competitive strategies in the Asia Pacific Region // *Revue Defense Nationale* Volume. 2018. 812 (7). P. 69-73.

³³⁴ Indo-Pacific Deterrence Initiative // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. April 2020. URL: <https://www.congress.gov/116/bills/hr6613/BILLS-116hr6613ih.pdf> – 06.03.2025.

³³⁵ Asia Reassurance Initiative Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ409/PLAW-115publ409.pdf> – 06.03.2025.

Пентагон опубликовал названия еще девяти «военных компаний», занесенных в черный список.³³⁶

Все военные директивы Вашингтона были направлены на укрепление более тесных военных связей с Тайванем. «Закон о подтверждении стратегии США в отношении Тайваня» выражает поддержку «тайваньской оборонной стратегии асимметричной войны» и призывает Тайвань увеличить расходы на оборону. Она также призывает к нормализации процесса продажи оружия, чтобы укрепить «возможности самообороны» Тайваня. Вашингтон продал Тайваню оружие на общую сумму 1,4 млрд долларов в 2017 г., в период с 2018 по 2019 гг. и в 2020 г. на общую сумму 5,1 млрд долларов. В 2019 г. администрация одобрила продажу Тайваню 66 истребителей F-16 на сумму 8 млрд долларов, что стало крупнейшей сделкой с 1992 г.³³⁷

США значительно увеличили частоту проходов кораблей ВМС через Тайваньский пролив и с большей регулярностью продавали оружие Тайваню, при этом высказывали меньшую обеспокоенность возражениями КНР, чем предыдущие администрации.

Министр обороны М. Эспер говорил, что военная стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе состоит из трех составляющих: готовность, партнерские отношения и региональная интеграция. В мае 2018 г. Тихоокеанское командование США изменило свое название на Индо-Тихоокеанское командование. В основу оборонной стратегии администрации Д. Трампа положены призывы к расширению индо-тихоокеанских союзов и партнерств США путем налаживания двусторонних и многосторонних отношений в сфере безопасности. США стремились укрепить свои позиции и сбалансировать ключевые возможности в Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Океании, чтобы иметь более активное и распределенное присутствие по всему региону. Например, в ноябре 2018 г. вице-президент М. Пенс объявил, что США стремятся к сотрудничеству с Австралией и Папуа-Новой

---

³³⁶ «Санкционные политики великих держав: эффекты для международной системы» // Лонгрид сессии XXII Апрельской конференции НИУ ВШЭ. 2021. 29 с. URL: <https://www.congress.gov/116/bills/hr6613/BILLS-116hr6613ih.pdf> – 05.03.2025.

³³⁷ Источник: База данных Министерство обороны США. URL: <https://www.defense.gov/> – 04.03.2025.

Гвинеей в рамках их совместной инициативы на военно-морской базе Ломбрум на острове Манус.³³⁸ Кроме того, Вашингтон укрепил связи с союзниками, включая Великобританию, Францию и Канаду, у которых есть своя тихоокеанские интересы. Администрация Д. Трампа аналогичным образом работала над противодействием растущему влиянию КНР и стремилась улучшить способность США концентрировать силы в регионе. Количество разворачиваемых кораблей ВМС США во всем флоте увеличилось с 273 в декабре 2016 г. до 287 в январе 2019 г. В Южно-Китайском море военно-морской флот во время президентства Д. Трампа провел не менее 20 операций в рамках свободы судоходства. К февралю 2019 г. их количество было более вдвое больше, чем во время администрации Б. Обамы за 8 лет.³³⁹

Усилия администрации Д. Трампа по разворачивания вооруженных сил США в ИТР не ограничиваются ВМС США. Отмечая важность наличия боевых самолетов для выполнения полетов на большие расстояния в западной части Тихого и Индийского океанов, Индо-Тихоокеанское командование США уделяли приоритетное внимание размещению самых современных боевых самолетов на передовых позициях, включая Ф-35 и П-8 Посейдон, а также морского патрульного самолета и беспилотных летательных аппаратов в дополнение к уже развернутым дальним бомбардировщикам. Кроме того, Индо-Тихоокеанское командование также стремилось сделать сети снабжения и базы более устойчивыми и способными противостоять способности КНР наносить концентрированные удары по конкретным целям с использованием ракет большой дальности. «Инициатива по перестройке оборонной структуры» представляла собой строительство и перебазирования некоторых баз, ранее сосредоточенных на Гуаме и Окинаве, в новые районы вокруг Тихоокеанского побережья в дополнение к усилению строительства существующих объектов.

---

³³⁸ Александров М. В. База в Папуа — Новой Гвинее нужна США и её союзнику — Австралии // Центр военно-политических исследований, МГИМО МИД России. 04.12.2018. URL: <http://eurasian-defence.ru/node/26150> – 05.03.2025.

³³⁹ Хлопов О.А. Военно-политическая стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: китайский фактор // Мировая политика. 2019. № 3. С. 47 - 59.

В период первого президентского срока Д.Трампа ежегодно проводилось около 90 военных учений в ИТР, причем подавляющее большинство этих учений проводилось совместно с союзниками и партнерами. Эти силы и учения отрабатывали взаимодействие в широком диапазоне действий в целях сдерживания КНР. Военно-морские учения «Малабар», ключевые трехсторонние военно-морские учения между США, Японией и Индией, ознаменовались рядом прецедентов: учения в 2017 г. были первыми между тремя странами, в которых участвовали три авианосца; учения в 2018 г. были первыми, которые проводились на территории США; в 2020 г. состоялись первые учения, в которых принимала участие Австралия впервые за 13 лет. Эти учения использовались как инструменты военного сдерживания КНР.³⁴⁰

ВМС США также регулярно проводили операции по «свободе судоходства» по всему региону, особенно в Южно-Китайском море. Южно-Китайское море являлась единственным полем битвы, где в результате реализации контрстратегии в отношении КНР военные обеих сторон могли встретиться лицом к лицу. Вице-президент Пенс заявил, что ВМС США продолжают «летать, плыть и действовать» в Южно-Китайском море», а в 2018 г. Пентагон также призвал союзников усилить военное присутствие в регионе.³⁴¹

В вопросе территориального спора администрация Д. Трампа усилила давление на КНР. В мае 2018 г. Пентагон заблокировал приглашение ВМС НОАК на военно-морские учения на Тихоокеанском побережье у Гавайских островов в ответ на сообщения о том, что КНР развернула противокорабельные крылатые ракеты на своих искусственных островах в Спратли. В ходе американо-китайского дипломатического диалога и диалога по вопросам безопасности в ноябре 2018 г. министр обороны Мэттис попросил КНР убрать свои ракетные системы с этих островов.

---

³⁴⁰ Chase M., Blank J. Regional Responses to U.S.-China Competition in the Indo-Pacific: Study Overview and Conclusions. – California.: RAND Corporation, 2020. – 156 p.

³⁴¹ Hu B. Sino-US Competition in the South China Sea: Power, Rules and Legitimacy // Journal of Chinese Political Science. 2021. 26(1). P. 485-504.

В начале 2017 г. администрация Д. Трампа обсудила «годовой график, когда корабли ВМС США будут проходить через спорные зоны Южно-Китайского моря», что означало отказ от проведения таких операций как «разовое мероприятие» или «ответные меры». В результате к середине 2019 г. представители американской администрация уже нанесла больше визитов в этот регион, чем при администрация Б. Обамы. В конце концов, в 2019 г. США провели больше операций, чем «за предыдущие годы с тех пор, как США начали более агрессивно оспаривать претензии КНР в Южно-Китайском море в 2015 г.». Более того, даже во время пандемии COVID-19 США проводили учения в рамках стратегии Пентагона «стратегическая предсказуемость, операционная непредсказуемость». В связи с изменением позиции США в июле 2020 г. государственный секретарь М. Помпео заявил, что претензии КНР на оффшорные ресурсы «совершенно незаконны». С середины июня 2020 г. три авианосные группы США одновременно патрулировали Западную часть Тихого океана впервые с 2017 г. В июле 2020 г. США направили две авианосные группы на юг Китайское моря впервые с 2014 г.

В рамках военного соперничества двух держав все большее геостратегическое значение приобретал Бенгальский залив, расположенный на стыке Индийского океана и Восточной Азии. Кроме того, Шри-Ланка и другие страны являлись важными партнерами китайской инициативы «Один пояс и один путь». Администрация Д. Трампа уделяла региону больше внимания. Кроме того, американские военные стратеги придавали большое значение островным странам Тихого океана.

Вашингтон продал оружие на 9,42 млрд долларов и предоставил региональным государствам помощь в области безопасности на сумму более 500 млн долларов в период с 2019 по 2020 гг., а также предоставил более 1,1 млрд долларов на сотрудничество Госдепартамента в области безопасности в Южной и Юго-Восточной Азии. Это включало 356 млн долларов на такие программы, как Инициатива Госдепартамента «Морская безопасность в Юго-

Восточной Азии» и «Бенгальский залив». Ключевые события, которые следует особо отметить, включали продажу судов Вьетнаму, а также длительные морские учения США и АСЕАН, которые имели место в сентябре 2019 г.³⁴²

Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности, или «Квад», в который входят Австралия, Индия, Япония и США, играет роль ключевого компонента военной стратегии США в ИТР по противостоянию КНР. После перезапуска «Квада» после десятилетнего перерыва в ноябре 2017 г. группа встречалась пять раз в течение 2017–2019 гг. В марте 2020 г. члены «Квад» провели первое заседание «Квад+», расширенной формы существующего «Квад», включая Новую Зеландию, Южную Корею и Вьетнам.

США координируют свои действия с Японией и Австралией в рамках «Трехстороннего стратегического диалога» и «Форума сотрудничества в области безопасности и обороны». США и Япония координируют свои действия с Индией в трехстороннем порядке и в рамках «консультаций США-Австралия-Индия-Япония». ³⁴³ США, Индия и Япония пригласили Австралию на совместные военно-морские учения в Малабаре в 2020 г. После учений госсекретарь М. Помпео встретился с членами «Квад», чтобы обсудить преобразование системы безопасности в «азиатское НАТО». В октябре 2020 г. США, Япония и Канада провели совместные военно-морские учения «Острый меч». ³⁴⁴ В целом Вашингтон не только воспользовался «Квадом» как механизмом, но и превратил «Квад» в антикитайскую группировку. Это привело к расширению сотрудничества между четырьмя странами, причем не только в сфере безопасности. Например, стала действовать серия двусторонних и трехсторонних партнерств по развитию инфраструктуры, включая «Азиатско-африканский коридор роста» и «Трехстороннее партнерство по инвестициям в инфраструктуру в ИТР»,

---

³⁴² Turner O., Parmar I. The United States in the Indo-Pacific: Obama's Legacy and the Trump Transition. – Manchester University Press, 2020. – 272 p.

³⁴³ Худайкулова А. В., Рамич М. С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43.

³⁴⁴ Парамонов О. Об Индо-Тихоокеанском единстве: станет ли QUAD «столпом стабильности в регионе»? // Международная жизнь. 2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29431> – 05.03.2025.

которые представляли собой форму «мягкого баланса» и попытки противодействовать китайской инициативе «Один пояс и один путь».

Альянс США и Японии оставался ключевым элементом стратегии администрации Д. Трампа в ИТР. В 2020 г. исполнилось 60 лет со дня подписания Договора о безопасности между США и Японией. Вашингтон подтвердил свою приверженность защите Японии, включая острова Сэнкаку (Дяоюйдао). США увеличили количество военных учений совместно с силами самообороны Японии, в том числе провели учения, в которых приняли участие 57 тысяч военнослужащих. В декабре 2018 г. Япония объявила о планах приобретения 147 самолетов Ф-35 на сумму 10 млрд долларов, что сделало ее крупнейшим покупателем самолетов за пределами США. Япония также оказала существенную поддержку усилиям США по рассредоточению американских баз на своей территории. В июле 2020 г. Япония заказала дополнительно 105 самолетов Ф-35 на сумму 23,11 млрд долларов.³⁴⁵

США и Австралия были связаны соглашением о взаимной обороне - «Договором о безопасности Австралии, Новой Зеландии и США». Обе страны являются членами партнерства «Пять глаз». Связи США с Австралией в сфере безопасности были усилены при президенте Д.Трампе, также благодаря тому, что Австралия являлась одним из крупнейших импортеров американского оружия. В 2017 г. США и Австралия провели самые масштабные учения за всю историю с участием 33 тыс. военнослужащих. В 2019 г. обе стороны снова организовали крупнейшие учения. В июне 2018 г. США, Австралия и Новая Зеландия провели первый диалог о сотрудничестве в области безопасности в Тихоокеанском регионе. Главный ежегодный форум для консультаций между обеими сторонами, встречи «АУСМИН» (консультации министров Австралии и США), сосредоточили основное внимание на сохранение балансе сил в регионе в

---

³⁴⁵ O'Shea P., Maslow S. "Making the alliance even greater": (Mis-)managing U.S.-Japan relations in the age of Trump // Asian Security. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14799855.2020.1838486?needAccess=true> – 06.03.2025.

течение 2017-2020 гг.³⁴⁶

Администрация Д. Трампа работала над тем, чтобы сделать Индию более заметной частью своей региональной стратегии, проведя первые учения трех видов вооруженных сил с индийскими вооруженными силами в 2018 г. В 2019 г. США и Индия провели учения «Триумф тигра» с участием всех видов вооруженных сил Индии. Вашингтон установил «межминистерский диалог 2+2» в качестве институционального механизма на высшем уровне для развития военных связей с Индией. В 2018 г. обе стороны подписали «Соглашение о совместимости и безопасности связи» которое облегчило доступ к передовым системам защиты.³⁴⁷ «Диалог 2+2» в 2019 г. подтвердил статус Индии как «крупного партнера в сфере обороны». В ходе этого диалога в 2020 г. обе стороны наконец подписали «Базовое соглашение об обмене и сотрудничестве» для геопространственного сотрудничества, которое позволяет поставлять американское оборудование и обмениваться конфиденциальными спутниковыми данными.

Помощь США в области морской безопасности проявлялась на двустороннем и многостороннем уровнях, начиная от растущего взаимодействия Вашингтона с формирующимися силами береговой охраны в Юго-Восточной Азии и заканчивая продвижением «Инициативы по морской безопасности». Ключевые события включали продажу американских беспилотников и судов многим государствам региона, а также совместные морские учения США и членов АСЕАН. Администрация Д. Трампа переименовала «Инициативу по морской безопасности в Юго-Восточной Азии» в «Инициативу по морской безопасности в ИТР». В 2018 г. АСЕАН было выделено дополнительно 300 млн долларов на улучшение системы связи и возможностей патрулирования в районе Бенгальского залива, в Южно-Китайском море и в районе ряда островов Тихого океана. В 2019 г.

---

³⁴⁶ U.S. Security Cooperation With Australia // US Embassy and Consulates in Australia. URL: <https://au.usembassy.gov/u-s-security-cooperation-with-australia/> – 06.03.2025.

³⁴⁷ Thakker A. U.S.-India Cooperation in the Indo-Pacific // Center for Strategic and International Studies. 2021. URL: <https://www.csis.org/blogs/adapt-advance-refreshed-agenda-us-india-relations/us-india-cooperation-indo-pacific> – 06.03.2025.

США провели первые морские учения АСЕАН-США.³⁴⁸

В 2017 и 2020 г. США передали катера береговой охраны Вьетнаму чтобы помочь улучшить возможности этой страны для обеспечения правопорядка на море. В 2019 г. администрация Д. Трампа поставила Вьетнаму патрульные катера и оборудование береговой охраны на сумму 20 млн долларов³⁴⁹, чтобы дать Вьетнаму возможность вести патрулирование в Южно-Китайском море и противостоять КНР в территориальных спорах.

Вашингтон продолжал поддерживать и помогать модернизировать вооруженные силы Филиппин. В марте 2019 г. государственный секретарь Помпео публично разъяснил обязательство США отреагировать в соответствии со статьями «Договора о взаимной обороне» при нападении на филиппинские силы в любом месте Южно-Китайского моря. В ноябре и декабре 2020 г. Вашингтон предоставил Филиппинам высокоточные ракеты на сумму 18 млн долларов и оборонное оборудование на сумму 29 млн долларов.³⁵⁰

США продолжали поддерживать американские войска на Корейском полуострове в соответствии с «Договором о взаимной обороне». Этот регион играет ключевую роль в военной тактике стратегического сдерживания КНР администрации Д. Трампа.

Администрация Д. Трампа приложила большие усилия для создания глобальной военной коалиции против КНР. США увеличило свое военное присутствие в ИТР, особенно в Южно-Китайском море и в Тайваньском проливе, чтобы сформировать военную коалицию. Помимо участия в возможном военном конфликте такая коалиция способна изолировать КНР. С помощью санкций коалиция сможет успешно противостоять растущей мощи КНР. Канада, как ближайший союзник США, начала увеличивать свое военно-морское присутствие в регионе в 2020 г. В сентябре 2020 г. Франция,

---

³⁴⁸ Королев А. С., Апасова А. М. АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 13-19.

³⁴⁹ Источник: База данных Министерство обороны США. URL: <https://www.defense.gov/> – 05.03.2025.

³⁵⁰ Yamazaki A., Osawa S. Asymmetry Theory and China–Philippines Relations with the South China Sea as a Case // East Asia (Piscataway). 2021. P. 1–20.

Индия и Австралия провели первый «трехсторонний диалог» для укрепления военных связей.

Пентагон модернизировал свои боевые возможности в ИТР. Администрация Д. Трампа направила инвестиции в ключевые оборонные технологии, такие как связь 5G, ИИ, конвенциональное гиперзвуковое оружие и передовые боевые системы. Пентагон работал над созданием новой ракетной системы класса «земля-земля». Военно-воздушные силы разрабатывали новые технологии малозаметности для использования в регионе новых операционных возможностей, которые помогают военным самолетам работать за пределами крупных баз.

Кроме того, Пентагон продолжал уделять приоритетное внимание своим оборонным технологиям в соответствии с «третьей стратегией компенсации», максимально используя свои военные силы на «техническом уровне» или «технологическом уровне». Вашингтон инвестировал большие средства в новые военные технологии (космос, киберпространство и электромагнитный спектр), которые связаны с «третьей стратегией компенсации».³⁵¹

Администрация Д. Трампа модернизировала киберзащиту США, превратив киберкомандование в главное боевое командование и снизив обременительные процедурные ограничения на кибероперации. Администрация Д.Трампа

Усилия администрации Д. Трампа по обеспечению лидерства США в области технологий и инноваций для противодействия КНР были обусловлены опасениями, что беспрецедентное развитие Китая и его достижения в области новых технологий и инноваций несут фундаментальные угрозы для США. В ответ администрация Д. Трампа намеревалась увеличить свои инвестиции в оборонные НИОКР для поддержания военного превосходства и национальной безопасности, чтобы

---

³⁵¹ Miller J., O'Hanlon M. Quality over quantity: U.S. military strategy and spending in the Trump years // Brookings Institution, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/quality-over-quantity-u-s-military-strategy-and-spending-in-the-trump-years/> – 06.03.2025.

конкурировать с КНР.

Бюро промышленности и безопасности США опубликовало предлагаемые правила экспортного контроля новых технологий для общественного обсуждения. Согласно правилам, новые технологии, такие как ИИ, робототехника и квантовые вычисления, могут подпадать под экспортный контроль, поскольку они являются технологиями «двойного назначения», которые могут использоваться в военных целях. Наблюдатели считают, что эти правила связаны с усилиями США по предотвращению приобретения КНР технологий «двойного назначения». 27 апреля 2020 г. администрация Д. Трампа объявила о предлагаемом изменении правил, которое наложит новые ограничения на предметы «двойного назначения». Для продажи высокотехнологичных товаров компаниям в КНР, которые связаны с китайскими военными, любой американской компании потребуется лицензия.

Тактика администрации Д. Трампа в период его первого президентского срока заключалась в том, чтобы занять «моральную высоту» в стратегическом соперничестве с КНР посредством новой формы политизации экономических и технологических вопросов, преувеличивая риски безопасности или даже создавая враждебный фон для таких китайских корпораций, как Хуавэй. Правительство США также пыталось отрицать законные права и интересы китайских предприятий по расширению зарубежных рынков. В июне 2020 г. Пентагон опубликовал Список «коммунистических китайских военных компаний», чтобы подчеркнуть и противодействовать китайской стратегии развития «военно-гражданского слияния».³⁵²

Администрация Д. Трампа установила планы по выплате компенсации американским компаниям и предоставлению им налоговых льгот для переноса цепочек поставок из КНР, включая создание «фонда перешоринга» в размере 25 млрд долларов для содействия этому процессу.

---

³⁵² Sun H. U.S.-China Tech War. Impacts and Prospects. // China Quarterly of International Strategic Studies. 2020. 5 (2). P. 197–212.

В мае 2020 г. США сделали важный шаг в изменении ключевой стратегической отрасли. С одной стороны, эти шаги были направлены на то, чтобы мировой лидер в области полупроводников – «TSMC» из Тайваня – прекратил работы с «Хуавэй». С другой стороны, Вашингтон убедил тайваньского производителя сделать крупные инвестиции в совместный завод полупроводников в США, что соответствует обещанию президента Трампа «вернуть высокотехнологичную промышленность» в США. Это явно пример того, как администрация переместила цепочки поставок из КНР.

Усилия администрации Д. Трампа по ускорению технологического развития США отчасти были продиктованы конкуренцией с Китаем и другими быстро развивающимися странами. Администрация Д. Трампа стала первой администрацией, которая объявила коммуникации 5G, ИИ и квантовую информатику национальными приоритетами в области НИОКР, взяв на себя обязательство удвоить инвестиции в этих областях. Они запустили в США процесс создания институтов ИИ и квантовых исследований стоимостью 1 млрд долларов.³⁵³

Президент Д. Трамп подписал несколько указов и законов в области технологии 5G, чтобы обеспечить глобальное лидерство и превосходство США в этой сфере, а также предотвратить «доступ иностранных злоумышленников к информационным сетям США». Администрация Д. Трампа прибегла к дипломатическим, экономическим и судебным мерам, чтобы оказать давление на КНР в области информационно-коммуникационных технологий, создав систему жесткого регулирования для китайских корпораций посредством внутреннего законодательства. Например, федеральным агентствам США запретили приобретать услуги или оборудование в области телекоммуникаций и видеонаблюдения у китайских компаний, включая «Хуавэй» и «ЗТЕ». Вашингтон также пригрозил прервать основные пути поставок китайских компаний, таких как Хуавэй, за нарушение правил, выявленных экспортным контролем. В феврале 2018 г.

---

³⁵³ Крамарова Е. Н. Технологическая политика администрации Д. Трампа: поиск баланса технационализма и техноглобализации // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 128-145.

представитель американской разведки заявил, что смартфоны китайского производства, в первую очередь произведенные корпорацией Хуавэй, представляют угрозу национальной безопасности США, и призвал население США прекратить покупать эти гаджеты. Генеральный прокурор У. Барр также предложил переключиться на другие компании, такие как «Нокиа» и «Эриксон», в поисках альтернативы для внутреннего спроса. Давление на Хуавэй продолжалось даже после заключения «первой фазы сделки», когда в мае 2020 г. Министерство торговли США объявило о запрете «использования компаниями по всему миру оборудования и программного обеспечения американского производства для разработки или производства микросхем для Хуавэй или ее подразделений». Сообщалось, что США также ввело новые правила, чтобы отрезать Хуавэй от глобальных поставщиков микросхем.

Символическим событием китайско-американской технологической войны являлся арест в декабре 2018 г Мэн Ваньчжоу, финансового директора Хуавэй. Ее арест отразил масштаб усилий США по нанесению превентивного удара. Автор считает, что арест Мэн стал отправной точкой технологической войны, которая, очевидно, намного шире и разрушительнее торговой войны.

Администрация Д. Трампа рассматривает КНР как серьезную угрозу для своей критически важной инфраструктуры 5G. Администрация также использовала понятие «технологической угрозы КНР», убедив союзников, на территории которых находятся американские военные базы, запретить использование оборудования Хуавэй в своих беспроводных интернет-сетях и инфраструктуре 5G. В мае 2019 г. США подписали с союзниками «Пражские принципы» для продвижения безопасных телекоммуникационных сетей 5G.³⁵⁴

Искусственный интеллект (ИИ) также стал сферой конкурентной борьбы. В феврале 2019 г. президент Трамп подписал «Американскую инициативу по искусственному интеллекту», чтобы сохранить лидерство

---

³⁵⁴ Кадомцев А. 5G - новый этап развития цивилизации в условиях международной конкуренции // Международная жизнь. 16.12.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24838> – 05.03.2025.

США в области ИИ.³⁵⁵ Он установил первые в истории принципы внедрения ИИ Федеральным агентством. Он также учредил офис «Национальной инициативы в области ИИ» в качестве нового ключевого агентства. На международном уровне правительство США подписали первое в истории двустороннее соглашение о сотрудничестве в области ИИ с Великобританией в сентябре 2020 г.

В декабре 2018 г. президент Трамп подписал Закон о «Национальной квантовой инициативе», которым был учреждена координационная межведомственная программа поддержки исследований и обучения в области развития квантовых технологий. Законом также учреждалось «Национальное бюро квантовой координации», призванное обеспечить прорыв в квантовой информатике.³⁵⁶ Кроме того, в феврале 2019 г. была запущена «Американская широкополосная инициатива» с «Отчетом о вехах», призванная способствовать быстрому развертыванию широкополосного интернета в аграрных регионах США.³⁵⁷

---

³⁵⁵ Executive Order 13859 of February 11, 2019. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // Washington D.C.: The White House, February 11, 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-02-14/pdf/2019-02544.pdf> – 06.03.2025.

³⁵⁶ National Quantum Initiative Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 21, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ368/PLAW-115publ368.pdf> – 06.03.2025.

³⁵⁷ American Broadband Initiative // US Department of Commerce. URL: <https://www.ntia.doc.gov/category/american-broadband-initiative> – 06.03.2025.

ГЛАВА 3. Последствия конфронтационной политики и контрстратегия КНР.

3.1. Влияние и последствия конфронтационной политики Д. Трампа в отношении КНР.

Конфронтация между США и КНР оказала и продолжает оказывать негативное влияние на всю ситуацию в мировой экономике и торговле, она сеет замешательство и пессимистические настроения среди инвесторов и потенциально может нарушить глобальные цепочки поставок. По мнению большинства экономистов, торговая война, начатая США, явилась одной из причин постепенного сползания мировой экономики к рецессии в 2020 г. В 2019 г. темпы роста экспорта и ВВП почти всех стран Восточной Азии значительно снизились. Экономический рост также замедлился в Европе, а также в США. В последнем квартале 2019 г. наблюдался отрицательный рост ВВП в Японии и Гонконге.³⁵⁸

Конфронтация между двумя ведущими промышленными державами значительно ослабила мировую экономику, замедлив рост мирового ВВП к концу 2019 г. примерно на 0,7% , то есть на 600 миллиардов долларов. Сократились торговые потоки не только между США и КНР, но и между США и их основными торговыми партнерами. Глобальная торговля пострадали от протекционистского курса США, поскольку страны вынуждены ограничиваться внутренним рынком, а транснациональные компании перемещают производство на другие рынки, чтобы сохранить конкурентоспособность. Рост неопределенности отразился на настроениях в отношении глобальных инвестиций: в 2017 и 2018 гг. произошло заметное снижение глобальных потоков ПИИ, рост глобальных торговых потоков упал

---

³⁵⁸ How Trump's Trade Wars Have Reshaped the Global Economy // World Politics Review. November 20, 2020. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27819/will-trump-trade-wars-reshape-the-global-economy> – 06.03.2025.

с 5,5% в 2017 г. примерно до нуля в первые несколько месяцев 2019 г. Это также вызвало нестабильность цен на акции и рост премии за риск на мировых рынках ценных бумаг.³⁵⁹

Согласно проведенным в октябре 2020 г. исследованиям, конфронтация с КНР не достигла основной цели президента Д. Трампа по «возрождению американского производства» и не привела к «переориентации фабричного производства». ³⁶⁰Его меры даже увеличили торговый дефицит США с другими странами. Сокращение двусторонней торговли с КНР не означало, что рабочие места возвращаются в США. Вместо этого импорт из КНР был заменен импортом из других стран. Китай, являвшийся крупнейшим торговым партнером США, опустился на третье место, уступив Мексике и Канаде. ЕС, Япония, Южная Корея и Вьетнам также увеличили объем торговли с США.³⁶¹

Таким образом, победителями торговой войны стали «некитайские» развивающиеся экономики, для которых выгода от этого «перенаправления торговли» даже перевесила негативные последствия конфронтации. Для стран с развивающейся экономикой положительное влияние преобладало, поскольку наибольший выигрыш получили страны, способные производить продукцию, аналогичную той, что производится в КНР. Среди тех, кто выиграл больше всего, была соседняя с США Мексика: в период с 2017 по 2019 г. страна экспортировала в США примерно на 4,7 миллиарда долларов больше в результате торгового спора.³⁶² Полученные миллиарды долларов особенно важны для стран с более низким ВВП, таких как Вьетнам и Малайзия. Явный победитель среди них – это Вьетнам. Дополнительные 6,4 миллиарда долларов, полученные Вьетнамом за два года торговой войны,

---

³⁵⁹ Источник: База данных Всемирный банк. URL: <https://www.worldbank.org/en/home> – 06.03.2025.

³⁶⁰ Zumbun J. China Trade War Didn't Boost U.S. Manufacturing Might // The Wall Street Journal. October 25, 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-trade-war-didnt-boost-u-s-manufacturing-might-11603618203> – 06.03.2025.

³⁶¹ Qiu L. D., Zhan C. Q. Wei X. An analysis of the China – US trade war through the lens of the trade literature // Economic and Political Studies. – 2019. – 7(2). – P. 148 – 168.

³⁶² Zumbun J. China Trade War Didn't Boost U.S. Manufacturing Might // The Wall Street Journal. October 25, 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-trade-war-didnt-boost-u-s-manufacturing-might-11603618203> – 06.03.2025.

почти в два раза превышают все годовые расходы страны на здравоохранение.³⁶³

Жертвами конфронтационной политики стали не только китайские поставщики, но и американские импортеры и потребители. Безусловно, экспорт КНР в США сильно пострадал, многие китайские фабрики были вынуждены закрыться или разорились. Однако, вопреки утверждениям Д. Трампа, тарифы также оплачиваются американскими импортерами, и их стоимость обычно перекладывается на потребителей в виде более высоких цен. По оценкам экономистов, тарифы обходятся в 831 доллар на одно американское домохозяйство в год. Согласно анализу ООН, проведенному в ноябре 2019 г., для потребителей в США торговая война в значительной степени означала, что они были вынуждены платить более высокие цены за любые товары, в то время как для КНР она в основном привела к снижению стоимости экспорта.³⁶⁴

Тарифы, введенные при президенте Д.Трампе, значительно сократили двустороннюю торговлю. Все ведущие экономисты сходятся во мнении, что двумя крупнейшими проигравшими от торговой войны являются сами США и КНР. В 2017 г. на КНР приходится 23% от общего объема импорта США - более 526 миллиардов долларов, примерно столько же, сколько Канада и Мексика вместе взятые; в конце 2019 г. этот показатель снизился до 18% - более чем на 26 миллиардов долларов. В 2019 г. экспорт КНР в США сократился на 12,5%.³⁶⁵

Неблагоприятная атмосфера, созданная в США, для китайских ПИИ (прямых иностранных инвестиций) привела к тому, что китайские инвестиции в США упали в 2018 и 2019 гг. до 4,8 и 4,3 миллиарда долларов по сравнению с 29 миллиардами долларов в 2017 г. и 46 миллиардами долларов в 2016 г. Чистые китайские инвестиции в США были

---

³⁶³ Также.

³⁶⁴ Hass R., Denmark A. More pain than gain: How the US-China trade war hurt America // The Brookings Institution. August 7, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/08/07/more-pain-than-gain-how-the-us-china-trade-war-hurt-america/> – 06.03.2025.

³⁶⁵ Источник: База данных Национальное статистическое бюро КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>. – 04.03.2025.

отрицательными в 2018 и 2019 гг. с учетом продажи активов, в частности - 8 миллиардов долларов в 2018 г. В 2019 г. начались массовые продажи китайских активов в США, как юридическими, так и физическими лицами.³⁶⁶

Разрушительное воздействие торговой войны на производственный сектор КНР может быть подтвержден ключевыми индексами. Например: рост промышленного производства в КНР летом 2019 г. упал до самого низкого уровня за 17 лет. Индекс цен производителей и индекс менеджеров по закупкам (PMI) во время торговой войны поворачиваются на юг.³⁶⁷ В 2018 г. США экспортировали товаров в КНР на 118,9 млрд долларов по сравнению с рекордным показателем в 127,9 млрд долларов в 2017 г.. Экспорт товаров из США в КНР в 2019 г. составил 106,4 млрд долларов, что на 20,9% (13,8 млрд долларов) меньше, чем в 2018 г.³⁶⁸

Поскольку Д.Трамп стал первым президентом США, развязавший торговую войну с КНР, этот вызов очень важен для КНР. Во-первых, политика Д.Трампа ударила по экономике КНР, она может сдержать и даже обратить вспять динамику экономического подъема КНР. Фактически, рост ВВП КНР упал на 3% за последнее десятилетие с 9,6% в 2008 г. до 6,6% в 2018 г. Торговая война способствовала снижению темпов роста ВВП КНР с 6,9% в 2017 г. до 6,6% в 2018 г. и 6,1% в 2019 г., общее сокращение на 0,8%, а также в сочетании с разрушительным воздействием КОВИД-19, реальный ВВП КНР снизился на 6,8% в годовом исчислении в первом квартале 2020 г., что произошло впервые в истории.³⁶⁹

Во-вторых, торговая война ускоряет «декаплинг» (разъединение) экономики США и корректировку цепочек поставок за пределами КНР, сокращая при этом инвестиции в КНР. Опрос 2019 г. показал, что многие американские компании корректируют цепочки поставок или стремятся получать комплектующие и осуществлять сборку за пределами КНР из-за

---

³⁶⁶ Также.

³⁶⁷ Источник: База данных Национальное статистическое бюро КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>. – 04.03.2025..

³⁶⁸ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 04.03.2025.

³⁶⁹ Источник: База данных Национальное статистическое бюро КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>. – 04.03.2025.

высоких тарифов, и многие из них отложили или отменили намеченные инвестиции в КНР.

В-третьих, торговая война может вызвать еще больший экономический кризис в КНР. Экономическое чудо КНР сотворил и продолжает творить ее производственный сектор. Китай снискал репутацию «мировой фабрики», что означает, что экономика КНР сильно зависит от его частных производственных компаний. Из-за конфронтации тысячи китайских фабрик были вынуждены закрыться или обанкротиться из-за отсутствия заказов от клиентов, большинство из которых были американскими клиентами. Это создает огромные экономические проблемы, такие как резкий рост безработицы или даже экономический спад³⁷⁰.

В-четвертых, торговая война может разрушить производственную мощь КНР и возможности цепочки поставок. Поскольку все больше и больше заводов закрываются, производственный сектор КНР столкнется с беспрецедентным системным риском, возможности цепочки поставок КНР определенно будут ослаблены. Поскольку КНР по-прежнему является ведущей страной-экспортером за пределами американского рынка, риск прерывания глобальных поставок растет. Тем временем усиливаются внутренние экономические проблемы КНР, такие как инфляция, в перспективе и стагфляции.

В-пятых, торговая война может вызвать социальные и политические проблемы КНР из-за экономических проблем. Для КНР экономическое развитие всегда является «опорой выживания» и основой для поддержания социальной и политической стабильности. Нестабильная экономическая ситуация приведет ко многим катастрофическим последствиям, поскольку все больше и больше людей потеряли работу и доходы в производственном секторе, это скоро станет социально-экономической проблемой, может произойти социальный или даже политический кризис.

В-шестых, на глобальном уровне торговая война замедлила глобальный

---

³⁷⁰ Chong T. T. L., Li X. Y. Understanding the China–US trade war: causes, economic impact, and the worst-case scenario // *Economic and Political Studies*. – 2019. – 7(2). – P. 185–202.

экономический рост и ухудшила глобальную торговую среду. Экономический рост во всем мире замедлился из-за торговой войны.

В-седьмых, на глобальном уровне торговая война привлекла внимание всего мира и подтолкнула к экономической деглобализации, такой как тарифы. Например, торговая война была в повестке дня саммита G20 в 2018 г. Поскольку США продолжали свои усилия, чтобы заставить своих союзников встать на свою сторону, ввести тарифы на китайские товары и вывести цепочки поставок за пределы КНР, возможная тенденция «глобального экономического декаплинга» с КНР произойдет в средней перспективе.

В-восьмых, торговая война создает «неопределенную» и «чувствительную» двустороннюю экономическую и торговую среду, которая будет продолжаться в течение длительного периода. «Период стратегических возможностей» среди вашингтонских политиков, вероятно, будет периодом частых торговых конфликтов с КНР. С этой точки зрения будущее китайско-американское экономическое и торговое противостояние может быть беспрецедентным как по глубине, так и по размаху.

Как уже отмечалось, политическое и экономическое противостояние оказало негативное влияние на экономику самих Соединенных Штатов. Статистика показывает, что торговая война стоила экономике США убытков в размере 7,8 млрд долларов в 2018 г., компании США потеряли не менее 1,7 триллиона долларов в цене своих акций.³⁷¹ Кроме того, торговая война уже стоила экономике США почти 300 тыс. рабочих мест и, по оценкам, 0,7% реального ВВП.³⁷²

Введенные администрацией Д.Трампа ограничительные меры вместо того, чтобы уменьшить дефицит торгового баланса США с КНР, наоборот, привели к его увеличению. В марте 2019 г. Министерство торговли заявило, что торговый дефицит США с КНР в 2018 г. достиг 419,2 млрд долларов по сравнению с 375,6 млрд долларов в 2017 г., увеличившись на 43,6 млрд

---

³⁷¹ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 04.03.2025.

³⁷² Trump's tariff plans would be disastrous for America and the world // Economist. November 2, 2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/11/02/donald-trumps-tariff-plans-would-inflict-grievous-damage-on-america-and-the-world> – 06.03.2025

долларов (11,6%), что является самым высоким показателем с 2008 г.. Это означает, что политика Д. Трампа имеет негативные последствия и оказала совершенно противоположное воздействие, чем ожидалось. Торговый дефицит США фактически увеличился с 50 до 65 миллиардов долларов в месяц.³⁷³

Торговая война привела к сокращению общего экспорта США во всем мире. Конфронтация ударила по многим партнерам США. Тарифы сокращают импорт США, а также сокращают экспорт США из-за ответных мер со стороны других стран. Статистика показывает, что тарифы привели к чистому снижению мирового экспорта США на 23,1 миллиарда долларов.³⁷⁴ Конфронтация негативно повлияла на американский бизнес. Будучи основным экспортным сектором в КНР, сельскохозяйственный сектор больше всего пострадал от тарифов. Американские фермеры потеряли подавляющую часть рынка в 24 миллиарда долларов. Многочисленные исследования показали, что американские компании в основном платили за тарифы США, стоимость которых оценивается почти в 46 миллиардов долларов. Тарифы вынудили американские компании согласиться на более низкую норму прибыли, сократить заработную плату и рабочие места для американских рабочих, и поднять цены для американских потребителей. Кроме того, рост стоимости импорта привел к тому, что многие американские компании уступили некоторые крупные тендерные проекты иностранным конкурентам. Многие американские бизнесмены обвиняли Д. Трампа в ослаблении конкурентоспособности американских компаний. Более 3500 американских компаний подали в суд на администрацию Д. Трампа из-за тарифов.³⁷⁵

Следует отметить, что в 2020 г. произошло некоторое оживление двусторонней торговли. В 2020 г. экспорт КНР в США резко увеличился и восстановил позиции, утраченные в торговой войне. Инвестиции США в КНР также увеличились, хотя китайские инвестиции в США оставались низкими

---

³⁷³ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 04.03.2025.

³⁷⁴ Источник: База данных Министерство торговли США. URL: <https://www.commerce.gov/> – 04.03.2025.

³⁷⁵ Selmi E., Errami Y. What Trump's China Tariffs Have Cost U.S. Companies? // Journal of Economic Integration. 2020. 35 (2). P. 282-295.

из-за ограничений, введенных администрацией Д. Трампа. Реальность означает, что «декаплинг» Д. Трампа был односторонней мерой, разъединить мировую экономику пока не получилось.³⁷⁶

Большое значение в этих событиях имело технологическое соперничество. Во-первых, технологическая конкуренция была направлена на то, чтобы ослабить китайский вызов глобальной гегемонии США, сдерживая развитие высокотехнологичных отраслей КНР. Конкуренция охватывает информационно-коммуникационные технологии, представленные технологией 5G, поскольку они призваны сыграть важную роль в новом раунде модернизации промышленности КНР, и китайские высокотехнологичные компании получили преимущество в этой области. В некоторой степени санкции и ограничения США в отношении Хуавэй можно рассматривать как первую в истории «асимметричную войну» между сверхдержавой и иностранным частным предприятием.

Во-вторых, технологическая война пытается свести на нет законные права и интересы китайских высокотехнологичных предприятий по расширению зарубежных рынков, преувеличивая риски безопасности или даже создавая «правительственный фон», то есть изображая Хуавэй и другие китайские предприятия полностью подконтрольными китайскому правительству. В краткосрочной перспективе китайские компании не смогут вести переговоры с западными транснациональными корпорациями на равных. Если КНР будет играть по правилам «справедливости», установленными США, китайские предприятия скорее всего на неопределенное время окажутся заблокированными.

В-третьих, технологическая война замедлит и даже разрушит процесс стратегии «Сделано в Китае 2025». Поскольку стратегия «Сделано в Китае 2025» направлена на модернизацию производственных мощностей КНР до более высокотехнологичного уровня, технологическая война началась в самый критически важный переходный период и имеет долгосрочные

---

³⁷⁶ Погодин С. Н., Ягья Т. С. О развитии торговых американо-китайских отношений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 26–38.

разрушительные последствия для КНР. В этом контексте китайским компаниям чрезвычайно сложно выйти на рынок США, поскольку они сталкиваются с большим давлением в связи из-за ограничительных правил и высоким риском введения санкций.

В-четвертых, на международном уровне технологическая война имеет эффект домино, который вынуждает союзников США следовать контрмерам США против КНР, таким как экспортный контроль и ограничения, что значительно ухудшает глобальную ситуацию для всех китайских компаний. Например, США продолжали попытки оказать давление на союзников, чтобы они заблокировали доступ Хуавэй к их беспроводным сетям 5G следующего поколения. Великобритания, Япония, Индия, Австралия, Новая Зеландия последовали шагам США по запрету Хуавэй, в то время как запрет Хуавэй вызывает опасения по поводу 5G в Бразилии, Германии, Франции и многих других развитых странах мира. Как следствие, продажи телефонов Хуавэй в четвертом квартале 2020 г. снизились на 41,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, при этом выручка компании снизилась в 2020 г. во всех регионах.³⁷⁷ Автор считает, что это только начало, разрушительные последствия технологической войны для Хуавэй и всех китайских компаний будут долгосрочными и катастрофическими.

В-пятых, на международном уровне технологическая война обострила глобальную конкуренцию в эпоху цифровых технологий, в результате чего китайские технологические компании столкнулись с более серьезной конкуренцией на мировых рынках. Во время пандемии COVID-19 глобальная телекоммуникационная инфраструктура была перегружена всплеском трафика, это подстегнуло конкурентную гонку. Западные страны стремятся использовать свои сети 5G без технологий Хуавэй. Помимо США и КНР, еще больше стран присоединяются к гонке 5G. Так, ЕС выдвинул предложения о создании «Европейского фонда будущего», чтобы избежать чрезмерной зависимости от неевропейских компаний. В качестве новых

---

³⁷⁷ Источник: База данных Компания «Хуавэй». URL: <https://www.huawei.com/en/annual-report> – 04.03.2025.

венчурных капиталистов суверенные фонды группы стран находятся на передовой линии конкуренции.

В-шестых, на глобальном уровне технологическая война обострила конкуренцию за глобальное господство в установлении технологических стандартов между КНР и союзниками во главе с США. Это создает большие проблемы для технологического будущего КНР. Так, США оказали давление на ЕС с целью создания «трансатлантической экономической модели между США и ЕС», которая могла бы напрямую конкурировать с КНР и блокировать его усилия по влиянию на мировые стандарты в сфере 5G и других технологиях следующего поколения, в частности, для противодействия китайскому влиянию в Международном союзе электросвязи и Международной организации по стандартизации.

Нельзя не отметить влияние пандемии КОВИД-19. Как глобальный кризис в современной истории, пандемия представляла собой вызовы на национальном и региональном уровнях. В частности, пандемия оказала большое влияние на модели международного управления и сотрудничества.³⁷⁸

С точки зрения автора, пандемия КОВИД-19 предоставил США прекрасную возможность ускорить процесс «декаплинга» от КНР по всем направлениям. Тенденция к «декаплингу», или разъединению усугубилась пандемией. Гипотеза об искусственном происхождении вспышки, которая была поддержана дезинформацией, усилили недоверие между обеими сторонами. Глубоко укоренившийся двухпартийный консенсус США по «декаплингу» может привести к распаду мировой экономики на «торговые блоки». Двусторонние инвестиционные потоки упали до самого низкого уровня почти за десятилетие в первой половине 2020 г., составив 10,9 млрд долларов. ПИИ США в КНР снизились на 31% в годовом исчислении в первой половине 2020 г.³⁷⁹ КОВИД-19 значительно ухудшил китайско-

---

³⁷⁸ Коронованная пандемия и зачарованный мир: монография / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой ; Издательство Южного федерального университета, 2020. – 408 с.

³⁷⁹ Источник: База данных Национальное статистическое бюро КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>. –

американские отношения. Усилия США по политизации КОВИД-19 привели к росту антикитайских настроений в США и во всем мире. Пандемия ухудшила мировое общественное мнение о КНР, привело к увеличению доли людей, негативно относящихся к КНР, что нанесло ущерб репутации.³⁸⁰

Влияние конфронтационной политики администрации Д. Трампа в отношении КНР выражалось в том, что Вашингтон неизменно враждебно относится к КНР в общегосударственном масштабе. Такой ситуации не наблюдалось со времен администрации Р. Никсона. Все законопроекты, касающиеся КНР, были единогласно приняты Сенатом и Палатой представителей. Враждебность по отношению к КНР носит двухпартийный характер. Американское академическое сообщество, не все целиком, но значительная его часть, также не осталось в стороне от обеспечения теоретической базы для конфронтационной политики. Ведущие американские внешнеполитические журналы, такие как «Форин афферс» и «Национальный интерес», опубликовали множество материалов по китайско-американским отношениям в духе «новой холодной войны» и «китайской угрозы». Администрация президента Д.Трампа начала гибридную войну против КНР внутри США и в мире, демонизируя КНР по всем направлениям. Высказывание президента Трампа о «китайском вирусе» может служить наглядным примером его усилий по демонизации КНР.

Многие проекты двустороннего культурного сотрудничества были свернуты. Высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения выборочно закрывают двери для китайских студентов и ученых.

Из-за «побочного эффекта» китайско-американского соперничества усилились разногласия и трения между обеими сторонами в международных организациях. Например, в процессе пересмотра торговой политики обеих сторон в ВТО представители обеих сторон столкнулись друг с другом по принципу «око за око», предложение США «пересмотреть членство КНР в

ВТО» было единогласно отклонено 70 членами. На саммите АТЭС 2018 г. обе стороны ожесточенно столкнулись по торговым, инвестиционным и другим вопросам. Кроме того, обе стороны также соперничают в рамках механизма G20. США намеревались побудить других членов оказать давление на КНР.

Нельзя не отметить, что внешняя политика администрации Д. Трампа подверглась резкой критике как в американских, так и в международных академических кругах. Многие критиковали «трампизм», а его националистический и популистский односторонний подход привел к ухудшению внутривнутриполитического климата в США, который оценивается как худший со времен Гражданской войны. Д.Трампа нередко называют в «недальновидным ультраправым расистским» президентом, создавшим «кризис лидерства США».³⁸¹ Многочисленные критики утверждали, что подход Трампа являлся «импульсивным, импровизационным», лишенным четкой цели, а решения его администрации представлялись «беспорядочными и непродуманными».³⁸²

Первый президентский срок Д.Трампа уже привел к кризису глобальной компетенции США. Действия Трампа на международной арене могут пошатнуть доминирование США, что повлечет за собой крах нынешнего мирового порядка и переход к новому, где международное влияние США ослабеет. Внешняя политика Д.Трампа демонстрировала политическую и экономическую некомпетентность. Уже к концу первого президентского срока Д.Трампа лидеры ЕС начали и обсуждать идею о том, что лидерство США в международных делах не может продолжаться в будущем. Это заставляет европейские державы укреплять внутренний потенциал и заниматься поиском новых международных партнеров.

Политика Д. Трампа нанесла серьезный ущерб экономике США. Отмена особого статуса Гонконга вызвала проблемы для более чем 1300

---

³⁸¹ Report on The cost of Trump's foreign policy: Damage and consequences // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. October 21, 2020. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CPRT-116SPRT44275/html/CPRT-116SPRT44275.htm> – 06.03.2025.

³⁸² Leonard M. The crisis of American power // European Council on Foreign Relations. 2 February 2021. URL: <https://ecfr.eu/article/the-crisis-of-american-power/> – 06.03.2025.

американских компаний, ведущих бизнес в Гонконге, включая почти все крупные американские финансовые фирмы. В случае введения визовых ограничений будут затруднены деловые поездки. Это также значительно сократит торговлю и инвестиции с Гонконгом. Визовые ограничения Трампа для китайских студентов уже привели к финансовым трудностям и сокращению набора студентов во многих университетах США. Китайские студенты внесли значительный вклад в экономику США. Их плата за обучение и расходы на проживание в 2019 г. составила 15,9 млрд долларов; с другой стороны, все больше и больше китайских студентов будут выбирать китайские университеты, что повысит конкурентоспособность китайских высших учебных заведений.

Ограничения на «Вичат» (WeChat) и «ТикТок» создают огромную неопределенность в деловых контактах. Поскольку «Вичат» теперь является основным приложением для связи и платежей между Тихоокеанским регионом, многие американские компании и частные лица полагаются на эту платформу для выполнения рутинных операций. Между тем, план Трампа делистинга, нацеленный на китайские компании на Нью-Йоркской фондовой бирже и НАСДАК, обязательно подтолкнет все больше китайских компаний к уходу с рынка США и последующим шагам, чтобы вернуться на фондовые биржи в Гонконге и материковый Китай, что повысит конкурентоспособность бирж КНР.

3.2. Контрстратегия и усилия КНР: от теории к практике

Несмотря на экономические достижения последних четырех десятилетий, КНР не стремится стать мировым гегемоном и по-прежнему считает себя «крупнейшей развивающейся страной мира», продолжением «третьего мира» и частью «глобального Юга». Фактически, разделение по линии Север - Юг, как разрыв между Западом и остальным миром, вероятно, занимает более заметное место в китайском дискурсе, чем более

идеологизированное разделение между Востоком и Западом. Китай позиционирует себя как «первопроходца» среди развивающихся стран, а не в качестве «системного противника» США и Запада. Эта самооценка расходится с триумфализмом и чрезмерным оптимизмом, характерным для рассуждений о подъеме КНР и упадке Америки.

Большинство рядовых китайцев и представителей академических кругов считают, что укрепление экономического и политического значения КНР после мирового финансового кризиса 2008 г. – это не что иное, как возрождение. С исторической точки зрения, принятой в китайской научной литературе, вплоть до конца восемнадцатого века доход на душу населения в Китае превышал доходы населения Европы и Северной Америки. В Средние века и даже позже Китай был бесспорной ведущей державой в мире. В этом случае «подъем КНР» логически соответствует «великому обновлению китайской нации». КНР считает свой подъем естественным и неизбежным. Китайцы твердо убеждены в том, что их история успеха основана не на слабости Америки, а в первую очередь на упорном труде и изобретательности китайского народа, а также на дальновидной национальной стратегии.

Китайское определение своего подъема как «мирного развития КНР» является официальной национальной стратегией, предложенной в 2005 г. и призванной заверить международное сообщество в том, что растущая политическая, экономическая и военная мощь КНР не будет представлять угрозы международному миру и безопасности.³⁸³

Об этом говорит китайская школа международных отношений. Начиная с нового столетия китайские ученые, такие как Чжао Тиньянь, Цинь Яцин и Янь Сюэтунь, пытались создать уникальную, незападную теорию международных отношений. Чжао Тиньянь, ссылаясь на конфуцианское мировоззрение, воссоздал концепцию мирового института Чжао Тиняна

(«система Тянься» (天下体系)). Он объединил конфуцианское мировоззрение и постчеловеческую теорию, включив нечеловеческие подсистемы в сферу международных отношений, пытаясь прорваться через позитивистскую парадигму в международных отношениях. Термин «Тянься» в буквальном переводе означает «Поднебесная» («тянь» – небо; «ся» – внизу). Изначально этот термин использовался для обозначения территории, на которую распространялась власть китайского императора. Однако в силу ограниченности географических знаний и закрытости китайского общества под «Тянься» стали понимать весь известный китайцам мир.³⁸⁴

После 2004 года Цинь Яцин посвятил себя построению теории международных отношений, основанной на китайском опыте, интегрируя теории социального конструктивизма А. Вендта, реляционизма процессов Джексона и Никсона и конфуцианского реляционизма Хуан Гуанго, чтобы сформировать «процессуальный конструктивизм». Известно, что реляционизм принимает разные формы, но общая идея заключается в том, что для понимания чего-либо необходимо рассматривать его в контексте его отношений с другими элементами. «Процессуальный конструктивизм» Цинь Яцина рассматривает «отношения» как элементы, которые играют роль в «процессе» международных отношений, формируя поведение субъектов и структуру международной системы.³⁸⁵

Теория «морального реализма» – наиболее известное название исследований профессора Университета Цинхуа Янь Сюэтуна в области китайской школы теории международных отношений. С 2004 года он начал исследовать межгосударственную политическую мысль доцинского периода, сочетая западную реалистическую теорию международных отношений с древнекитайскими моральными ценностями. В ходе своих исследований он пришел к выводу, что «древнекитайские мыслители часто противопоставляли

---

³⁸⁴ 赵汀阳 赵汀阳. 天下体系的一个简要表述 (Краткое описание системы “Тянься”) // «世界经济与政治». 2008. №. 10. С. 75-83.

³⁸⁵ 程多闻 程多闻. 全球国际关系学视野中的“中国学派”构建(Строительство «китайской школы» в перспективе глобальных международных отношений) // «国际观察». (Международное наблюдение). 2021. №. 2. С. 1-30.

хрупкий мир, созданный «путем гегемона» (霸道), воображаемому «путю истинного царя» (王道), который обещал мирный порядок, основанный не на насилии, а на моральном убеждении».³⁸⁶ Некоторые ученые называют Школу международных отношений Университета Цинхуа, под руководством Янь Сюэтуном, «Школа Цинхуа»³⁸⁷.

С теоретической точки зрения теория «морального реализма» полагает, что суть международных отношений – это властные отношения, которые можно понять с политической точки зрения властных отношений. Государственная мощь является важнейшей частью национальных интересов, так и инструментом достижения национальных интересов. Содержание национальных интересов можно разделить на четыре категории: политика, безопасность, экономика и культура, и все четыре типа интересов подразумевают мощь.³⁸⁸

Следует рассматривать соперничество великих держав с точки зрения «морального реализма». Теория «морального реализма» использует одну переменную для объяснения как причин успеха растущих держав, так и причин упадка гегемонистских держав. Данная теория приписывает успех или неудачу государств роли политического лидерства. Теория утверждает, что подъем или упадок государств зависит от способности их правительства проводить реформы и быть открытым. С точки зрения международной обстановки, наступит ли у государств период стратегических возможностей, также зависит от способности их правительства воспользоваться этими возможностями. Теория предлагает основывать стратегию подъема на традиционной китайской идее «пути истинного царя» (王道) и сочетать ее с реальной международной обстановкой для формулирования стратегии, которая соответствует текущей объективной среде. Содержание стратегии

---

³⁸⁶ 阎学通 Янь Сюэту. 道义现实主义与中国崛起战略 (Моральный реализм и стратегия подъема КНР). Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2018. 465 с.

³⁸⁷ 阎学通 Янь Сюэту. 国际政治与中国 (Международная политика и Китай). Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. 283 с.

³⁸⁸ 阎学通 Янь Сюэту. 世界权力的转移: 政治领导与战略竞争 (Смена мировой власти: политическое лидерство и стратегическая конкуренция). Издательство Пекинского университета, Пекин, 2015. 296 с.

«морального реализма» многогранно, и ее суть заключается в повышении стратегической достоверности, обеспечении «пути истинного царя».

Моральный реализм предполагает, что типы лидерства великих держав можно разделить на «истинного царя» (王), «гегемона» (霸) и «сильного» (强).³⁸⁹ «Путь истинного царя» — это метод правления, суть которого, по мнению конфуцианства, заключается в достижении национального управления, основанного на морали и доброжелательности. Помимо фактора комплексной государственной мощи, существуют и другие важные факторы, являющиеся необходимыми условиями для гегемонистской страны. Такие как легитимность и поддержка со стороны других стран. В нынешнем анархическом состоянии международной системы, где нет мирового правительства, международные организации и международные нормативные системы могут стать важными источниками легитимности. Основные концепции «доброжелательности», подчеркиваемые моральным реализмом, и морали, подчеркиваемой «идеализмом», и норм, подчеркиваемых «конструктивизмом», связаны с легитимностью или оправданием и исследуют источники и стандарты легитимности. Однако, поскольку конкретное содержание морали в разных странах разное, международные нормы будут со временем меняться и вмешиваться в процесс «властного транзита», тем самым усиливая конкуренцию между странами-гегемонами и растущими странами.³⁹⁰

Говоря об американском гегемонизме, китайские ученые подчеркивают, что нынешняя стратегия США находится под сильным влиянием «наступательного реализма», придает большое значение относительным выгодам и рассматривает китайско-американские взаимодействия как «игру с нулевой суммой». Таким образом, с точки зрения китайской школы, США

---

³⁸⁹ Yan X.T. Chapter2: Leadership and Strategic Preferences, in *Leadership and the Rise of Great Power*. – New Jersey: Princeton University Press, 2019. P.25-53.

³⁹⁰ 漆海霞 齐 海霞. 王霸之道、中美竞争与新的世界秩序 (Путь истинного царя и гегемона, китайско-американское соперничество и новый мировой порядок) // «国际政治科学». 2023. №. 4. С. 3-7.

выбрали «пути гегемона» (霸道).³⁹¹

Чжоу Болин проанализировал «американский гегемонизм» с точки зрения китайской школы и пришел к выводу, что 1) США исходят из собственных национальных интересов путем распространения американских ценностей и вмешательства во внутренние дела других стран. 2) США планируют создать однородную систему глобальной политической гегемонии, трансформировав НАТО и другие военные альянсы и создав превосходящую военную силу с «разрывом во времени». 3) Стремясь к установлению нового «гегемонистского мира» посредством финансового союза монополистического капитала, США сформировали новый тип гегемонистского политического союза для достижения совместного контроля над миром. Это привело к формированию новой гегемонии, основным содержанием которой является новый экономический колониализм, новый интервенционизм, новая «политика канонок» и новый тип гегемонистского политического союза.³⁹²

Внутренние и внешние стратегии успешного возвышения великих держав создаются в ответ на постоянно меняющуюся международную обстановку. С момента своего основания КНР выдвинула множество дипломатических стратегических принципов, относящихся к международной обстановке в разные периоды и применимых к различным международным условиям.³⁹³ Подъем КНР требует рассмотрения стратегического выбора. Обе стороны также могут добиться взаимовыгодного сотрудничества и совместно предоставлять общественные блага для мирового порядка.³⁹⁴

Профессор Мэн Хунхуа провел углубленное исследование по созданию собственной «Большой стратегии» КНР. Воспользовавшись подъемом КНР

---

³⁹¹ 阎学通 Янь Сюэту. 美国霸权与中国安全 (Американская гегемония и безопасность Китая). Тяньцзиньское народное издательство, Тяньцзинь, 2000. 280 с.

³⁹² 周柏林 Чжоу Болин. 美国新霸权主义 (Новая американская гегемония). Народное издательство Тяньцзиня, Тяньцзинь, 2002. 354 с.

³⁹³ 阎学通 Янь Сюэту. 道义现实主义与中国崛起战略 (Моральный реализм и стратегия подъема КНР) – Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2018. 465 с.

³⁹⁴ 杨原 Ян Юань. 两极体系下大国战略竞争的演化 (Эволюция стратегической конкуренции великих держав в условиях биполярной системы) // «国际政治科学». 2019. №.4. С. 1–54.

как возможностью и начав с оценки национальных стратегических ресурсов, он сосредоточился на оценке стратегических возможностей, выборе стратегических ориентаций, установлении стратегических целей, и реализации стратегических средств. Основываясь на этом, он установил структуру «Большой стратегии» КНР с активным участием в качестве фона и «интеграцией-участием-формированием» в качестве столпов и обогатил содержание «Большой стратегии» КНР с различных аспектов, таких как расширение национальных интересов и формирование международного порядка.³⁹⁵

Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» – это новая концепция, предложенная правительством КНР, представляет собой переплетение в одно целое интересов и развития всего человечества. Данная концепция подчеркивает открытость, инклюзивность и взаимовыгодное сотрудничество в построении общей судьбы и описывает новый тип и подход к международным отношениям, который заменяет западную модель гегемонизма. В данной концепции выдвигаются пять положений: 1) установление равноправного партнерства, 2) создание модели безопасности, основанной на справедливости, правосудии и совместном использовании, 3) поиск открытых, инновационных, инклюзивных и взаимовыгодных перспектив развития, 4) содействие обмену между цивилизациями и 5) создание экологической системы для зеленого развития.³⁹⁶

Китайские ученые считают, что КНР является державой, придерживающейся «реформаторского статус-кво».³⁹⁷ Одна из китайских школ утверждает, что КНР борется между «изменением путем лидерства» и «изменением путем сотрудничества». КНР хочет «лишь частичного

---

³⁹⁵ 门洪华 Мэн Хунхуа. 构建中国“大战略”的框架-国家实力.战略观念与国际制度-(第二版) Создание структуры «Большой стратегии» Китая - Национальная мощь, стратегические концепции и международные институты - (Второе издание). Издательство Пекинского университета, Пекин, 2017. 416 с.

³⁹⁶ 金 碚 Цзинь Пэй. 人类命运共同体意识是中国贡献给世界的可贵思想启示 (Осознание сообщества единой судьбы человечества является ценным идеологическим вдохновением, которое Китай привнес в мир) //《北京交通大学学报社会科学版》. (Журнал Пекинского университета Цзяотун (издание по социальным наукам)) 2018. 17(4). С. 1-6.

³⁹⁷ Xiao R. A reform-minded status quo power? China, the G20, and reform of the international financial system // Third World Quarterly. 2015. 36(11). P. 2023–2043.

изменения существующего порядка», а не «радикального изменения».³⁹⁸ Некоторые считают, что КНР в последние годы превратилась из «революционного борца с порядком» в «реформатора, формирующего порядок».³⁹⁹

С нового века среди китайского руководства и народа сформировался консенсус относительно гегемонистского облика США. Опасения Пекина по поводу того, что стратегические намерения Вашингтона в отношении КНР в конечном итоге заключаются в смене режима в КНР, усилились после «цветных революций» 2000-х годов, «арабской весны» 2011 г., «Майдана» на Украине и «зонтичной революции» в Гонконге в 2014 г. По мнению Пекина, США стремятся сохранить свое доминирование путем геополитического сдерживания КНР и препятствования ее развитию. Исторические свидетельства показывают, что после прихода западного колониализма и империализма Китай погрузился в упадок, продолжавшийся примерно столетие, в течение которого он страдал от экономической эксплуатации, политического унижения и военного вторжения «век унижения». Соответственно, взгляды КНР на Запад во главе с США остаются двойственными. С одной стороны, США привлекают своей экономической и инновационной мощью, военным потенциалом и политической системой; все это вызывает уважение и восхищение у китайских граждан; с другой стороны, негативный опыт прошлого создает недоверие по отношению к США. В последнее время мировой финансовый кризис, военные интервенции и вторжения США по всему миру, а также внешняя политика Д.Трампа сильно подорвали репутацию США в глазах китайцев.

КНР неоднозначно относится к ценностям, которые американцы продвигают по всему миру. С одной стороны, поддерживаемый ими процесс глобализации позволил КНР модернизироваться и провести индустриализацию, воспользовавшись открытием рынков и реформами, и

---

³⁹⁸ Tang S. P. China and the future international order // *Ethics and International Affairs*. 2018. 32(1). P. 31–43.

³⁹⁹ Chen Z., Zhang X. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // *The Pacific Review*. 2020. 33(3). P. 438–468.

обретя международное влияние и престиж; с другой стороны, КНР считает, что западная либеральная система остается проводником американской гегемонии. Никто не ожидает, что США предоставят Китаю голос в мировых делах, который он заслуживает благодаря своему экономическому и политическому весу. Китайские власти убеждены, что США и Запад никогда добровольно не предоставят КНР большее влияние на международном уровне. В соответствии с этим, по их мнению, роль «ответственного участника» в первую очередь укрепила бы претензии США на гегемонию, но не принесла бы пользу экономическому развитию КНР, тем более его политическому росту. В любом случае КНР рассматривает отстаивание Западом либерального мирового порядка и универсальных прав человека как гегемонистский дискурс.

КНР проводит различие между «мировым порядком, в котором доминируют США», и «международным порядком, возглавляемым ООН». Для Пекина *Rax-Americana* опирается на три столпа: западные ценности, военные союзы и институты ООН. КНР предпочитает «международный порядок», который относится к системе порядка под руководством ООН и руководствуется юпринципам международного права. Когда КНР говорит о международном порядке, это не подразумевает мировой порядок, возглавляемый США. Это подразумевает ООН, ее институты и международное право.⁴⁰⁰

Большинство китайских ученых утверждает, что мировой финансовый кризис 2008 г. знаменует собой глубокую трансформацию международного порядка и способствует усилению китайско-американской соперничества в глобальном контексте. Тао Вэньчао отмечает, что мировой финансовый кризис изменил состояние асимметрии в китайско-американских отношениях, постепенно вынуждая США относиться к КНР как к равному.⁴⁰¹ Ян Сюэтон отмечает, что стратегическое соперничество неизбежно из-за «структурных

---

⁴⁰⁰ Chen Z. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era. // *The Pacific Review*. 2020. 33(3). P. 438–468.

⁴⁰¹ 陶文钊 Тао Вэньчао. 金融危机与中美关系(The Financial Crisis and Sino-US Relations) // «和平与发展» (Peace and Development). 2009. №. 4. P. 28–30.

противоречий», вызванных сокращением разрыва между КНР и США.⁴⁰² Ван Цзиси заметил, что экономическая глобализация потеряла свою динамику, мировая политика вступает в «новую эру» растущего разногласия и конкуренции.⁴⁰³ Ван Фан предлагает новый термин «конкурентная взаимозависимость» в качестве подходящей концептуальной основы для анализа меняющихся китайско-американских отношений.⁴⁰⁴ Юань Пэн считает, что структура стратегического соперничества будет развиваться от «сверхдержава против крупной державы» до «№1 против №2».⁴⁰⁵

Китайские аналитики часто используют фразу «менталитет холодной войны», которая тесно связана с фактором идеологических различий, чтобы наблюдать за стратегическим соперничеством КНР и США.⁴⁰⁶ Другие считают «конфликты политической повестки дня» между обеими сторонами ключевой движущей силой стратегической конкуренции.⁴⁰⁷

Автор пришел к выводу, что китайские ученые определили основные области, в которых усиливается стратегическая конкуренция между США и КНР, как показано ниже:

Во-первых, двусторонние экономические отношения стали средоточием китайско-американского соперничества, торговая война, по сути, является технологической войной.

Во-вторых, конкуренция международных правил и институтов, регулирующих глобальную торговлю, инвестиции и финансы.

В-третьих, на геостратегическом уровне, АТР, особенно западная часть Тихого океана, является фокусом китайско-американского военно-стратегического соперничества. Более того, взаимодействие между китайской

---

⁴⁰² 阎学通 Янь Сюэту. 对中美关系不稳定性的分析 (Нестабильность китайско-американских отношений) // «世界经济与政治». 2010. №. 12. С. 29–30.

⁴⁰³ 王缉思 Ван Цзиси. 世界政治进入新阶段 (Новая эра мировой политики) // «国际战略研究简报». 2018. №. 62. С. 1–10.

⁴⁰⁴ 王帆 Ван Фан. 中美竞争性相互依存关系探析 (Конкурентная взаимозависимость между КНР и США) // «世界经济与政治». 2008. №. 3. С. 32.

⁴⁰⁵ 袁鹏 Юань Пэн. 中美关系向何处去? (Куда пойдут китайско-американские отношения?) // «外交评论». 2010. №. 2. С. 2–7.

⁴⁰⁶ 吴兴伯 У Синьбо. 美国对华政策进入新阶段 (Новый этап политики США в отношении Китая) // «环球时报». 24 April, 2018. URL: <http://opinion.huanqiu.com/hqpl/2018-04/11904842.html?agt=15438>

⁴⁰⁷ Также.

инициативой «Один пояс и один путь» и Индо-Тихоокеанской стратегией США является проявлением этой конкуренции на региональном уровне.⁴⁰⁸

С начала нового века обмена между двумя странами расширяются на все уровни и сферы. В этот период, когда КНР и США стали в значительной степени взаимозависимыми, двусторонние отношения стали приобретать все большее важное влияние, и дипломатическое взаимодействие продолжало развиваться. Это наиболее очевидно по частым встречам на высшем уровне, которые играют более заметную роль в двусторонних отношениях, в углублении механизмов диалога на высшем уровне и в том факте, что сотрудничество в многосторонних областях стало важной движущей силой двусторонних отношений.

С 2005 года обе стороны создали ряд механизмов диалога на высоком уровне. «Диалог о стратегическом партнерстве», состоявшийся в Пекине в августе 2005 г., стал первым регулярным диалоговым механизмом высокого уровня. В декабре 2006 г. две страны запустили механизм «диалога об экономическом сотрудничестве». В апреле 2009 г. стратегический и экономический диалог между КНР и США, как модернизированный формат диалога, заменил предыдущие диалоги и официально функционировал. Китайскую сторону возглавляют вице-премьер и государственный советник, американскую – госсекретарь и министр финансов. В мае 2010 г. обе стороны создали механизм консультаций высокого уровня по вопросам обмена между людьми.

Дипломатия между лидерами КНР и США стала более нормализованной и институционализированной. В 2017 г. главы двух государств успешно обменялись визитами и провели двусторонние переговоры в ходе саммита G20 в Гамбурге. Двусторонние переговоры проводились дважды в ходе саммита G20 в Буэнос-Айресе в 2018 г. и в Осаке в 2019 г.. Кроме того, с момента создания горячей линии саммита КНР-США в 1997 г. лидеры двух стран оперативно общались по телефону по международным и двусторонним

---

⁴⁰⁸ 刁大明 刁о Дамин. 从大国兴衰看中美竞争趋势 (Тенденция китайско-американского соперничества с точки зрения подъем и падения великих держав) // «现代中国国际关系». 2020. № 11 (2). С. 34-52.

вопросам. Только в 2017 году председатель Си Цзиньпин и президент Д. Трамп провели семь телефонных разговоров.

Подъем КНР требует изменения парадигмы ее внутренней и внешней политики, чтобы добиться большего в меняющейся динамике. Что касается внутренней политики, то с 2013 г. председатель Си Цзиньпин предложил концепцию «Китайской мечты», которая преследует две цели: достичь «умеренно благополучного Китая» к 2021 г.; и «богатый и могущественный Китай» к 2049 г. Осуществление китайской мечты, достижение сущности «модели КНР» в отличие от либерально-демократического капитализма Запада, требует второй фазы преобразовательной экономической реформы, что означает, что КНР должна воспользоваться моментом «расширенной стратегической возможности».

Что касается внешней политики, то руководящий дипломатический принцип КНР превратился из стратегии председателя Дэн Сяопина «невмешательство в международные дела» в стратегию «стремления к достижениям», основанную на теории «морального реализма», которая демонстрирует большую эффективность в формировании благоприятной среды для национального возрождения КНР.⁴⁰⁹ Председатель Си впервые предложил «новую дипломатию между крупными державами с китайской спецификой»,⁴¹⁰ чтобы создать новый тип отношений с такими крупными державами, как США и РФ.⁴¹¹ Он также выдвигал идею «Сообщества единой судьбы человечества», которая является важной основой концепции реализации мирного развития и построения гармоничного мира.⁴¹²

Инициатива «Один пояс и один путь» – продукт в рамках стратегии

---

⁴⁰⁹ 阎学通 *Янь Сюэту*н. 道义现实主义和中国崛起战略 (Моральный реализм и стратегия подъема КНР) – Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2018. – 284 с.

⁴¹⁰ Ломанов А.В. Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина (глава 2 в научной монографии) // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред А.Д. Воскресенского. – М.: Стратегические изыскания, 2019. – С. 55-83.

⁴¹¹ Особенности дипломатии современного Китая : учеб. пособие / Н. В. Козыкина, К. Г. Муратшина ; [науч. ред. В. И. Михайленко]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 148 с.

⁴¹² 杨洁篪 杨洁篪. 推动共建人类命运共同体 (Содействие построению сообщества единой судьбы человечества) // «人民日报». November 19, 2017. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2017/1119/c1003-29654654.html> – 01.03.2025.

«стремления к достижению». В 2013 г. была предложена концепция трансконтинентальной долгосрочной политики и инвестиционной программы, нацеленной на развитие инфраструктуры и ускорение экономической интеграции стран вдоль исторического Шелкового пути.⁴¹³ В 2014 г. КНР учредила Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. 26 января 2018 г. КНР объявила о своем «Полярном шелковом пути», арктической стратегии КНР по развитию «Полярного шелкового пути» в рамках инициативы «Один пояс и один путь».⁴¹⁴

Интересна еще одна китайская инициатива – «Цифровой шелковый путь». По сути, «Цифровой шелковый путь» обусловлен стратегией КНР стать чемпионом за счет использования потенциала существующих и новых технологий. С этой целью проекты «Цифровой шелковый путь» были сосредоточены на улучшении международной связи, далее именуемой «цифровая связь».⁴¹⁵

КНР продвигает инициативу «Шелковый путь здоровья» как важный способ для построения «глобального сообщества единой судьбы». Многие аналитики считают, что действия КНР во время пандемии COVID-19 являются показателем его глобальной солидарности в управлении кризисами и его потенциального лидерства. Пожертвования КНР средств индивидуальной защиты и других предметов снабжения сыграли решающую роль во время сбоя в глобальных цепочках поставок в период пандемия. К концу октября 2020 г. КНР предоставила более 179 миллиардов масок, 1,73 миллиарда защитных костюмов и 543 миллиона наборов для тестирования в 150 стран и 7 международных организаций.⁴¹⁶

На глобальном уровне сотрудничество в рамках «ОПОП» за последние годы достигло необычайного прогресса. Благодаря стратегии «Одна ось, два

---

⁴¹³ Инициатива «Один пояс, один путь». Госсовет КНР. URL: <http://english.gov.cn/beltAndRoad/>. – 06.03.2025.

⁴¹⁴ Кобзева М.А. Современная арктическая политика Китая. – Издательство: Санкт-Петербургского университета, 2019. – 226 с.

⁴¹⁵ Cheng G. China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. 22(2). P. 271—287.

⁴¹⁶ 曹建 曹о Цзян. 中国健康丝路倡议和全球健康合作(На пути к Шелковому пути здоровья Предложение КНР о глобальном сотрудничестве в области здравоохранения) // «中国国际战略研究». – 2020. – №. 6(1). – С. 19-35.

крыла», шесть основные коридоры в Евразии и другие ключевые мегапроекты значительно укрепили отношения КНР со странами-членами «Один пояс и один путь»⁴¹⁷.

Стратегическое исследование китайских ученых может быть завершено как Инициатива «ОПОП» как «китайское решение» экономического и глобального управления и институциональная структура, альтернативная «западной модели». Столкнувшись с критикой со стороны многих американских ученых, китайские ученые пришли к единому мнению, что КНР может использовать инициативу «ОПОП» в качестве контрстратегии, чтобы сбалансировать сдерживание США, не только путем расширения своего глобального влияния, усиления своей региональной мягкой силы, создавая экономическую зависимость и доступ, но также способствуя усилиям КНР по улучшению своего военного потенциала.

«Сделано в Китае 2025» – это национальный стратегический план и промышленная политика КНР, направленная на модернизацию производственных мощностей китайских отраслей, превратившихся из основанных на ручном труде мастерских в высокотехнологичные предприятия.⁴¹⁸

В мае 2020 г. КНР объявила о новой стратегии – «двойной циркуляции», направленной на сокращение зависимости страны от зарубежных рынков и технологий в долгосрочной перспективе.⁴¹⁹ С точки зрения КНР, декаплинг – это стратегический сдвиг, при котором КНР переключает свое внимание с «экономического роста» на «экономический контроль».⁴²⁰ С этой целью она преследует следующие цели:

Во-первых, внутренняя циркуляция: устранение зависимости от зарубежных стран и корпораций в отношении критических технологий и

---

⁴¹⁷ Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J. L. Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. 19(1). P. 77—88.

⁴¹⁸ Национальная стратегия «Сделано в Китае 2025». Госсовет Китая, 7 июля 2015 г. URL: <http://english.www.gov.cn/2016special/madeinchina2025/> – 05.03.2025.

⁴¹⁹ Domestic-international dual circulation. China's Dual Circulation an Active Choice and Long-Term Strategy: Official. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-10-30/China-s-dualcirculation-an-active-choice-and-long-term-strategy-V0kW26SOu4/index.html>. – 06.03.2025.

⁴²⁰ Lukin A. The Russia–China entente and its future // International Politics. 2021. Volume 58. P. 363–380.

продуктов; способствовать доминированию местных фирм на внутреннем рынке;

Во-вторых, внешняя циркуляция: использование этого доминирования для повышения глобальной конкурентоспособности.

Многие китайские ученые описали эту стратегию как ответ на ухудшение китайско-американских отношений, они считают, что стратегия включает поддержку отечественного бизнеса и снижение зависимости КНР от импорта, в том числе от энергоносителей, микросхемы и другие передовые технологии; это также предполагает рост китайского среднего класса с целью увеличения внутреннего потребления.⁴²¹ Журнал «Экономист» резюмировал стратегию как «международную циркуляция: сохранение КНР открытым для мира» при одновременном «внутренняя циркуляция: укреплении собственного рынка». По мнению автора, это также сигнализирует о смещении приоритета политики КНР с США на соседние страны, окружающие КНР.

КНР приняло меры для защиты своего национального суверенитета. После принятия в 2005 г. «Закон против сецессии» для защиты суверенитета. КНР в июне 2020 г. ввела «Закона о защите национальной безопасности в Гонконге», запрещающий акты отделения, подрывной деятельности, терроризма и сговора с иностранными силами, после антиправительственных протестов в 2019 г.⁴²²

Что касается экономической модели, то КНР использовала активные инициированные государством программы для стимулирования роста и уменьшения несправедливости. Что касается экономического развития, то после финансового кризиса 2007-2008 гг. КНР была единственной страной, которая быстро догнала США. В период с 2007 по 2020 г. ВВП КНР вырос с 3,55 триллиона долларов до 15,66 триллиона долларов, а ее доля в мировом

---

⁴²¹ Кузнецова Г. В. Путь Китая к цифровому лидерству // Международная торговля и торговая политика. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 17-29.

⁴²² Закон о создании правовой системы и правоприменительных механизмов в специальном административном районе (САР) Гонконг для защиты национальной безопасности. Госсовет Китая, 1 июля 2020 г. URL:

ВВП увеличилась с 6,15% до 18,34%.⁴²³ ВВП КНР после десятилетий быстрого экономического роста и, несмотря на недавнее замедление, все еще находится в процессе опережающего роста экономики США примерно в 2025-2030 гг.

Что касается экономической модели, КНР использовала активные инициированные государством программы для стимулирования роста и уменьшения несправедливости. Модель развития под руководством государства, промышленная политика которого играет центральную роль в управлении экономическим развитием, защищает общегосударственные интересы, не ограничивая базовые гуманитарные ценности.

Среди китайских ученых растет консенсус в отношении того, что хорошее государственное управление имеет решающее значение для создания функционирующей демократии. Китайская модель через призму «научного развития» ставит КНР в оппозицию к «развитым странам».

«Экономическое и торговое соглашение между США и КНР» было достигнуто между КНР и США на основе равенства и взаимного уважения, и на его реализацию ушло 22 месяца. КНР имеет следующие взгляды на данное соглашение⁴²⁴:

Во-первых, данное соглашение отвечает интересам народов КНР и США, а также народов всего мира, оно окажет положительное влияние на мировую торговлю, инвестиции и финансовые рынки.

Во-вторых, соглашение в целом соответствует общему направлению КНР на углубление реформ, а также внутренним потребностям КНР в содействии высококачественному экономическому развитию. В то же время реализация соглашения поможет лучше защитить законные права и интересы всех китайских и иностранных предприятий в КНР, и китайских предприятий

---

⁴²³ Источник: База данных Всемирный банк. URL: <https://www.worldbank.org/en/home> – 04.03.2025.

⁴²⁴ 中美就第一阶段经贸协议文本达成一致——五部门有关负责人介绍中美经贸磋商有关进展 (Китай и США достигли соглашения по тексту первой фазы торгово-экономического соглашения — соответствующие должностные лица пяти ведомств представили ход китайско-американских торгово-экономических консультаций) // 中华人民共和国中央人民政府官网 (Официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики). 14.12.2019. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-12/14/content_5461035.htm – 09.03.2025.

и инвесторов в их экономической и торговой деятельности в США.

В-третьих, поскольку потенциал внутреннего рынка КНР продолжает расширяться, американские компании в КНР будут расширять двустороннее торговое сотрудничество в соответствии с правилами ВТО и следовать рыночно-ориентированным и коммерческим принципам.

Более того, китайские официальные лица четко заявили, что КНР увеличит закупки высококачественной и конкурентоспособной на рынке сельскохозяйственной продукции из США. Следует подчеркнуть, что расширение торгового сотрудничества должно основываться на рыночных принципах и правилах ВТО.⁴²⁵ Через призму торговли, КНР привержена сотрудничеству с США в целях достижения бесконфликтности, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. В то же время КНР будет решительно защищать национальный суверенитет, безопасность и основные национальные интересы.⁴²⁶

С другой стороны, хотя данное соглашение фокусировалось на требовании Трампа сократить дефицит торгового баланса США с КНР, оно не решало структурную торговую проблему между обеими сторонами.⁴²⁷

Самая густонаселенная страна мира стала неотъемлемой частью почти каждого сектора мировой экономики. Как «мировая фабрика», КНР импортирует больше сырой нефти, чем любая другая страна. Китайские туристы расходуют больше всего средств на международный туризм: в 2018 г. они совершили 150 миллионов зарубежных поездок на сумму 277 миллиардов долларов.⁴²⁸

В 2020 г. КНР обогнала США по количеству прямых иностранных

---

⁴²⁵ 张杰 Чжан Цзе. 中美经济竞争的战略内涵、多重博弈特征与应对策略 «Стратегическая коннотация, множественные игровые характеристики и стратегии реагирования на китайско-американскую экономическую конкуренцию» // «世界经济与政治». – 2018. – №3. – С. 1–22.

⁴²⁶ 中美重塑经贸关系的重要一步——中美第一阶段经贸协议文本解读 (Важный шаг для Китая и США по перестройке своих экономических и торговых отношений — Интерпретация текста первой фазы китайско-американского экономического и торгового соглашения) // Синьхуа. 16.01.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-01/16/c_1125470554.htm – 09.03.2025.

⁴²⁷ 陈定定 Чэнь Диндин. “压舱石”到“导火索”: 中美经贸关系分析 (От «балластного камня» к «предохранителю»: анализ китайско-американских экономических и торговых отношений) // «国际政治科学». – 2019. – 4(4). – С. 55-90.

⁴²⁸ Источник: База данных Национальное статистическое бюро КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>. – 04.03.2025.

инвестиций (ПИИ). Показатели инвестиций за 2020 г. подчеркивают движение КНР к центру глобальной экономики, в которой долгое время доминировали США, – сдвиг ускорился во время пандемии, поскольку КНР укрепила свои позиции в качестве мировой фабрики и увеличила свою долю в мировой торговле. В КНР поток инвестиций транснациональных компаний продолжался, несмотря на пандемию, при этом глобальный бренд, такой как промышленный гигант США Honeywell и немецкий Adidas, расширяли свой бизнес на китайском рынке.

В ответ на действия администрации Д.Трампа китайское правительство ввело прямые контрмеры. С дипломатической точки зрения, хотя КНР начала вводить санкции в отношении американских законодателей в 2020 г., таких как сенаторы Т. Коттон, М. Рубио и Т. Круз, имевших репутацию «ястребов». Основные дипломатические контрмеры были предприняты 20 января 2021 г., в день инаугурации нового президента США Дж. Байдена. КНР ввела санкции против уходящего госсекретаря М. Помпео и 27 других высокопоставленных чиновников администрации Д.Трампа. Кроме того, в эпоху Трампа КНР вводила более частые санкции против политиков из ЕС, Японии, Австралии и Канады за их антикитайские дипломатические шаги.

С политической точки зрения, в мае 2020 г. КНР выдворила 13 журналистов из трех крупных американских газет, что является ответной мерой за решение администрации Д.Трампа сократить количество китайских журналистов на китайские СМИ в США. С торгово-экономической точки зрения, варианты ответных мер КНР против США во время торговой войны включают блокирование закупок сои, девальвацию юаня для противодействия тарифам или установление нетарифных торговых барьеров, таких как задержка разрешений регулирующих органов для американских компаний в КНР.

В период первого президентского срока Д. Трампа изменение баланса сил начинало проявляться по всему миру. Политическое и экономическое присутствие КНР во всем мире является контрмерой для сдерживания США.

Что касается политического влияния, КНР усилила свои позиции в существующих многосторонних организациях, таких как ООН. В то время как администрация Д.Трампа отказалась от некоторых многосторонних организаций, КНР сосредоточилась на победе на выборах на ключевые руководящие должности в этих многосторонних организациях. Она также расширяла свое влияние за счет увеличения добровольных финансовых взносов. КНР также активно интегрировалась в основные органы по стандартизации, такие как Международная организация по стандартизации, и широкий спектр международных отраслевых форумов, на которых разрабатываются технические стандарты. Что касается экономического влияния, то по состоянию на январь 2021 г. 140 стран и 30 международных организаций приняли участие в китайской инициативе «Один пояс и один путь».⁴²⁹

Одним из ключевых компонентов стратегических контрусилий КНР является укрепление связей между КНР и основными незападными блоками, во главе которых стоят БРИКС и ШОС. «БРИКС плюс» был представлен во время председательства КНР в 2017 году и способствует установлению более широкого партнерства и содействует общему развитию и процветанию между его членами и большинством стран Глобального Юга. Со стратегической точки зрения КНР использовала БРИКС для продвижения незападной коалиции в оппозиции Коллективному Западу под руководством США, реализуя такие инициативы, как «Новый банк развития», «Резервный фонд БРИКС» и «резервную валютную корзину БРИКС», которые может выступать в качестве альтернативы западным инициативам. Одновременно в последние годы КНР расширяет свое влияние на политическом и экономическом фронтах. С точки зрения безопасности КНР и Россия вместе играют ведущую роль в определении будущего курса БРИКС и ШОС в этом многополярном мире.

С политической точки зрения, в ноябре 2017 г. председатель Си

---

⁴²⁹ Источник: База данных Правительство КНР. URL: <http://english.www.gov.cn/beltAndRoad/> – 05.03.2025.

Цзиньпин предложил на саммите АТЭС и АСЕАН выстроить более высокий уровень стратегического партнерства КНР-АСЕАН и приблизить сообщество КНР-АСЕАН к общему будущему. КНР также предложила обновить «Рамки сотрудничества 2 + 7» до «Рамок сотрудничества 3+X».⁴³⁰ В ноябре 2018 г. КНР и АСЕАН опубликовали «Видение стратегического партнерства КНР и АСЕАН 2030», направленное на укрепление связей в сфере торговли, инвестиций, цифровой экономики и технологических инноваций.⁴³¹ В ноябре 2020 г. 10 членов АСЕАН, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию, сформировали крупнейший в мире торговый блок, «Всестороннее региональное экономическое партнерство», охватывающее почти 30% мировой экономики, соединяющее около 30% население мира, чтобы ускорить внутриазиатскую интеграцию.⁴³²

С экономической точки зрения, на региональном уровне, в рамках таких структур, как «10 + 1», «10 + 3», «10 + 6» и АТЭС, КНР поддерживает хорошие отношения сотрудничества со странами региона в построении сети свободной торговли и продвижении экономической интеграции. Что касается торговли, то в 2020 г. АСЕАН впервые стала крупнейшим торговым партнером КНР, обогнав ЕС и США, при этом объемы торговли достигли исторического уровня 731,9 миллиарда долларов.⁴³³ Что касается инвестиций, АСЕАН является основной целью зарубежных инвестиций КНР. Инвестиции КНР в АСЕАН стремительно росли в последние годы, в то время как страны АСЕАН постепенно увеличивали свои инвестиции в КНР. По состоянию на конец 2019 г. совокупные взаимные инвестиции между КНР и АСЕАН превысили 230 миллиардов долларов. КНР создала более 5200 предприятий прямого инвестирования в странах АСЕАН.⁴³⁴

В Южной и Центральной Азии КНР укрепила сотрудничество с

---

⁴³⁰ Мосяков Д.В., Шпаковская М.А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. №3 (40). С. 5-11.

⁴³¹ Михневич С.В. «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. №4. С. 237-255.

⁴³² Bi S. Cooperation between China and ASEAN under the building of ASEAN Economic Community // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2021. 10(1). P. 83-107.

⁴³³ Источник: База данных Министерство торговли КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>. – 05.03.2025.

⁴³⁴ Также.

местными странами через Инициативу «Один пояс и один путь» и прямые инвестиции КНР в транспортную инфраструктуру для расширения торговых маршрутов в Евразию и Европу и в стратегическом плане для обеспечения потока энергии, сырья и других ресурсов. КНР значительно укрепила стратегические отношения с ключевым союзником Пакистаном. Китайско-пакистанский экономический коридор сыграет роль флага инициативы «Один пояс и один путь» в Центральной Азии. С геостратегической точки зрения она также соединяется с «Морским шелковым путем», значительно расширяя доступ КНР к Ближнему Востоку через пакистанский порт Гвадар и связываясь с китайскими проектами в порте Хамбанота в Шри-Ланке и в порту Читтагонг в Бангладеш. Кроме того, «великий цифровой план» КНР будет подкреплён завершением строительства трансграничного оптоволоконного кабеля в Пакистане, который составит основу Китайского «цифрового шелкового пути»⁴³⁵.

Первый документ КНР о политике в отношении Ближнего Востока в 2016 г. предлагает продвигать совместное строительство инициативы «Один пояс и один путь», чтобы сформировать модель сотрудничества «1 + 2 + 3» с энергетическим сотрудничеством как «Ядро», с построением инфраструктуры и содействием торговле и инвестициям в качестве «крыльев», а также с тремя высокотехнологичными областями для обновления прагматичного сотрудничества.

В связи с геостратегическим положением Ближнего Востока, обеспечивающим доступ как к Европе, так и к Африке, КНР стремится увеличить свое военное присутствие в регионе и создать дополнительную базу материально-технического снабжения и оперативную базу для усиления своей нынешней базы в Джибути. Всеобъемлющее двустороннее соглашение между КНР и Ираном также предоставило КНР более широкое присутствие на Ближнем Востоке, потенциально изменив геополитику этого стратегически важного региона. Океания играет все более важную роль в

---

⁴³⁵ Cheng G. China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. 22(2). P. 271—287.

стратегическом плане китайской инициативы «Один пояс и один путь». К настоящему времени КНР предложила около 30 крупных проектов шести островным странам Тихого океана.

Европейский Союз тоже остается в центре внимания китайской дипломатии. Ежегодный саммит ЕС-КНР проводится для обсуждения политических и экономических отношений, а также глобальных и региональных проблем. В период с 2014 по 2019 гг. КНР привлек свои первоначальные инвестиции в восточную и южную Европу посредством серии меморандумов о взаимопонимании. Пекин развивает свои инвестиции в рамках программы сотрудничества «17 + 1», номинальной целью которой была более тесная региональная экономическая интеграция. В 2019 г. Греция стала 17-м членом и предложила КНР значительные инвестиции в порт Пирей. Италия стала первой страной G7 подписать меморандумы о взаимопонимании. Главным достижением КНР в укреплении стратегических отношений с ЕС в эпоху Трампа стало «Всеобъемлющее соглашение об инвестициях» между обеими сторонами, подписанное 30 декабря 2020 г. После почти 7 лет и 35 раундов переговоров, данное соглашение знаменует новый уровень отношений между КНР и ЕС и предлагает КНР новую возможность не только для дальнейшего укрепления связей с ЕС, но и указывает на независимость принятия КНР внешней политики ЕС помимо дипломатического давления США. КНР также отправила медицинскую помощь и предметы снабжения в страны ЕС, пострадавшие от пандемии КОВИД-19.

В стратегическом плане КНР рассматривает прямую линию из Пекина в Европу, созданную в рамках Инициативы «ОПОП», как противодействие американскому сдерживанию в ИТР. КНР определила Европу как ключевой компонент инициативы «Один пояс и один путь», чтобы соединить весь евразийский континент. С 2013 г. Пекин предложил несколько «евразийских планов», в том числе новый евразийский сухопутный мост и синий экономический коридор Китай-Северный Ледовитый океан-Европа, один из

трех морских коридоров.

Китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерство стало важнейшим фактором в мировой политике. КНР значительно укрепила всеобъемлющие стратегические связи с РФ период первого президентского срока Д. Трампа. В политическом плане китайско-российские отношения находились «на самом высоком уровне в истории». Председатель Си Цзиньпин трижды посещал в Москву в период с 2017 по 2021 гг. Президент Путин посетил Пекин в апреле 2019 г. Обе глав государства называли друг друга «лучшими друзьями и коллегами». Председатель Си также призвал «две страны укреплять международное сотрудничество и придерживаться принципа многосторонности».⁴³⁶

В экономическом отношении КНР является крупнейшим торговым партнером РФ, а РФ - основным источником импорта энергоносителей в КНР. Двусторонняя торговля превысила 100 миллиардов долларов в 2020 г. Обе стороны планируют удвоить объем торговли до 200 миллиардов долларов к 2024 г.⁴³⁷ Хуавэй разрабатывает российскую систему передачи данных 5G.

В военном отношении РФ и КНР участвуют в совместном производстве систем вооружения, обе стороны значительно укрепили связи, проведя совместные военные учения «Джойнт Си 2017», «Восток 2018», «Джойнт Си 2019», «Центр-2019» и «Кавказ 2020»; среди них «Восток-2018» - крупнейшие военные учения за десятилетия. В июле 2019 г. и декабре 2020 г. обе страны совершили совместное патрулирование бомбардировщиков над Тихим океаном.⁴³⁸

Китайско-африканское сотрудничество является важным компонентом сотрудничества Юг-Юг. Сегодня КНР – самый важный союзник Африки. С политической точки зрения существует несколько коллективных диалогов между КНР и африканскими странами, например Форум сотрудничества

---

⁴³⁶ Лю Фэнхуа. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // Сравнительная политика. 2019. №2. С. 118-134.

⁴³⁷ Клименко А.С. Развитие экономических отношений России и Китая посредством внешнего транспортного сообщения // Modern Science. 2022. № 5(1). С. 45–48.

⁴³⁸ Полончук Р. А., Явчуновская Р. А. Сотрудничество России и Китая в сфере обеспечения обороны и безопасности на современном этапе развития // Endless light in science. 2023. С. 69-76.

Китай-Африка (ФСКА). Во время саммита КНР-Африка 2018 г. КНР обещала выделить 60 миллиардов долларов на развитие Африки в качестве новой меры по укреплению китайско-африканских связей. Очевидно, что первая ежегодная поездка министра иностранных дел КНР всегда в Африку. Долгосрочное всестороннее сотрудничество КНР с Африкой получило политическую поддержку со стороны многих африканских стран по ряду вопросов, касающихся внутренних дел КНР, в качестве противодействия усилиям США.

С экономической точки зрения КНР была крупнейшим торговым партнером Африки в течение 10 лет подряд. В 2018 г. общий объем торговли составил 204,2 миллиарда долларов, а в 2019 г. составил 209,02 миллиарда долларов.⁴³⁹ Импорт КНР несырьевых товаров из Африки значительно увеличился. Финансовые учреждения КНР открыли более 10 филиалов в Африке.⁴⁴⁰ Южная Африка и семь других стран включили китайский юань в свои валютные резервы. КНР заключила клиринговые соглашения в юанях с Замбией и подписала соглашения о валютных свопах с четырьмя африканскими странами. В июне 2019 г. в КНР прошла первая Китайско-африканская торгово-экономическая выставка.

КНР доминирует в финансировании и развитии критически важной инфраструктуры в Африке с 2017 г. в рамках Инициативы «Один пояс и один путь», финансируя мегапроекты инфраструктуры, автомобильные и железные дороги в нескольких странах; Более того, технический прогресс КНР требует улучшения коммерческих отношений и телекоммуникационных услуг за счет значительных инвестиций в волоконно-оптические сети.⁴⁴¹

С военной точки зрения, в 2017 г. КНР создала свою первую иностранную военную базу в Джибути. База выходит на пролив Баб-эль-Мандеб в Аденском заливе, через который проходит почти 10% мировой нефти, торгуемой морским транспортом. Вместе с операциями КНР по

---

⁴³⁹ Источник: База данных Министерство торговли КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>. – 05.03.2025.

⁴⁴⁰ Также.

⁴⁴¹ Ткаченко К. А. Китайские инфраструктурные проекты в Африке // Азия и Африка сегодня. 2018. №2 (727). С. 41-44.

борьбе с пиратством в Аденском заливе и растущим присутствием в Гвинейском заливе база расширила военный потенциал КНР от побережья Африки до Индийского океана. Кроме того, КНР размещает миротворцев в Южном Судане и Либерии для поддержания безопасности и стабильности в регионе.

С дипломатической точки зрения, усилия КНР включают создание механизма организации регионального сотрудничества в виде Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК); вступление КНР в Организацию американских государств, Межамериканский банк развития и Карибский банк развития.⁴⁴² В течение 2017 и 2018 гг. Панама, Доминиканская Республика и Сальвадор передали признание КНР и разорвали связи с Тайванем.

С экономической точки зрения, объем торговли увеличился с 17 миллиардов долларов в 2002 г. до почти 315 миллиардов долларов в 2019 г. и будет продолжать расти до 500 миллиардов долларов в 2025 г.⁴⁴³ КНР является основным торговым партнером Южной Америки, а также основным торговым партнером Бразилии, Чили, Перу и Уругвая и вторым по величине торговым партнером для многих других стран. В настоящее время у КНР есть соглашения о свободной торговле с Чили, Коста-Рикой и Перу. КНР также внедрила технологические компании, устанавливающие стандарты, такие как Хуавэй, в региональную инфраструктуру. Что касается инвестиций, то вложения КНР в регион с 2005 по 2019 гг. составили 12,8 миллиарда долларов; В 2019 г. китайские компании инвестировали 16,5% по сравнению с 2018 г., сосредоточив внимание на региональной инфраструктуре, при этом на Бразилию приходилось 60 миллиардов долларов, а на Перу - почти 27 миллиардов долларов.⁴⁴⁴ В условиях пандемии КОВИД-19 КНР оказала медицинскую помощь странам региона, восстановление экономики КНР

---

⁴⁴² Зверева В. С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 171–183.

⁴⁴³ Источник: База данных Министерство торговли КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>. – 05.03.2025.

⁴⁴⁴ Также.

после КОВИД-19 также может сыграть важную роль в восстановлении экономики Латинской Америки. Кроме того, строительные проекты КНР в регионе оцениваются почти в 61 миллиард долларов. Эксимбанк КНР и Китайский банк развития стали крупнейшими кредиторами в Латинской Америке. Накопленные кредиты с 2005 по 2019 гг. составили 137 миллиардов долларов.⁴⁴⁵

КНР также пригласила страны Латинской Америки и Карибского бассейна принять участие в его инициативе «Один пояс и один путь», в настоящее время 19 стран региона являются участниками инициативы. С 2019 г. КНР начала строительство нового мегапорта стоимостью 3 миллиарда долларов в Чанкай в Перу, который рассматривается как будущие «ворота КНР в Латинскую Америку».

Несмотря на технологическую войну и санкции, КНР непрерывно превращается из «мировой фабрики» в «глобального лидера технологических инноваций». Будучи развивающимся технологическим гигантом, КНР продемонстрировала, что она может быть ведущим новатором как в мире, так и внутри страны, добившись успехов в широких категориях инноваций.

Во-первых, КНР – это мировая фабрика, обладающая самыми мощными промышленными производственными мощностями. Например, в КНР приходится 50% мирового производства стали и алюминия, 70% производственных мощностей по производству бытовой электроники, 90% производства потребительских беспилотных летательных аппаратов, 45% производства судостроения и 35% мирового производства интегральных схем к 2022 г., в том числе практически все ультрасовременное технологическое производство.⁴⁴⁶ Согласно сравнительному методу, мобильные платежи в КНР в 50 раз больше, чем в США. В 2019 г. в КНР было продано больше электромобилей, чем в остальном мире, и в КНР использовалось более чем в два раза больше промышленных роботов, чем в США.

Во-вторых, КНР имеет сильную государственную политику и

---

⁴⁴⁵ Источник: База данных Министерство торговли КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>. – 05.03.2025.

⁴⁴⁶ Источник: База данных Всемирная торговая организация. URL: <https://www.wto.org/> – 05.03.2025.

национальную стратегию, направленную на дальнейшее ускорение технологического развития и увеличение финансирования. «Сделано в Китае 2025» способствует развитию китайских компаний-«национальных чемпионов» в нескольких ключевых областях. Между тем, План «Китайские стандарты 2035» излагает подход КНР к стандартизации, соответствует «Сделано в Китае 2025». В «Программе развития ИИ нового поколения» от 2017 г. изложена стратегия КНР по созданию отечественной индустрии ИИ стоимостью 150 миллиардов долларов в ближайшие несколько лет и по превращению к 2030 г. в ведущую мировую державу в области ИИ.

В-третьих, КНР возглавляет крупнейшую в мире схему урбанизации и развития инфраструктуры. С 2018 г. проект инициативы «ОПОП» включает новые дороги, морские пути и строительные проекты, охватывающие более 65 стран. КНР проложила больше высокоскоростных железных дорог, чем весь остальной мир вместе взятый. В настоящее время более 60% высокоскоростных железных дорог в мире находится в КНР (в 10 раз больше, чем в Японии).

В-четвертых, КНР задает мировые темпы цифровой экономики, включая безналичные платежи. В крупных городах КНР до 90% всех коммерческих и розничных транзакций в магазинах и кафе осуществляется через «Алипэй» и «Вичат». Доставка электронной коммерции в крупные города КНР через Алибаба на данный момент является самой быстрой в мире. Одна компания, Алибаба, всего за один день увеличила объем продаж на 25 миллиардов долларов, что значительно превосходит показатели «Черной пятницы» и «Киберпонедельника» в США.⁴⁴⁷

В-пятых, КНР построит следующую «Силиконовую долину». В технологической индустрии КНР находятся девять из 20 крупнейших технологических компаний мира с такими мощными компаниями, как «Алибаба», «Тенсент» и «Байду». По мере того как все больше и больше китайских высокотехнологичных компаний заявляют о себе в мире,

---

⁴⁴⁷ Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 2. С. 275–303.

следующая «Силиконовая долина» возникнет в КНР.

В-шестых, китайские университеты также поднимаются на вершину международных рейтингов. Два университета – Пекинский университет и Университет Цинхуа – за пять лет перескочили с уровня ниже 200 лучших в 30 лучших. Не отстают еще 40 университетов, которые в ближайшие годы намерены войти в элиту. Скоро эти китайские университеты станут приоритетом для китайских студентов, которые все еще ищут образование в лучших вузах Северной Америки и Западной Европы.

В-седьмых, КНР становится «глобальной зеленой электростанцией». КНР заявила о своем намерении возглавить борьбу с изменением климата после подписания «Парижского климатического соглашения 2015 г.». К 2025 г. большинство новых автомобилей в КНР будут полностью электрическими. КНР значительно сокращает использование угля. КНР также недавно взяла на себя обязательство добиться голубого неба во всех своих крупных городах в течение 3 лет.

В ответ на военные меры США соответствующие меры были приняты КНР. КНР имеет второй по величине оборонный бюджет в мире после США. Она увеличивала расходы на оборону более двух десятилетий и почти удвоил свой бюджет с 2009 г. В 2021 г. КНР объявила о оборонном бюджете в размере 209 миллиардов долларов. номинальное увеличение на 6,8% от бюджета на 2020 г.⁴⁴⁸ КНР демонстрирует жесткость и непримиримость своей позиции по главным стратегическим направлениям – право на модернизацию вооруженных сил для потенциальной военной операции в Южно-Китайском море и Индийском океане. Пекин начал 2019 г. с вызвавших настороженность Вашингтона призывов председателя Си Цзиньпина “укреплять вооруженные силы и быть готовым к войне”,⁴⁴⁹ отражающее важность реализации военной стратегии новой эпохи. КНР сильно формируется долгосрочными событиями, расширяет свои военные

---

⁴⁴⁸ Источник: База данных Министерство национальной обороны КНР. URL: <http://eng.mod.gov.cn/>. – 05.03.2025.

⁴⁴⁹ Полончук Р. А. Особенности военной политики КНР на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2021. №1 С. 89-105.

возможности, чтобы иметь возможность проецировать силу через первую и вторую цепи островов США и за их пределы.

КНР реализует свою стратегию «военно-гражданского слияния» для ускорения своего экономического и социального развития. КНР систематически реорганизует свои научно-технические предприятия, чтобы гарантировать, что новые инновации одновременно способствуют экономическому и военному развитию КНР.⁴⁵⁰

Традиционная военная стратегия КНР по противодействию военному окружению США в АТР сосредоточена на морских путях. Растущая роль КНР в мировой экономике делает обеспечение безопасности его морских путей политическим императивом и неотъемлемым аспектом национальных интересов, учитывая, что 90% ее торговли товарами и 40% ее импортируемой нефти транспортируются по морю. КНР стремится снизить риски для защиты стратегически важных маршрутов, чтобы обезопасить свои поставки в случае кризиса.⁴⁵¹

Индо-тихоокеанские морские пути имеют жизненно важное стратегическое значение для КНР. В этом случае КНР переходит от стратегии «береговой обороны» к стратегии «активной обороны».⁴⁵² Это означает, прежде всего, контроль над пространством в пределах «первой цепи островов». Пекин также хотел бы взять под свой контроль территорию дальше на восток, в пределах «второй цепи островов». Это оставит КНР контроль над морскими путями Восточной Азии и еще более отдаленными целями.

КНР превратилась в региональную державу с мощными возможностями A2 / AD, используя передовые баллистические и крылатые ракеты в сочетании с системами воздушной и морской обороны для сдерживания военных операций США в регионе. Китайская A2 / AD сосредоточена вокруг

---

⁴⁵⁰ Каменнов П. Б. ВПК КНР в экономическом строительстве // Азия и Африка сегодня. 2018. №6 (731). С. 2-9.

⁴⁵¹ Кашин В., Крашенинникова Л., Пятачкова А. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7(64). С. 49-59.

⁴⁵² Lai S. Active Defense: China's Military Strategy since 1949 by M. Taylor Fravel // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2020. 75(1). P. 114-116.

Тайваня и Южно-Китайского моря, в результате чего вооруженные силы США, такие как авианосная ударная группа, и объекты в этом регионе находятся в пределах досягаемости высокоточных крылатых и баллистических ракет. Что касается «А2», КНР полагается на современные баллистические и крылатые ракеты наземного нападения для нацеливания на военные объекты США на островах Окинава и Гуам. Китайские противокорабельные крылатые ракеты используются военными кораблями, подводными лодками и самолетами, которые патрулируют воды вдоль побережья КНР. Между тем КНР полагается на истребители и сложную сеть платформ противовоздушной и противоракетной обороны для «ПВО», используя отечественные оборонительные системы, а также российские С-300.

Во время 19-го съезда КПК в октябре 2017 г. председатель Си объявил о целях преобразования операций и возможностей НОАК, включая продвижение всеобъемлющей программы военной модернизации, которая направлена на «в основном» завершение военной модернизации к 2035 г. и преобразование НОАК в вооруженные силы «мирового класса» к 2049 г.⁴⁵³ В период с 2017 по 2021 гг. НОАК продолжала добиваться прогресса в проведении крупных структурных реформ, развертывании современных систем, повышении готовности и повышении своей компетенции для проведения совместных операций.

КНР освоила технологию создания «гиперзвуковых планирующих аппаратов». С точки зрения КНР, преимущество гиперзвуковых планирующих летательных аппаратов, как обычных, так и ядерных, состоит в том, что они не могут быть обнаружены и уничтожены какой-либо доступной в настоящее время системой защиты. Помимо нынешней базы в Джибути, КНР стремится создать более надежную внешнюю логистику и базовую инфраструктуру для проецирования и поддержания военной мощи на больших расстояниях.

---

⁴⁵³ Fravel M. China's "World-Class Military" Ambitions: Origins and Implications // The Washington Quarterly. 2020. 43(1). P. 85-99.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертации исследуется политика администрации Д. Трампа в отношении КНР с 2017 г. до 2021 г. и ее долгосрочных последствий с политической, экономической, военной, технологической и культурной точек зрения. Данная тема весьма актуальна, так как китайско-американские отношения являются одними из самых важных двусторонних отношений в международной системе. В эпоху Д.Трампа они столкнулись с самыми большими проблемами за четыре десятилетия. Возвращение Д.Трампа в Белый дом в 2025 г. придает дополнительную актуальность данному исследованию, так позволяет понять и отчасти даже спрогнозировать американскую политику по отношению к КНР в последующие годы.

По результатам представленных исследований, автор приходит к следующему выводу:

«Большая стратегия» США является фундаментальной основой внешней политики США. Элементами стратегии являются теория «баланса сил» и «властного транзита». Сущность «Большой стратегии» заключается в поддержании гегемонистского статуса США в международных отношениях и предотвращении появления региональных гегемонов на евразийском континенте.

Взгляды Д.Трампа, которые можно охарактеризовать термином «трампизм», с одной стороны, достаточно традиционны, даже архаичны и имеют немало общего с «джексонианским популизмом» 20-х гг XIX века. С другой стороны, популистские и националистические лозунги «трампизма» в значительной степени отражают меняющийся внутривнутриполитический и социально-экономический климат США. «Траманизм» представляет собой своеобразную реакцию на глобализацию и обострившуюся конкурентную среду. «Траманизм» стратегически логичен с точки зрения «Большой Стратегии» США. На национальном уровне «трампизм» стал не просто явлением, но и новым паттерном в американской политике; на глобальном

уровне, тенденции популизма и деглобализации могут оказать глубокое влияние или даже изменить структуру современных международных отношений.

Политика США в отношении КНР является элементом «Большой Стратегии» США, поскольку подъем КНР бросает вызов глобальному статусу и национальным интересам США, что является ключевым вопросом в дебатах по поводу упадка Америки. Китайский вектор внешней политики США трансформировался на протяжении истории, видоизменяясь от политики сдерживания к политике сотрудничества и, наконец, приобрел все более конфронтационный характер в последние годы.

Администрация Д. Трампа в первый срок его президентства проводила по отношению к КНР политику «конфронтации» и «сдерживания» практически по всем направлениям двусторонних отношений. Администрация Д. Трампа рассматривала КНР как «стратегического соперника» и «ревизионистскую страну», стремящуюся произвести ревизию, то есть пересмотр сложившейся системы международных отношений. США значительно активизировали свои усилия по вмешательству во внутренние дела КНР по проблемам Тайваня, Гонконга, Синьцзяна и Тибета и использовали тактику политизации всех вопросов, связанных с КНР, например по таким направлениям, как COVID-19 и культурный обмен. Более того, администрация Д.Трампа также приложила большие усилия для формирования глобальной антикитайской коалиции путем пропаганды «китайской угрозы».

Торговая война, начатая администрацией Д.Трампа, лучше всего отражала его конфронтационную политику по отношению к Китаю. Прежде всего следует отметить, что обвинения в адрес КНР, которые выдвигала администрация Д.Трампа в качестве обоснования своей политики, были совершенно необоснованными. Дефицит торгового баланса США возник еще в тот период, когда Америка не поддерживала торговых отношений с КНР. Тем не менее США, стремясь изменить торговый баланс, наложили

множество санкций и ограничений на КНР, таких как экспортный контроль, ограничение инвестиций и «черный список» китайских корпораций, якобы нарушавших американское законодательство.

В период первого президентства Д. Трампа значительно усилилось присутствие США в Индо-Тихоокеанском регионе, особенно в Южно-Китайском море, за счет поведения операций по «свободе навигации» и военных учений с союзниками в этом регионе. США также упрочили связи с Тайванем за счет продажи оружия. США превратили «Квад» в «Квад +», и также укрепили военные связи с союзниками, чтобы сформировать «всеобъемлющее военное окружение» КНР. В технологическом секторе администрация Д. Трампа определила связь 5G, искусственный интеллект и квантовую информатику в качестве национальных приоритетов исследований и разработок, приложив все свои усилия для повышения технологической компетентности США, чтобы конкурировать с КНР.

Последствия конфронтационной политики США по отношению к Китаю ощутили все страны и в первую очередь сами Соединенные Штаты. Парадоксальным образом тарифы и запреты, призванные снизить дефицит торгового баланса и увеличить рабочие места в США, привели к прямо противоположному результату: дефицит вырос, количество рабочих мест уменьшилось. Вместо ожидаемого возвращения в США предприятий из Китая промышленное производство перебазировалось в другие азиатские страны. Возросли издержки производства, были нарушены сложившиеся экономические связи и налаженные поставки.

Военные и дипломатические усилия администрации Д. Трампа способствовали возрастанию напряжения в мире. Двусторонние отношения США и КНР на сегодняшний день можно охарактеризовать как «стратегическое соперничество». Из-за политики администрации Д. Трампа двусторонние отношения становились все более недружественными. Область конфронтации резко увеличилась, область сотрудничества столь же резко сократилась. После четырех десятилетий стабильного в целом развития

двусторонние отношения стали более сложными, чем раньше.

Политика администрации Д. Трампа в отношении КНР, очевидно, представляла собой серьезный вызов для КНР. Санкции, ограничения, тарифы негативно сказались на китайской экономике. Вместе с тем эти меры также открыли новые возможности. В ответ на американское давление правительство КНР разработало ряд контрмер, направленных на стимулирование экономического роста, социального развития, ускорение научно-технического прогресса, укрепление китайских позиций в международных организациях, поиск новых рынков сбыта и новых партнеров. В арсенале КНР инициатива «Один пояс и один путь» и другие широкомасштабные проекты. Нельзя не отметить стратегический союз КНР и Российской Федерации, расширение связей с БРИКС и так далее.

С политической точки зрения, нынешнее стратегическое соперничество КНР и США бросает вызов международной системе впервые за последние 70 лет, а также ставит под вопрос о самом существовании этой системы. Новая международная система утверждает себя с появлением КНР и Индии в качестве экономических центров силы наряду с Северной Америкой, ЕС, Японией и Россией. Возникновение многополярного мира меняет глобальный баланс и подрывает основу американского доминирования.

Конфронтационную политику Д.Трампа нельзя считать изолированным явлением, порожденным его личными качествами. Конечно, непредсказуемость и непоследовательность американского президента внесла свой вклад во внешнюю политику. Но в целом она была направлена на сохранение гегемонизма США и отражала интересы американского правящего класса. Характерно, что при всем различии между республиканской и демократической партиями антикитайская политика была единственной сферой, в которой сложился двухпартийный консенсус. Республиканцы и демократы в Конгрессе и Сенате США с одинаковой готовностью голосовали за ограничения и санкции, вводимые в отношении КНР.

Не случайно, что администрация следующего президента-демократа Дж. Байдена в значительной степени сохранила политику и подходы администрации Д. Трампа в отношении КНР. В политическом и дипломатическом плане Вашингтон координировал свои действия и объединился с европейскими и азиатскими союзниками, чтобы сформировать так называемую «демократическую коалицию» и «общее будущее» против «недемократической авторитарной системы» КНР. Вашингтон пригласил Тайвань принять участие в «Саммите за демократию», в то время как высокопоставленные американские чиновники продолжали посещать остров. Визит спикера Палаты представителей Н. Пелоси на Тайвань в 2022 году стал причиной значительного ухудшения двусторонних отношений в эпоху Байдена. Администрация Дж. Байдена особенно сосредоточилась на дипломатической координации в рамках таких крупных блоков, как «Большая семерка», для укрепления своей антикитайской коалиции. Из-за давления Вашингтона члены «Большой семерки» единогласно критиковали КНР по ряду вопросов. Вашингтон также ввел дипломатический бойкот зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине, политизируя спорт.

С торгово-экономической точки зрения администрация Дж. Байдена продолжала политику Трампа. Она сохранила тарифы Трампа на китайский импорт, применяла санкции к китайским должностным лицам за политику в Гонконге и Синьцзяне, внесла в черный список значительное количество китайских компаний и расширила введенный в эпоху Д. Трампа запрет на американские инвестиции в китайские фирмы.

С военной точки зрения администрация Дж. Байдена, очевидно, ускорила усилия по созданию военных блоков. Создание «АУКУС» США, Великобританией и Австралией в 2021 году является убедительным свидетельством того, что возглавляемая США коалиция противостоит КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. Администрация Дж. Байдена также формировала аналог азиатского НАТО, ядром которого являются США, Австралия, Япония и Республика Корея, а Вьетнам и Филиппины станут

новыми членами. Вашингтон обострил технологическую войну с КНР в таких ключевых секторах, как полупроводники и ИИ, посредством широкого спектра экспортного контроля и торговых ограничений, стремясь полностью заблокировать доступ КНР к западным технологиям и исключить КНР из глобальной цепочки поставок. Таким образом, можно сделать вывод о существовании нерушимого двухпартийного консенсуса в США по долгосрочному противодействию КНР.

В 2025 г. после четырехлетнего перерыва начался второй президентский срок Д. Трампа. После победы на президентских выборах он наглядно продемонстрировал намерение продолжать конфронтацию в духе трампизма. Об этом свидетельствует подбор его ближайших помощников, включая государственного секретаря М. Рубио и советника по национальной безопасности (до 1 мая 2025 г.) М. Уолца. Непримирымый критик Китая П. Наварро является советником президента по экономической и торговой политике во второй администрации. Все это указывает на долгосрочный конфронтационный характер двусторонних отношений США и КНР с дипломатической, военно-политической, и торгово-экономической точки зрения.

Не прошло и полугодия с момента вторичного вступления Д.Трампа в Белый дом, как американское правительство ввело массу запретительных тарифов не только в отношении Китая, но также в отношении 185 стран, включая давних стратегических партнеров США. Это уже вызвало потрясение и хаос на мировом рынке. Заявление Д. Трампа о желании присоединить Канаду, Гренландию и вернуть Панамский канал раскрывают его план по созданию новой «Американской империи» и соответствуют логике «трампизма».

Вероятно, мир вступает в эпоху долгосрочного американо-китайского соперничества. Второй президентский срок Д. Трампа обещает продолжение конфронтации. Более рациональная политика Вашингтона могла бы способствовать уменьшению напряженности и поиску компромиссов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Двусторонние документы

1. Economic And Trade Agreement Between The Government Of The United States Of America And The Government Of The People's Republic Of China // Office of the U.S. Trade Representative. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf – 06.03.2025.

Нормативно-правовые акты и официальные документы государственных органов США

2. A Free And Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // U.S. Department of State. November 4, 2019. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> – 06.03.2025.

3. African Growth and Opportunities Act (AGOA) // Office of the U.S. Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-development/preference-programs/african-growth-and-opportunity-act-agoa#:~:text=AGOA%20provides%20eligible%20sub%2DSaharan,Generalized%20System%20of%20Preferences%20program.> – 06.03.2025.

4. American Broadband Initiative // US Department of Commerce. URL: <https://www.ntia.doc.gov/category/american-broadband-initiative> – 06.03.2025.

5. Asia EDGE-Enhancing Development and Growth through Energy // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/asia-edge/> – 06.04.2024.

6. Asia Reassurance Initiative Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 31, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ409/PLAW-115publ409.pdf> – 06.03.2025.

7. Better Utilization of Investments Leading to Development Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. July 11, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/crpt/hrpt814/CRPT-115hrpt814.pdf> – 06.03.2025.

8. Blue Dot Network // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/blue-dot-network/> – 06.03.2025.

9. Confucius Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 10, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/939/text> – 06.03.2025.

10. Consolidated Appropriations Act, 2020 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 20, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ93/PLAW-116publ93.pdf> – 06.03.2025.

11. Countering Chinese Communist Party Malign Influence Act //

Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. August 4, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7937/text> – 06.03.2025.

12. COVID-19 Accountability Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. May 14, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6863/text?r=95&s=1> – 06.03.2025.

13. Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/digital-connectivity-and-cybersecurity-partnership/> – 06.03.2025.

14. Entity List // US Department of Commerce. URL: <https://2017-2021.commerce.gov/tags/entity-list.html> – 06.03.2025.

15. Executive Order 13959 of November 12, 2020. Addressing the Threat from Securities Investments that Finance Communist Chinese Military Companies // Washington D.C.: The White House, November 12, 2020. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-addressing-threat-securities-investments-finance-communist-chinese-military-companies/> – 06.03.2025.

16. Executive Order 13942 of August 6, 2020. Addressing the Threat Posed by TikTok, and Taking Additional Steps To Address the National Emergency With Respect to the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Washington D.C.: The White House, August 6, 2020. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-08-11/pdf/2020-17699.pdf> – 06.03.2025.

17. Executive Order 13873 of May 15, 2019. Executive Order on Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Washington D.C.: The White House, May 15, 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-05-17/pdf/2019-10538.pdf> – 06.03.2025.

18. Executive Order 13859 of February 11, 2019. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // Washington D.C.: The White House, February 11, 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-02-14/pdf/2019-02544.pdf> – 06.03.2025.

19. Executive Order 10043 - Proclamation on the Suspension of Entry as Non-immigrants of Certain Students and Researchers From the People's Republic of China // Washington D.C.: The White House, May 29, 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/proclamation-suspension-entry-nonimmigrants-certain-students-researchers-peoples-republic-china/> – 06.03.2025.

20. Executive Order 13936: The President's Executive Order on Hong Kong Normalization // Washington D.C.: The White House, July 2020. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202000515/pdf/DCPD-202000515.pdf> – 06.03.2025.

21. Export Control Reform Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. February 15, 2018. URL:

- <https://www.congress.gov/115/bills/hr5040/BILLS-115hr5040ih.pdf> – 06.03.2025.
22. Findings Of The Investigation Into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of The Trade Act of 1974 // Office of the U.S. Trade Representative. March 22, 2018. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> – 06.03.2025.
23. Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 27, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5841/BILLS-115hr5841pcs.pdf> – 06.03.2025.
24. Growth in the Americas (América Crece) // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/America-Crece-One-Pager-003-508.pdf> – 06.03.2025.
25. Holding Foreign Companies Accountable Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 18, 2020. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ222/PLAW-116publ222.pdf> – 06.03.2025.
26. Hong Kong Autonomy Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. July 14, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7440/text> – 06.03.2025.
27. Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. October 16, 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3289/text> – 06.03.2025.
28. Indo-Pacific Deterrence Initiative // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. April 2020. URL: <https://www.congress.gov/116/bills/hr6613/BILLS-116hr6613ih.pdf> – 06.03.2025.
29. Indo-Pacific Strategy Report // U.S. Department of Defense. June 1, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> – 06.03.2025.
30. Indo-Pacific Transparency Initiative // U.S. Department of State. November 3, 2019. URL: <https://vn.usembassy.gov/fact-sheet-indo-pacific-transparency-initiative/> – 06.03.2025.
31. Information About the Department of Justice's China Initiative and a Compilation of China-Related Prosecutions Since 2018 // Archives. U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/nsd/information-about-department-justice-s-china-initiative-and-compilation-china-related> – 06.03.2025.
32. Infrastructure Transaction and Assistance Network (ITAN) // USAID. July 2018. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/USAID_ITAN_Fact

_Sheet_080719.pdf - 06.03.2025.

33. Military And Security Developments Involving The People's Republic Of China // U.S. Department of Defense, Annual Report to Congress. URL: <https://china.usc.edu/departments-defense-military-and-security-developments-involving-peoples-republic-china-2020> – 06.03.2025.

34. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 2017. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ91/PLAW-115publ91.pdf> – 06.03.2025.

35. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. August 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ232/PLAW-115publ232.pdf> – 06.03.2025.

36. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ92/PLAW-116publ92.pdf> – 06.03.2025.

37. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. January 2021. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6395/text> – 06.03.2025.

38. National Quantum Initiative Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. December 21, 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ368/PLAW-115publ368.pdf> – 06.03.2025.

39. Oversight and Re-authorization of The Export-Import Bank of The United States // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 27, 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116shrg37922/html/CHRG-116shrg37922.htm> – 06.03.2025.

40. Prosper Africa initiative // URL: <https://www.prosperafrica.gov/>

41. Report on The cost of Trump's foreign policy: Damage and consequences // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. October 21, 2020. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CPRT-116SPRT44275/html/CPRT-116SPRT44275.htm> – 06.03.2025.

42. Section 232. Investigation on the Effect of Imports of Steel on U.S. National Security // US Department of Commerce. URL: [https://www.commerce.gov/issues/trade-enforcement/section-232-steel#:~:text=Section%20232%20of%20the%20Trade%20Expansion%20Act%20of%201962%20\(19,security%20of%20the%20United%20States](https://www.commerce.gov/issues/trade-enforcement/section-232-steel#:~:text=Section%20232%20of%20the%20Trade%20Expansion%20Act%20of%201962%20(19,security%20of%20the%20United%20States) – 06.03.2025.

43. Section 301. Responses to certain trade practices of foreign governments. Trade Act of 1974 // US Department of Commerce. January. 3, 1975. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-88/pdf/STATUTE-88-Pg1978-2.pdf> – 06.03.2025.

44. Taiwan Assurance Act of 2019 // Washington D.C.: U.S.

Government Publishing Office. May 8, 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2002/text> – 06.03.2025.

45. Taiwan Travel Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. March 16, 2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text> – 06.03.2025.

46. The Elements of the China Challenge // Washington D.C.: The Policy Planning Staff Office of the Secretary of State. November 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> – 09.03.2024.

47. The Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. January, 2019. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf – 06.03.2025.

48. The National Defense Strategy of the United States of America // U.S. Department of Defense. January, 2018. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. – 06.03.2025.

49. The National Security Strategy of the United States of America // Washington D.C.: The White House, December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; – 06.03.2025.

50. The National Security Strategy of the United States of America // Washington D.C.: The White House, October 12, 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> – 30.05.2025.

51. The Nuclear Posture Review // U.S. Department of Defense. February, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> – 06.03.2025.

52. The U.S. Strategic Approach To The People's Republic Of China // Washington D.C.: The White House, May 2020. URL: <https://china.usc.edu/trump-administration-us-strategic-approach-peoples-republic-china-may-20-2020> – 06.03.2025.

53. The U.S. strategic framework for the Indo-Pacific // Washington D.C.: The White House, January 2021. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> – 06.03.2025.

54. Tibetan Policy and Support Act of 2019 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. January 30, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4331/text?format=txt&r=3&s=1> – 06.03.2025.

55. Uyghur Forced Labor Prevention Act // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. September 23, 2020. URL:

<https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6210/text> –
06.03.2025.

56. Uyghur Human Rights Policy Act of 2020 // Washington D.C.: U.S. Government Publishing Office. June 17, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3744/text> –
06.03.2025.

Официальные документы государственных органов КНР

57. Инициатива «Один пояс, один путь». Госсовет КНР. URL: <http://english.gov.cn/beltAndRoad/>. – 06.03.2025.

58. Концепция «Мирное развитие Китая». URL: <http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm>.

59. Национальная стратегия «Сделано в Китае 2025». Госсовет Китая, 7 июля 2015 г. URL: <http://www.cittadellascienza.it/cina/wp-content/uploads/2017/02/IoT-ONE-Made-in-China-2025.pdf>.

60. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/46076.htm>.

61. Domestic-international dual circulation. China's Dual Circulation an Active Choice and Long-Term Strategy: Official. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-10-30/China-s-dualcirculation-an-active-choice-and-long-term-strategy-V0kW26SOu4/index.html>. – 06.03.2025.

Документы международных организаций

62. WTO. Procedures to Enhance Transparency and Strengthen Notification Requirements under WTO Agreements. General Council, Council for Trade in Goods. 1 November 2018. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/january/tradoc_157633.pdf –
05.04.2024.

Выступления и речи официальных лиц, меморандумы

63. Secretary Michael Pompeo's Remarks at the Richard Nixon Presidential Library and Museum: "Communist China and the Free World's Future" // July 23, 2020. California. URL: <https://mn.usembassy.gov/speech-secretary-pompeo-07-23-2020/> – 10.03.2024.

64. Secretary Michael Pompeo's Remarks "The China Challenge" at the Hudson Institute // October 30, 2019. URL: <https://sv.usembassy.gov/secretary-pompeo-the-china-challenge/> – 10.03.2024.

65. Vice President Pence's Remarks on the Administration's Policy Toward China at the Hudson Institute // October 4, 2018. U.S. Embassy and Consulates in China. URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/remarks-by-vice-president-pence-on-the-administrations-policy-toward-china/> – 10.03.2024.

Статистические и справочные данные

66. Всемирный банк. URL: <https://www.worldbank.org/>.

67. Всемирная торговая организация. URL: <https://www.wto.org/>
68. Министерство обороны США. URL: <https://www.defense.gov/>.
69. Министерство торговли КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>.
70. Министерство торговли США. URL: <https://www.usa.gov/federal-agencies/u-s-department-of-commerce>.
71. Агентство США по торговле и развитию. URL: <https://ustda.gov/>
72. Агентство США по международному развитию (АМР США). URL: <https://www.usaid.gov/>
73. Министерство национальной обороны КНР. URL: <http://eng.mod.gov.cn/>.
74. Бюро статистики КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>.
75. Правительство КНР. URL: <http://www.gov.cn/>.
76. МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/>.
77. Государственный департамент США. URL: <http://www.state.gov/>.
78. Индо-Тихоокеанский бизнес-форум. URL: <https://www.indopacificbusinessforum.com/>

ЛИТЕРАТУРА

Научные монографии

На русском языке:

79. Гингрич Н. Понимая Трампа. Правдивая история о человеке, а не о президенте. – Бомбора, 2018. – 480 р.
80. Кобзева М.А. Современная арктическая политика Китая. – Издательство: Санкт-Петербургского университета, 2019. – 226 с.
81. Коронованная пандемия и зачарованный мир : монография / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой ; Издательство Южного федерального университета, 2020. – 408 с.
82. Международные отношения: грани настоящего и будущего / [под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой] / Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. – 472 с.
83. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 182 с.
84. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России : рабочая тетрадь РСМД № 49 /2019/ [И. А. Истомин; гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2019. – 44 с.
85. «Санкционные политики великих держав: эффекты для международной системы» // Лонгрид сессии XXII Апрельской конференции НИУ ВШЭ. 2021. 29 с.
86. США–Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 65 с.
87. Тимофеева И. Н. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. – Издательство: НП РСМД, 2020. – 454 с.

88. Трамп Д. Дональд Трамп. Искусство сделки. М.: Эксмо, 2023 г. 336 с.
89. Феномен Трампа: монография / под ред. А.В. Кузнецова ; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – Москва : ИНИОН, 2020. – 642 с.

На английском языке:

90. Art R. America's Grand Strategy and World Politics. – New York: Routledge, 2008. – 408 p.
91. Bernstein R., Munro R. The Coming Conflict with China. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1998. – 272 p.
92. Brands H. American Grand Strategy in the Age of Trump. – California.: Brookings Institution Press, 2018. – 256 p.
93. Brands H. What Good is Grand Strategy? Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush. – Cornell University Press, 2014. – 288 p.
94. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. – Cambridge: Harvard International Review, 1997. – 256 p.
95. Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. Third Edition. – London: Palgrave. 2002. – pp. 231—232.
96. Chacko P., Wilson J. Australia, Japan and India: A trilateral coalition in the IndoPacific? // Perth, US Asia Center. –September 2020. – 38 p.
97. Chase M., Blank J. Regional Responses to U.S.-China Competition in the Indo-Pacific: Study Overview and Conclusions. – California.: RAND Corporation, 2020. – 156 p.
98. Chase M., Moroney J. Regional Responses to U.S.-China Competition in the Indo-Pacific: Australia and New Zealand. – California.: RAND Corporation, 2020. – 120 p.
99. Corr A. Great Powers, Grand Strategies: The New Game in the South China Sea. – Washington D.C.: US Naval Institute Press, 2017. – 336 p.
100. Dollar D., Hass R., Kagan R. Avoiding War: Containment, Competition and Cooperation in US-China Relations. – Washington D.C.: Brookings, 2017. – 21 p.
101. Gaddis J. On Grand Strategy. – New York: Penguin Press, 2018. – 384 p.
102. Gompert D. War with China. Thinking Through the Unthinkable. – California.: RAND Corporation, 2016. – 116 p.
103. Graham A. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – 384 p.
104. Hart M., Magsamen K. Limit, Leverage, and Compete: A New Strategy on China. – Center for American Progress, 2019. – 50 p.
105. Hass R., Williams R. The future of US policy toward China: Recommendations for the Biden administration. – Washington D. C.: The Brookings Institution, 2020. – 116 p.
106. Hawksley H. Asian Waters: The Struggle Over the South China Sea and the Strategy of Chinese Expansion. – N.Y.: Harry N. Abrams, 2018. – 304 p.

107. Herrick C. China's Peaceful Rise: Perceptions, Policy and Misperceptions. – Manchester: Manchester University Press, 2016. – 416 p.
108. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon and Schuster, 2011. – 368 p.
109. Johnson M., Finley L. Trumpism: The Politics of Gender in a Post-Propitious America. – Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 230 p.
110. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Vintage Books, 1989. – 704 p.
111. Klieman A. Great Powers and Geopolitics International Affairs in a Rebalancing World. – Springer International Publishing Switzerland, 2015. – 264 p.
112. Leoni Z. American Grand Strategy from Obama to Trump. – New York.: Palgrave Macmillan, 2022. – 266 p.
113. Martinelli A. When Populism Meets Nationalism. Reflections on Parties in Power. Milan.: LediPublishing, 2018. – 164 p.
114. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton & Co, 2014. 592 p.
115. Nye J., Allison G., Blackwill R., Campbell K. The Struggle for Power: US-China Relations in the 21st Century. – The Aspen Institute, 2020. – 170 p.
116. Organski A. F. K. World Politics. – New York: Alfred A. Knopf, 1968. – 509 p.
117. Posen B. Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. – Cornell University Press, 2015. – 256 p.
118. Renshon S., Suedfeld P. The Trump Doctrine and the Emerging International System. – New York.: Palgrave Macmillan, 2020. – 470 p.
119. Scobell A. China 2050: How the US should prepare for an ascendant China. – California.: RAND Corporation, 2018. – 173 p.
120. Sutter R. The United States and Asia: Regional Dynamics and Twenty-First-Century Relations. – Rowman & Littlefield Publishers, 2019. – 362 p.
121. Swaine M., Tellis A. Interpreting China's Grand Strategy: Past, Present, and Future. – California: RAND Corporation, 2000. – 308 p.
122. Tellis A. Balancing Without Containment: An American Strategy for Managing China. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2014. – 105 p.
123. Turner O., Parmar I. The United States in the Indo-Pacific: Obama's Legacy and the Trump Transition. – Manchester University Press, 2020. – 272 p.
124. U.S. House Committee. The U.S.-China Intellectual Property Rights Agreement: Implications for U.S.-Sino Commercial Relations. – Washington D.C.: Palala Press, 2018. – 80 p.
125. Yan X.T. Chapter2: Leadership and Strategic Preferences, in Leadership and the Rise of Great Power. – New Jersey: Princeton University Press, 2019. P.25-53.

На китайском языке:

126. 都国庆 Доу Гоцин. 美国百年全球战略 (Столетняя глобальная стратегия Соединенных Штатов). – Академическое издательство социальных

наук, Пекин, 2024. – 360 с.

127. 门洪华 Мэн Хунхуа. 霸权之翼：美国国际制度战略 (Крылья гегемонии: международная институциональная стратегия Америки). – Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. – 353 с.

128. 门洪华 Мэн Хунхуа. 构建中国“大战略”的框架-国家实力, 战略观念与国际制度-(第二版) Создание структуры «Большой стратегии» Китая - Национальная мощь, стратегические концепции и международные институты - (Второе издание). – Издательство Пекинского университета, Пекин, 2017. – 416 с.

129. 黄硕风 Хуан Шуофэн. 综合国力新论 (Новая теория «комплексной государственной мощи»). – Издательство социальных наук Китая, Пекин, 1999. – 389 с.

130. 周柏林 Чжоу Болин. 美国新霸权主义 (Новая американская гегемония). – Народное издательство Тяньцзиня, Тяньцзинь, 2002. – 354 с.

131. 阎学通 Янь Сюэту. 美国霸权与中国安全 (Американская гегемония и безопасность Китая). – Тяньцзиньское народное издательство, Тяньцзинь, 2000. – 280 с.

132. 阎学通 Янь Сюэту. 历史的惯性 (Инерция истории). – Издательство CITIC, Пекин, 2013. – 259 с.

133. 阎学通 Янь Сюэту. 大国领导力(Лидерство великой державы). – Издательство CITIC, Пекин, 2020. – 304 с.

134. 阎学通 Янь Сюэту. 国际政治与中国 (Международная политика и Китай). – Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. – 283 с.

135. 阎学通 Янь Сюэту. 道义现实主义与中国崛起战略 (Моральный реализм и стратегия подъема КНР) – Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2018. – 465 с.

136. 阎学通 Янь Сюэту. 世界权力的转移：政治领导与战略竞争 (Смена мировой власти: политическое лидерство и стратегическая конкуренция). – Издательство Пекинского университета, Пекин, 2015. – 296 с.

Научная периодика

На русском языке:

137. Аксенов П.А. Регулирование иностранных инвестиций в США: ограничения в условиях торговой войны // Международная торговля и торговая политика. – 2019. – (4). – Р. 31-41.

138. Астафьева Е. М., Малетин Н. П. Американо-китайская торговая война: реакция Сингапура // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. – №1. – С.174-186.

139. Варфаловская Р.А. Развитие внешней торговли Китая в условиях глобализации и «торговых войн» США // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 6. – С. 85—91.

140. Васильев Д. В., Шавлай Э. П. Южно-Китайское Море в противостоянии КНР и США в Азии // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – Р. 61-66.

141. Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американско-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – № XXIV. – С. 187-206.
142. Воробьёв В.Я. Будущее американско-китайских отношений при администрации Дональда Трампа // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – 9(6). – С. 60-75.
143. Гарусова Л.Н. Индия и США: формирования Индо-Тихоокеанского геополитического пространства // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – 18. – С. 65-84.
144. Графов Д.Б. Отношения Китая и США в связи с территориальным спором в Южно-китайском море // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 9. – С. 24-39.
145. Графов Д.Б. Цели, интересы, стратегии КНР и США как главных акторов территориального спора в Южно-Китайском море // Вестник Института востоковедения. – 2018. – №1. – С.149-161.
146. Давыдов А. Ю. Торговая политика администрации Трампа // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2020. – № 10. – С. 40-53.
147. Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. № 2. – С. 275–303.
148. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210-231.
149. Дмитриев С. С. Американско-китайское технологическое соперничество: от “высокомерия” к бойкоту // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 12 (64). – С. 70-77.
150. Зверева В. С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 2. – С. 171–183.
151. Емельянов Е. В. Внешнеторговый курс Дональда Трампа: планы и реалии // Международная торговля и торговая политика. – 2018. – (2). – С. 73-82.
152. Иванов О. П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // Обозреватель. – 2020. – 7. – С. 39-52.
153. Каменнов П. Б. ВПК КНР в экономическом строительстве // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №6 (731). – С. 2-9.
154. Кашин В., Крашенинникова Л., Пятачкова А. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 7(64). – С. 49-59.
155. Клименко А.С. Развитие экономических отношений России и Китая посредством внешнего транспортного сообщения // Modern Science. – 2022. – № 5(1). – С. 45–48
156. Ковалева Т.К. Иностранные инвестиции и национальная

безопасность: Закон о модернизации анализа риска, связанного с иностранным инвестированием, от 13 августа 2018 г. как новый этап эволюции парадигмы обеспечения национальной безопасности США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Том 9. № 1А. – С. 173-188.

157. Королев А. С., Апасова А. М. АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 8. – С. 13-19.

158. Крамарова Е. Н. Технологическая политика администрации Д. Трампа: поиск баланса технонационализма и техноглобализации // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 2 (65). – С. 128-145.

159. Кузнецов Д.В. О взаимоотношениях США КНР в начальный период президентства Д. Трампа // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 5. – С. 32–46.

160. Кузнецова Г. В. Путь Китая к цифровому лидерству // Международная торговля и торговая политика. – 2021. – Том 7. № 2 (26). – С. 17-29.

161. Локшин Г.М. Доктрина Трампа — курс на создание нового блока в Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 3. – С. 4—18.

162. Лю Фэнхуа. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // Сравнительная политика. – 2019. №2 – С. 118-134.

163. Михеев В., Луконин С. Китай–США: многовекторность “торговой войны” // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – 63 (5). – Р. 57-66.

164. Михневич С.В. «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – №4. – С. 237-255.

165. Морозова В.А. Влияние «Трампизма» на экономические отношения КНР и США // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – 4(24). – С. 49-53.

166. Мосяков Д.В., Шпаковская М.А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2018. – №3 (40). – С. 5-11.

167. Пиреш М., Насименту Л. Доктрина Монро 2.0 и трехсторонние отношения США, Китая и Латинской Америки // Вестник международных организаций. – 2020. – 15 (3). – С. 202–222.

168. Погодин С. Н., Ягья Т. С. О развитии торговых американо-китайских отношений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 3. – С. 26–38.

169. Полончук Р. А. Особенности военной политики КНР на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – №1 С. 89-105.

170. Полончук Р. А., Явчуновская Р. А. Сотрудничество России и Китая в сфере обеспечения обороны и безопасности на современном этапе развития // Endless light in science. – 2023. – С. 69-76.

171. Попкова В. П., Петрова И. А., Кигаи И. Н. Выборы 2016 года в США и перспективы политики Дональда Трампа // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2017. – 2.

172. Райков Ю. А. Фактор АСЕАН в политике США в Восточной Азии // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – 50 (2). – С. 97-113.
173. Рогова Н. В. Выборы 2016 года в США: итоги и перспективы // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2017. – 2 (566). – С. 20-38.
174. Супян В. Б. Внешнеэкономические реформы Д.Трампа: предварительные итоги // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2020. – 4 (). – С. 5-22.
175. Ткаченко К. А. Китайские инфраструктурные проекты в Африке // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №2 (727). – С. 41-44.
176. Торкунов А.В. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – 63 (6). – Р. 25-37.
177. Труш С. М. Отношения КНР и США в экономической сфере: двусторонние связи и многосторонние экономические проекты // Сравнительная политика. – 2017. – 8(3). – С. 52-71.
178. Хлопов О.А. Военно-политическая стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: китайский фактор // Мировая политика. – 2019. – № 3. – С. 47 - 59.
179. Худайкулова А. В., Рамич М. С. “Квад 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 23-43.
180. Швыдко В.Г., Ключева Е.А. Япония И США: Сравнительный анализ новых подходов к двухсторонним отношениям // Сравнительная политика. – 2020. – 11(1). – С. 75-87.
181. Урнов А. Ю. Новая африканская стратегия администрации Д.Трампа // Азия и Африка сегодня. – 2019. – №5. – С. 6-13.
182. Юнюшкина А.С., Шаповалова К.А., Кудакаев Р.Ф., Понька Т.И. — Позиции Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе // Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 34 - 54.

На английском языке:

183. Arežina S. U.S.-China Relations Under the Trump Administration: Changes and Challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. – 2019. – 5 (3). – Р. 289–315.
184. Art R. The United States and the Rise of China: Implications for the Long Haul // Political Science Quarterly. – 2010. – 125(3). – Р. 359-391.
185. Beiner R. The Plague of Bannonomism // Critical Review. – 2019. – 31(3). – Р. 300-314.
186. Bi S. Cooperation between China and ASEAN under the building of ASEAN Economic Community // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2021. – 10(1). – Р. 83-107.
187. Brands H., Edel C. A Grand Strategy of Democratic Solidarity // The Washington Quarterly. – 2021. – 44 (1). – Р. 29-47.
188. Brands H. Choosing Primacy: U.S. Strategy and Global Order at the Dawn of the Post-Cold War Era // Texas National Security Review. – 2018. – 1 (2).

– P. 8-33.

189. Breslin S. China's Emerging Global Role: Dissatisfied Responsible Great Power // *Politics*. 2010. 30 (1). P. 52–62.

190. Chen Z. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // *The Pacific Review*. 2020. 33(3). P. 438–468.

191. Chen Ming-Jer, Pang Dalong. The US-china trade war: the competitive dynamics perspective // *Foreign Economics & Management*. – 2019. – 41(7). – P. 3-24.

192. Cheng G. China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. 22(2). P. 271—287.

193. Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J. L. Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. 19(1). P. 77—88.

194. Chong T. T. L., Li X. Y. Understanding the China - US trade war: causes, economic impact, and the worst-case scenario // *Economic and Political Studies*. – 2019. – 7(2). – P. 185 - 202.

195. Clark, M., Ricketts A. US Grand Strategy and National Security: The Dilemmas of Primacy, Decline and Denial // *Australian Journal of International Affairs*. – 2017. – Volume 71(5). – P. 479-498.

196. Dombrowski P., Reich S. Does Donald Trump Have a Grand Strategy? // *International Affairs*. – 2017. – 93 (5). – P. 1013–1037.

197. Foot R. Assessing the deterioration in China–U.S. relations: U.S. governmental perspectives on the economic-security nexus // *China International Strategy Review*. – 2019. – 1 (1). – P. 39–50.

198. Ford C. Ending the Strategic Holiday: U.S. Grand Strategy and a “Rising” China // *Asia Policy*. – 2014. – No.18. – P. 182-190.

199. Fravel M. China's “World-Class Military” Ambitions: Origins and Implications // *The Washington Quarterly*. – 2020. – 43(1). – P. 85-99.

200. Friedberg A. Competing with China // *Survival*. – 2018. – Vol. 60(3). – P. 7-64.

201. Friedman J. A. Is US grand strategy dead? The political foundations of deep engagement after Donald Trump // *International Affairs*. – 2022. – 98(4). – P. 1289–1305.

202. Gray C. Geography and grand strategy // *Comparative Strategy*. – 1991. – 10 (4). – P. 311-329.

203. Guo M. X., Lu L., Sheng L. G., et al. The day after tomorrow: Evaluating the burden of Trump's Trade War // *Asian Economic Papers*. – 2018. – 17(1). – P. 101-120.

204. Harding B. The Trump administration's Free and Open Indo-Pacific approach // *Southeast Asian Affairs*. – 2019. – P. 61-68.

205. Harding H. Has U.S. China Policy Failed? // *The Washington Quarterly*. – 2015. – 38 (3). – P. 95–122.

206. Heldt E., Mello P. Two-Level Games in Foreign Policy Analysis // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. – 2017. – P. 1-31.

207. Hu B. Sino-US Competition in the South China Sea: Power, Rules and Legitimacy // *Journal of Chinese Political Science*. – 2021. – 26(1). – P. 485-504.
208. Jones D., Khoo N. Donald Trump and the new Jacksonians Policy // *A Journal of Public Policy and Ideas*. – 2017. – 33(1). – P. 42.
209. Kennedy A., Lim D. The innovation imperative: technology and US-China rivalry in the twenty-first century // *International Affairs*. – 2018. – Vol. 94 (3). – P. 553-572.
210. Lai S. Active Defense: China's Military Strategy since 1949 by M. Taylor Fravel // *Global Policy Analysis*. – 2020. – 75(1). – P. 114-116.
211. Lieber R. The Rise of the BRICS and American Primacy // *International Politics*. – 2016. – 51 (2). – P. 137–154.
212. Maestrey R. A. Trumpism, Cuban Americans, and the Fetishism of Politics // *International Journal of Cuban Studies*. – 2023. – 15(2). – 152-174.
213. Mastanduno M. Trump's Trade Revolution // *The Forum*. – 2020. – 17(4). – P. 523–548.
214. Mearsheimer J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia // *The Chinese Journal of international Politics*. – 2010. – 3(1). – P. 381-386.
215. Motta B., Forner C., Milani L. Political extremism and hegemonic crisis: the case of far-right militias in the United States // *Revista Carta Internacional*. Belo Horizonte. – 2023. – 18(2). – P. 1-23.
216. Nye J. Power and Interdependence with China // *The Washington Quarterly*. – 2020. – Vol.43(1). – P. 7-21.
217. Pasandideh S. The End of the “INF Treaty” and the US-China Military Balance // *Nonproliferation Review*. – 2019. – 26. 3(4). – P. 267–87.
218. Porter P. Why America's Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the U.S. Foreign Policy Establishment // *International Security*. – 2018. – 42 (4). – P. 9–46.
219. Posen B., Ross A. Competing Visions for U.S. Grand Strategy // *International Security*. – 1997. – 21 (3). – P. 5-53.
220. Qiu L. D., Zhan C. Q. Wei X. An analysis of the China - US trade war through the lens of the trade literature // *Economic and Political Studies*. – 2019. – 7(2). – P. 148 – 168.
221. Samuelson P. Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization // *Journal of Economic Perspectives*. – 2004. – 18(3). – P. 135–46.
222. Selmi E., Errami Y. What Trump's China Tariffs Have Cost U.S. Companies? // *Journal of Economic Integration*. – 2020. – 35 (2). – P. 282-295.
223. Siracusa J., Hang N. U.S.-Vietnam Relations in the Trump Era // *Asian Affairs*. – 2020. – 50(4). – P. 602-618.
224. Steinbock D. U.S.-China Trade War and Its Global Impacts // *China Quarterly of International Strategic Studies*. – 2018. – 4 (4). – P. 515-542.
225. Strachan H. Strategy in theory; strategy in practice // *Journal of Strategic Studies*. – 2019. – 42(2). – P. 171-190.
226. Sun H. U.S.-China Tech War. Impacts and Prospects // *China Quarterly of International Strategic Studies*. – 2020. – 5 (2). – P. 197–212.

227. Tammen R., Kugler J. Power Transition and China-US Conflicts // Chinese Journal of International Politics. – 2016. – 1 (1). – P. 35–55.
228. Tang S. P. China and the future international order // Ethics and International Affairs. – 2018. – 32(1). – P. 31–43.
229. Wu. X. B. The United States, China, and the Indo-Pacific Strategy // China Review. – 2020. – Vol. 20 (3). – P. 127-142.
230. Xiao R. A reform-minded status quo power? China, the G20, and reform of the international financial system // Third World Quarterly. – 2015. – 36(11). – P. 2023–2043.
231. Yamazaki A., Osawa S. Asymmetry Theory and China–Philippines Relations with the South China Sea as a Case // East Asia (Piscataway). – 2021. – P. 1–20.
232. Yoshizaki T. Transformations of U.S. Offset Concepts and competitive strategies in the Asia Pacific Region // Revue Défense Nationale Volume. – 2018. – 812 (7). – P. 69-73.
233. Yu Z. The Power Transition Theory and Sino-U.S. Relations // International Relations Studies. – 2018. – 2. – P. 116.
234. Zhang Y., Wang F. Studying the narrative of US policy towards China: introducing China-related political texts in Congress // Humanit Social Science Communication. – 2023. – 10. – P. 431.

На китайском языке:

235. 王玲 Ван Лин. 关于综合国力的测度 (Об измерении комплексной государственной мощи) // «世界经济与政治». – 2006. – №.6. – С. 45–51.
236. 王缉思 Ван Цзисы. 保持遏制还是接触-冷战后美国对华政策评论 (Сохранение политики сдерживания) или «вовлечение» - комментируя политику США в отношении Китая после «холодной войны») // «现代国际关系研究». – 2016. – № 1. – С. 2-10.
237. 王缉思 Ван Цзисы. 世界政治进入新阶段 (Новая эра мировой политики) // «国际战略研究简报». – 2018. – №.62. – С. 1–10.
238. 汪帆 Ван Фан. 中美竞争性相互依存关系探析 (Конкурентная взаимозависимость между КНР и США) // «世界经济与政治». – 2008. – №.3. – С. 32.
239. 刁大明 Дяо Дамин. 从大国兴衰看中美竞争趋势 (Тенденции китайско-американского соперничества с точки зрения конкуренции великих держав) // «现代中国国际关系». – 2020. – № 11 (2). – С. 34-52.
240. 门洪华 Мэн Хунхуа. 关于美国大战略的框架性分析 (Анализ рамок «Большой стратегии» США) // «国际观察». – 2005. – №. 1. – С. 22-29.
241. 倪世雄 Ни Шисюн, Ван Ивэй. 霸权均势: 冷战后美国的战略选择 (Гегемонистский баланс сил: стратегический выбор Америки после холодной войны) // «美国研究». – 2000. – №. 1. – С. 7-23.
242. 陶文钊 Тао Вэньчжао. 金融危机与中美关系 (Финансовый кризис и китайско-американские отношения) // «和平与发展». – 2009. – №.4. – С. 28–

30.

243. 韩兆颖 Хань Чжаоинь. 国家战略的理性与不确定性逻辑——兼谈冷战结束后的美国大战略 (Рациональность и логика неопределенности национальной стратегии: о «Большой стратегии» США после окончания холодной войны) // «国际论坛». – 2023. – №. 2. – С. 22-40.

244. 胡鞍钢、门洪华 Ху Аньган., Мэн Хунхуа. 中美日俄印综合国力的国际比较 (1980-1998 年) (Международное сравнение комплексной государственной мощи Китая, США, Японии, России и Индии (1980-1998)) // «国情报告». – 2002. – №.5. – С. 58–81.

245. 曹建 Цао Цзян. 中国健康丝路倡议和全球健康合作(На пути к Шелковому пути здоровья Предложение КНР о глобальном сотрудничестве в области здравоохранения) // «中国国际战略研究». – 2020. – №. 6(1). – С. 19-35.

246. 漆海霞 Ци Хайся. 选边站还是左右逢源? ——论中国伙伴国在联合国的立场 (Принимать чью-либо сторону или играть на обеих сторонах? — О позициях стран-партнеров КНР в ООН // «当代亚太». – 2020. – №. 4. – С. 4-33.

247. 漆海霞 Ци Хайся. 王霸之道、中美竞争与新的世界秩序 (Путь истинного царя и гегемона, китайско-американское соперничество и новый мировой порядок) // «国际政治科学». – 2023. – №. 4. – С. 3-7.

248. 金 碚 Цзинь Пэй. 人类命运共同体意识是中国贡献给世界的可贵思想启示 (Осознание сообщества единой судьбы человечества является ценным идеологическим вдохновением, которое Китай привнес в мир) // «北京交通大学学报社会科学版». (Журнал Пекинского университета Цзяотун (издание по социальным наукам)) – 2018. – 17(4). – С. 1-6.

249. 张杰 Чжан Цзе. 中美经济竞争的战略内涵、多重博弈特征与应对策略 «Стратегическая коннотация, множественные игровые характеристики и стратегии реагирования на китайско-американскую экономическую конкуренцию» // «世界经济与政治». – 2018. – №.3. – С. 1–22.

250. 赵汀阳 Чжао Тинян. 天下体系的一个简要表述 (Краткое описание системы “Тянься”) // «世界经济与政治». – 2008. – №. 10. – С. 75-83.

251. 程多闻 Чэн Дуовэнь. 全球国际关系学视野中的“中国学派”构建 (Строительство «китайской школы» в перспективе глобальных международных отношений) // «国际观察». (Международное наблюдение). – 2021. – №. 2. – С. 1-30.

252. 陈定定 Чэнь Диндин. “压舱石”到“导火索”: 中美经贸关系分析 (От «балластного камня» к «предохранителю»: анализ китайско-американских экономических и торговых отношений) // «国际政治科学». – 2019. – 4(4). – С. 55-90.

253. 施祖辉 Ши Цзухуэй. 新中国的综合国力-时序轨迹与空间比较 (комплексная государственная мощь Нового Китая: траектория временного ряда и пространственное сравнение) // «财经研究». – 1999. – №.10. – С. 32–38.

254. 袁鹏 Юань Пэнь. 中美关系向何处去? (Куда пойдут китайско-американские отношения?) // «外交评论». – 2010. – №.2. – С. 2–7.
255. 杨卫东 Ян Вэйдун. 美国霸权地位的衰落-基于政治领导力的视角 (Упадок американской гегемонии: с точки зрения политического лидерства) // «国际论坛». – 2021. – №.1. – С. 50–64.
256. 杨原 Ян Юань. 两极体系下大国战略竞争的演化 (Эволюция стратегической конкуренции великих держав в условиях биполярной системы) // «国际政治科学». – 2019. – №.4. – С. 1–54.
257. 阎学通 Янь Сюэту. 对中美关系不稳定性的分析(Нестабильность китайско-американских отношений) // «世界经济与政治». – 2010. – №.12. – С. 29–30.

Интернет-ресурсы

На русском языке:

258. Александров М. В. База в Папуа — Новой Гвинее нужна США и её союзнику — Австралии // Центр военно-политических исследований, МГИМО (У) МИД России. 04.12.2018. URL: <http://eurasian-defence.ru/node/26150> – 05.03.2025.
259. Боришполец К.П. Конкуренция великих держав во время и после пандемии // МГИМО. 18.06.20. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/konkurenciya-velikikh-derzhav-vo-vremya-i-posle-pandemii/> – 05.03.2025.
260. Вице-президент США обвинит Китай во вмешательстве в выборы // Интерфакс. 4 октября 2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/631799> – 05.03.2025.
261. Кадомцев А. 5G - новый этап развития цивилизации в условиях международной конкуренции // Международная жизнь. 16.12.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24838> – 05.03.2025.
262. Капчан Ч. Большая стратегия Трампа: назад в XIX век // Россия в глобальной политике. 03.10.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-strategiya-trampa-nazad-v-xix-vek/> – 05.03.2025.
263. Кафруни А. Большая стратегия США: гегемония и сдерживание // Валдайский клуб. 07.02.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-strategiya-ssha/> – 05.03.2025.
264. Косырев Д. “Америке больше не подняться”: почему в этом уверены американцы // РИА Новости. 15.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210715/amerika-1741275624.html> – 05.03.2025.
265. Пармонов О. Об Индо-Тихоокеанском единстве: станет ли QUAD «столпом стабильности в регионе»? // Международная жизнь. 2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29431> – 05.03.2025.
266. Петровский В. Смогут ли ЕС и США «дружить против» Китая // Международная жизнь. 04.12.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28333> – 05.03.2025.
267. Приходько О. В. Трансатлантические отношения: вызовы

кризисного периода // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760007145-6-1/> – 05.03.2025.

268. «Санкционные политики великих держав: эффекты для международной системы» // Лонгрид сессии XXII Апрельской конференции НИУ ВШЭ. 2021. 29 с. URL: <https://www.congress.gov/116/bills/hr6613/BILLS-116hr6613ih.pdf> – 05.03.2025.

269. Соловьев Э. Г. Трампизм и международные отношения: мир на пороге деидеологизации? // Международная жизнь. 2017. № 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1925> – 05.03.2025.

270. США объявили действия Китая в отношении уйгуров “геноцидом” // ТАСС. 19 Январь, 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10498627> – 05.03.2025.

271. США отзовут визы более чем у тысячи китайских студентов и аспирантов. // Интерфакс. 10 сентября, 2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/725299> – 05.03.2025.

272. Хвостик Е. Покупка MoneyGram китайцами угрожает национальной безопасности США // Коммерсантъ. 15.05.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3297497> – 05.03.2025.

273. Яковлев П. П. Политика Д. Трампа в Латинской Америке: итоги и перспективы // перспективы. 28.09.2020. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/politika_d_trampa_v_latinskoj_amerike_itogi_i_perspektivy_2020-09-28.htm – 05.03.2025.

Англоязычные интернет-ресурсы

274. Allison G. The Thucydides Trap // Foreign Policy. June 9, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/06/09/the-thucydides-trap/> – 06.03.2025.

275. Asia Power Index 2020 // Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2020-asia-power-index-key-findings-report.pdf> – 07.03.2025.

276. Brands H. Nationalism isn't a bad thing, but Trump's version is // Bloomberg, 3 October, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-10-03/trump-un-speech-nationalism-thatwon-t-put-america-first>. – 06.03.2025.

277. Cordesman A. From Competition to Confrontation with China: The Major Shift in U.S. Policy // Center for Strategic and International Studies. 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/competition-confrontation-china-major-shift-us-policy> – 06.03.2025.

278. Godement F. Containment and engagement: drawing the line with China // Institut Montaigne. May 2, 2023. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/containment-and-engagement-drawing-line-china> – 06.03.2025.

279. Hass R., Denmark A. More pain than gain: How the US-China trade war hurt America // The Brookings Institution. August 7, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/08/07/more-pain-than-gain-how-the-us-china-trade-war-hurt-america/> – 06.03.2025.

280. How Trump's Trade Wars Have Reshaped the Global Economy // World Politics Review. November 20, 2020. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27819/will-trump-trade-wars-reshape-the-global-economy> – 06.03.2025.

281. Krugman P. The Strange Decline of the Pax Americana // The New York Times. October 16, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/16/opinion/columnists/us-power-republican-party.html> – 06.03.2025.

282. Leonard M. The crisis of American power // European Council on Foreign Relations. 2 February 2021. URL: <https://ecfr.eu/article/the-crisis-of-american-power/> – 06.03.2025.

283. List of US arms sales to Taiwan // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_US_arms_sales_to_Taiwan — 09.03.2025.

284. Miller J., O'Hanlon M. Quality over quantity: U.S. military strategy and spending in the Trump years // Brookings Institution, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/quality-over-quantity-u-s-military-strategy-and-spending-in-the-trump-years/> – 06.03.2025.

285. Murphy J. Trump's Trade Policy: An Assessment // US Chamber of Commerce. January 19, 2021. URL: <https://www.uschamber.com/issue-brief/trump-s-trade-policy-assessment> – 06.03.2025.

286. Nye J. Trump's Effect on US Foreign Policy // Project Syndicate. September 4, 2019. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-long-term-effect-on-american-foreign-policy-by-joseph-s-nye-2019-09> – 06.03.2025.

287. O'Shea P., Maslow S. "Making the alliance even greater": (Mis-)managing U.S.-Japan relations in the age of Trump // Asian Security. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14799855.2020.1838486?needAccess=true> – 06.03.2025.

288. Popović P. Realist Perspectives on Trump's Illiberal Counterrevolution // E-International Relations. 2021. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/90645> – 06.03.2025.

289. Thakker A. U.S.-India Cooperation in the Indo-Pacific // Center for Strategic and International Studies. 2021. URL: <https://www.csis.org/blogs/adapt-advance-refreshed-agenda-us-india-relations/us-india-cooperation-indo-pacific> – 06.03.2025.

290. "Thucydides's Trap" author warns against demonizing China -- U.S. media // Xinhua. February 2, 2024. URL: <https://english.news.cn/20240202/0cf9754b2efa4d84afcdc34aa9808d87/c.html> – 06.03.2025.

291. Trends in income and wealth inequality // Pew Research Center. January 9, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/01/09/trends-in-income-and-wealth-inequality/> – 06.03.2025.

292. Trump's tariff plans would be disastrous for America and the world // Economist. November 2, 2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/11/02/donald-trumps-tariff-plans-would->

inflict-grievous-damage-on-america-and-the-world – 06.03.2025.

293. U.S.-China Strategic Competition in South and East China Seas // Congressional Research Service. March 2021. URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/20522334/us-china-strategic-competition-in-south-and-east-china-seas-background-and-issues-for-congress-march-18-2021.pdf> – 06.03.2025.

294. U.S. Security Cooperation With Australia // US Embassy and Consulates in Australia. URL: <https://au.usembassy.gov/u-s-security-cooperation-with-australia/> – 06.03.2025.

295. Zakaria F. Fundamental incoherence to Trump's foreign policy // CNN. September 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pP4HawhWVNk> – 06.03.2025.

296. Zumbun J. "China Trade War Didn't Boost U.S. Manufacturing Might". // The Wall Street Journal. October 25, 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-trade-war-didnt-boost-u-s-manufacturing-might-11603618203> – 06.03.2025.

На китайском языке:

297. 中美重塑经贸关系的重要一步——中美第一阶段经贸协议文本解读 (Важный шаг для Китая и США по перестройке своих экономических и торговых отношений — Интерпретация текста первой фазы китайско-американского экономического и торгового соглашения) // Синьхуа. 16.01.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-01/16/c_1125470554.htm – 09.03.2025.

298. 中美就第一阶段经贸协议文本达成一致——五部门有关负责人介绍中美经贸磋商有关进展 (Китай и США достигли соглашения по тексту первой фазы торгово-экономического соглашения — соответствующие должностные лица пяти ведомств представили ход китайско-американских торгово-экономических консультаций) // 中华人民共和国中央人民政府官网 (Официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики). 14.12.2019. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-12/14/content_5461035.htm – 09.03.2025.

299. 吴兴伯 У Синьбо. 美国对华政策进入新阶段 (Новый этап политики США в отношении Китая) // «Глобал Таймс». 24 April, 2018. URL: <http://opinion.huanqiu.com/hqpl/2018-04/11904842.html?agt=15438> – 01.03.2025.

300. 杨洁篪 Ян Цзечи. 推动共建人类命运共同体 (Содействие построению сообщества судьбы судьбы человечества) // «Жэньминь жибао». November 19, 2017. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2017/1119/c1003-29654654.html> – 01.03.2025.

Газеты и информационные агентства

301. Сайт агентства «ТАСС» (РФ). URL: <http://www.tass.ru>. – .

302. Сайт агентства «РИА Новости» (РФ). URL: <http://www.ria.ru>. – .

303. Сайт агентства «Интерфакс» (РФ). URL: <http://www.interfax.ru>. – .

304. Сайт агентства «Синьхуа» (КНР). URL: <http://www.news.cn/>. – .
305. Сайт газеты «Жэньминь жибао» (КНР). URL: <http://en.people.cn/>.
306. Сайт газеты «Глобал Таймс» (КНР). URL: <http://www.globaltimes.cn/>.
307. Сайт газеты «South China Morning Post» (КНР). URL: <http://paper.people.com.cn>. – .
308. Сайт агентства CNN (США). URL: <http://www.cnn.com/>. – .
309. Сайт газеты «Washington Post» (США). URL: <https://www.washingtonpost.com>. – .
310. Сайт газеты «N.Y. Times» (США). <https://www.newyorktimes.com>. – .
311. Сайт газеты «Wall Street Journal» (США). <https://www.wsj.com>. – .